

Содержание

Общая теория перевода

Мишкuroв Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть II) 3

История перевода и переводческих учений

Ласка И.В. Концептуальные метафоры французского дискурса о переводе XVII века 42

Методология перевода

Нуриев В.А. Трудности перевода имён собственных в художественном тексте 56

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

Алексеева М.О. Исследовательские подходы и требования к анализу религиозного дискурса 65

Бердникова Д.В. Концептуальное пространство в тексте оригинала английской поэзии и его представленность в тексте перевода. 75

Мешкова Е.М. Средства вербальной агрессии в подлиннике и переводе 98

Мошонкина Е.Н. Переводческая рецепция «Божественной комедии» в XIX в. в России и во Франции: попытка сопоставительного анализа 110

Дидактика перевода

Кузнецова А.В. Разработка учебного курса по конференц-переводу: украинский опыт 122

Рецензии, рефераты, обзоры

Кульпина В.Г., Татаринov В.А. Интегративное терминоведение: общая теория и практические приложения (к выходу книги Марии Поповой «Теория терминологии») 145

Contents

General Translation Theory

<i>Mishkurov, E.N.</i> On the “Hermeneutical Turn” in Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part II)	3
--	---

Translation History

<i>Laska, I.V.</i> Conceptual Metaphors of Discourse on Translation in 17 th Century France	42
--	----

Translation Methodology

<i>Nuriev, V.A.</i> Proper Names in Literary Translation.	56
---	----

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Alekseyeva, M.O.</i> Research Approaches and Requirements to Analysis of Religious Discourse.	65
<i>Berdnikova, D.V.</i> The Conceptual Space of the English Poetic Text and Its Representation in the Text of the Translation	75
<i>Meshkova, Ye.M.</i> Elements Expressing Verbal Aggression in Source and Target Texts	98
<i>Moshonkina, Ye.N.</i> Translator’s Reception of “The Divine Comedy” in the 19 th Century Russia and France: An Attempt of a Comparative Analysis	110

Translation and Interpretation Didactics

<i>Kuznetsova, A.V.</i> Developing a Training Program in Conference Interpreting: Ukrainian Experience.	122
---	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru

О «ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА (часть II)¹

В настоящем разделе проекта ВШП «Общая и переводоведческая герменевтика» освещаются философско-культурологические, историко-библиографические и лингво-когнитивные пролегомены современной герменевтической парадигмы перевода (ГПП). Даётся критическая оценка значимости взглядов, максим и сентенций западноевропейских философов Хайдеггера, Гадамера, Беньямина, Дерриды и др., касающихся теории и практики перевода, в свете знаковых переводоведческих трудов основоположника классической герменевтики Ф. Шлейермахера, известного испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета и ряда ведущих отечественных гуманитариев. Poleмическая заострённость исследования обусловлена разногласиями в толковании ролевых игр членов триады «автор — переводчик — читатель», уместности и значимости поэтико-метафорической трактовки личности переводчика-герменевтика в образах «прозрачного/зеркального стекла». Предложена целокупная интерпретация объективных и субъективных причин поливариативности переводов и прагма-экспертная оценка ряда их реальных манифестаций. Сквозная цель настоящей работы — подготовка общетеоретической и «фоновой» базы для дальнейшего анализа категориальных единиц, их значимостей и функций в герменевтическом процессе перевода.

Ключевые слова: герменевтическая парадигма перевода (ГПП), лингвистический поворот, триада «автор — переводчик — читатель», прозрачность/зеркальность перевода, поливариативность переводов.

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

Hermeneutical Turn in Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part II)

The present part of the Higher School of Translation and Interpretation's project "General and translological hermeneutics" sheds light on the cultural-philosophical, historical-bibliographical, and linguo-cognitive prolegomena to the modern hermeneutical paradigm of translation (HPT). It offers a critical review of the beliefs and maxims proposed by M. Heidegger, Hans-Georg Gadamer, W. Benjamin, J. Derrida et al. concerning translation theory and practice in the light of the works by F. Schleiermacher and a number of other leading Russian scholars as well. A highly polemic character of the present research is due to the lack of uniformity in understanding the role plays of the

¹ Часть I см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 69—91.

members of the triad “author — translator — reader,” the relevance of a poetic-metaphoric representation of the translator as a “transparent/plate glass.” Subjective and objective reasons for the variability of translations receive a consistent interpretation, and some of their particular manifestations are pragmatically evaluated. The overall aim of the present work is to provide the theoretical basis for the future analysis of categorial units, their values and functions in the hermeneutical process of translation.

Key words: the hermeneutical paradigm of translation (HPT), the linguistic turn, the triad “author — translator — reader”, transparency of translation, variability of translations.

4.0. Притчей во языцех в западноевропейской философии XX в. стало, как известно, хайдеггеровское толкование языка как краеугольного камня, «дома бытия» в философской герменевтике, положившее начало знаменитому «лингвистическому повороту» практически во всех направлениях современной философской мысли — экзистенциализме, аналитической философии, неопозитивизме, структурализме, постмодернизме и др.

В хрестоматийном изложении сущность «лингвистического поворота» трактуется как «наиболее важная и существенная характеристика современной западной философии <...> Этот вираж имел глубокий парадигмальный характер: он означал переход от парадигмы мышления к парадигме языка, от философии сознания, мышления и субъекта к философии языка, смысла и значения».

Квинтэссенция «лингвистического поворота» базируется на максимах Л. Витгенштейна, постулирующих идею, что именно язык формирует образ мира в сознании человека и что границы языка означают границы нашего мира. Соответственно философию следует рассматривать не как науку и теорию, а как анализ деятельности языка, и философия должна стать «критикой языка».

У М. Хайдеггера (1889—1975) язык приобретает фундаментальный атрибут человеческого существования. «Бытие и жизнь человека, — по его мнению, — развёртывается и протекает в языке. Благодаря языку человек открывается миру. Что же касается философии, то её назначение заключается в размышлении, рефлексии о диалоге с языком, а значит, с бытием, поскольку язык является воплощением бытия» [Философия, 2011, с. 189—191].

Любопытно, что представители различных философских направлений, отстаивая повсеместно свои собственные взгляды и концепции по существу коренных вопросов онтологии, феноменологии и т.д., всецело выступали приверженцами «лингвистического поворота», углубляли его проблематику и широко использовали соответствующие постулаты в других сферах человеческой деятельности — культуре, науке, эстетике, литературе и др.

Так, знаменитый французский философ, социолог, антрополог и главная фигура в структурализме К. Леви-Строс (род. 1908) счи-

тает, что базисом общества и культуры является либо *бессознательное*, когда общество рассматривается в универсальном и глобальном плане, как всё человечество, либо *язык*, когда речь идет о конкретной форме бессознательного в конкретном обществе. Хотя язык располагается в одном ряду с другими символическими системами, именно он выступает в качестве первичной, базисной структуры. По его мнению, язык представляет собой не только факт культуры... но и «тот факт, посредством которого устанавливаются и увековечиваются все формы социальной жизни». Учёный констатирует, что лингвистика становится ведущей и фундаментальной наукой применительно к обществу, и она способна встать на уровень точных и естественных наук, тогда как все остальные социальные науки находятся ещё на стадии своей предыстории. Поэтому язык является не только основой общества и культуры, но и моделью для объяснения всех социальных и культурных явлений.

С другой стороны, постмодернисты, отказываясь от экзистенциалистской категории «бытия», заменяют её языком как единственным видом бытия, которое может быть познано. Один из крупнейших представителей данного течения Ж. Лиотар (1924—1998) принципиально рассматривал собственно философскую проблематику через призму лингвистики и языка, языковых игр и дискурсов. Он писал, что «философия является идеальным прототипом теоретического дискурса» и что «она является неповторимой практикой дискурса, понимаемой как опыт языка, который находится в постоянном поиске самого себя, в поиске трансцендентных условий и возможностей смысла».

Ещё более категоричен в своих суждениях о функциях языка в качестве фундаментального измерения действительности французский семиотик, эстетик и эссеист Р. Барт (1915—1980). Он писал, что «существование мира вне языка следует считать, по меньшей мере, проблематичным».

Соответственно «общество и культура — это также цивилизация языка, речи и письма». Таким образом, «язык — повсюду» и «всё есть язык» [там же, с. 283, 295, 314—316 и др.].

Как следствие, в постмодернистских течениях наблюдается очевидное усиление тенденций к эстетизации философии, сближению последней не только с языком, но и с литературой.

«Лингвистический поворот», несомненно, сыграл важную роль в «философизации» определённой тематики науки о языке. В частности, углублённой проработке подверглись такие проблемы, как сущность, роль и место концептов «текст» и «дискурс» и их категорий в современной научной парадигме, а также особенности функционирования естественного (обыденного) языка и его манифестации в виде научного, философского, поэтического и рели-

гиозного «подъязыков». В свою очередь философия существенно обогатилась лингвистическими подходами к трактовке системно-структурной организации языка, явлённостью последнего как «образцовой» знаковой системы, учением о «духе» языка и его этнопсихолингвистических эпистемах и т.д.

Существенным вкладом в теорию речевой деятельности явилась интерпретация последней как открытой совокупности так называемых «языковых игр» (*нем.* Sprachspiele, *англ.* переводное — language-games), призванных «выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, т.е. форму жизни». Знаковым моментом для теории и практики перевода является включение последнего в исходный символический перечень важнейших разновидностей речевой деятельности, таких как «сообщать о событии», «обсуждать событие», «выдвигать и проверять гипотезу», «сочинять истории и читать сочинённое», «играть на сцене», «придумывать шутки и делиться ими», «спрашивать, благодарить, бранить, приветствовать, молить» и др. [Витгенштейн, 2011, с. 30—31; анализ концепции см.: Мишкурин, 2012].

Тем не менее отношения между философией и наукой о переводе сложились крайне неоднозначно и противоречиво. В критическом плане обострилось внимание к проблемам переводимости/непереводимости, истинности и качества переводов, соотношения оригинала и перевода, ролевых игр членов триады «автор (текст) — переводчик — читатель», создания «единого концептуального языка» философии и др.

Откровенно негативную позицию в отношении перевода заняли М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер (1990—2002).

Известно, что при переводе определённое «ущемление» оригинала неизбежно, так как, пишет Гадамер, «там, где требуется перевод, там приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведённого на другом языке». И, уточняя свою мысль, добавляет, что «всякий перевод, всерьёз относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала», а «требование верности оригиналу, которое мы предъявляем переводу, не снимает принципиального различия между языками» [Язык..., 2003, с. 3].

Поднятая в работах видного философа проблематика явно свидетельствует о его знакомстве с трудами авторитетных теоретиков и практиков перевода. Но, вновь обрисовав объективные трудности в работе переводчика, Гадамер никак не комментирует способы и приёмы минимализации потерь, имеющиеся в арсенале методологии перевода.

Обозначив новый поворот в философском мышлении через осмысление «историчности человеческого существования» и обра-

шение к его онтологическому статусу, Хайдеггер пояснял, что можно добраться до истоков мышления не путём погружения в человеческое существование, а при помощи выхода из него. А последний можно осуществить при помощи воспоминания, из «первоначального знания», из которого собственно и начинается мышление. Очевидно, что здесь особую значимость приобретает овладение языковыми традициями, обычаями, всем тем фоном, контекстом фактичности человеческого бытия, мышления и языка, которые при обычном способе исследования почти всегда уходят на «задний план», погружаются в «бездонные пучины бессознательного». Поэтому Хайдеггер, пишет В.Г. Кузнецов, пытается обращаться к «первоначальным опытам языкового мышления», с помощью которых он стремится обнаружить и обнажить «первоначальные смыслы бытийствующего слова, смутно просвечивающие для нас через завесу латинских, арабских, современных переводов». И далее следует сакраментальный приговор Гадамера: «На базе переводов просто невозможен философский обмен мнениями» [Кузнецов, 2007, с. 104—105].

Совершенно иного взгляда на адекватность и значимость переводов античного наследия для современной цивилизации придерживался видный испанский философ, эссеист-полиглот, великолепно владевший латинским и древнегреческим языками, Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955).

Описав причины и следствия, по его выражению, «нищеты перевода», Ортега тем не менее подчёркивает исключительную важность переводческой деятельности, в частности, когда речь идёт об усвоении уроков античной мудрости, культуры, эстетики и «приземлённой прагматики». Он с сожалением констатирует, что «жанр перевода, который нам особенно важен, который... особенно необходим — это перевод греков и римлян». Но они «перестали быть для нас образцами <...> у нас атрофировалась способность воспринимать что-либо как образец». И далее: «...погибнув в качестве нормы и образца, Античность возрождается для нас как уникальная эпоха человечества, в корне отличная от нашей, в которую мы можем проникнуть благодаря тому многому, что от неё сохранилось. Греция и Рим — единственное путешествие во времени, какое мы можем совершить». А для этого, подчёркивает философ, «нужно реабилитировать для чтения всю греко-римскую Античность, а для этого понадобится проделать гигантскую работу по созданию *нового перевода* (курсив наш. — Э.М.). Потому что сейчас речь пойдёт о том, чтобы перевести на наши современные языки не те произведения, которые почитаются образцами данного жанра, а *всё подряд* (sic!) <...> И если раньше я говорил, что каждое произведение неповторимо, а перевод лишь орудие, приближающее нас

к нему, то из этого следует, что один и тот же текст допускает несколько переводов. Невозможно, по крайней мере в большинстве случаев, приблизиться к оригиналу сразу во всех измерениях». В качестве наиболее плодотворного перевода Платона Ортега приводил перевод на немецкий язык, выполненный Шлейермахером, «и именно потому, что он намеренно отказался делать красивый перевод», а превосходно отразил его содержательную сторону. Этот перевод, констатировал Ортега, «хорошо послужил всем, включая филологов. Поэтому неверно думать, что этот вид работы делается только для тех, кто не знает греческого или латыни» [Ортега-и-Гассет, 2013, с. 12—13].

Ратуя за новые варианты перевода античного научного и культурного наследия, Ортега огульно не сбрасывает со счетов и ранее произведённые переводы, так как, по его мнению, все они отражают различные грани оригинала и в своей совокупности, согласно Шлейермахеру, «приближают читателя к автору». Поэтому он явно не поддерживает критику Хайдеггером, которого он величал не иначе как «гельдерлиновским чревоушателем»², всех «латинских, арабских и современных переводов» античных произведений. Ортега — испанец. И хотя он католик, как истинный учёный Ортега не мог хотя бы *implicite* не оценить того значительного вклада арабов в предысторию западноевропейского Возрождения, познакомивших испанцев и другие младоевропейские нации с древнегреческим научным и культурным наследием посредством арабоязычных переводов, позже приобретших латиноязычную версию. «Благодаря трудам толедских переводчиков, — отмечает И.С. Алексеева, — европейцам стали доступны достижения арабской науки и культуры: труды по математике, астрономии, физике, алхимии, медицине. Они ввели в европейский культурный обиход также и труды знаменитых греков: Аристотеля, Эвклида, Птолемея, Галена, Гиппократта» [Алексеева, 2004, с. 69; см. также: Мишкуроев, 2008, с. 15—16].

А потому овладение культурой Античности любыми путями и прежде всего всякими переводами — дело для Европы архиважное, так как «древние греки и римляне нужны нам ровно в той степени, в которой они не похожи на нас» [Ортега-и-Гассет, 2013, с. 1].

Высказывания Гадамера о сущности и трудностях перевода в определённой части вполне логичные и здравые, хотя в значительной мере они излишне категоричны и бесповоротно устаревшие. Философ пишет: «Настоящее бедствие перевода в том, что един-

² Позже Н.С. Автономова напишет: «...поэзия может быть способом философствования <...> это утверждение о поэтическом бытии философии стало расхожим, хотя и спорным, общим местом». И далее: «Однако поэтические опыты Хайдеггера подчас действительно выглядят как сочный материал для филологической критики» [Автономова, 2008, с. 476, 478].

ство замысла, заключённое в предложении, невозможно передать путём простой замены его членов, соответствующими членами другого языка». Профессиональные переводчики подобный способ оставили далеко в прошлом. Поэтому его резкое резюме в настоящее время звучит неоправданно жёстко: «...переведённые книги представляют собой *обычно* (курсив наш. — Э.М.) настоящие чудища, это набор букв, из которых вынули дух». И далее: «Переведённое предложение, если, конечно, маститый переводчик не преобразил его так, что мы перестаём замечать стоящее за ним живое предложение оригинала, всё равно, что карта в сравнении с ландшафтом» [Гадамер, 1991, с. 59].

Роптать по поводу несходства, асимметрии языков — всё равно, что сокрушаться по поводу неизбывности холода в Арктике и Антарктиде и жары на экваторе. Искусство перевода как раз и заключается в том, чтобы за несхожестью этноязыкового выражения в рабочей паре языков увидеть и передать схожесть смыслов, исходя из потенциальной возможности их ментального соположения не столько в соответствующих предложениях, сколько в корпусе текстов ИЯ и ПЯ. Этим собственно и ценна ГПП (или, в более зауженной формулировке А.В. Воротовой, — этим важен «герменевтический ракурс перевода»), которая «позволит решить многие традиционные антиномии перевода, выстроить его оригинальную герменевтическую стратегию, которая может эффективно применяться при переводе как художественных, так и философских текстов» [Воротова, 2011, с. 45].

Хайдеггер как-то высокомерно заметил: «Скажи мне, что ты думаешь о переводе, и я скажу, кто ты такой» [Герменевтика | ТрансЕвропа, с. 1]. Простим некоторую язвительность великого философа и определим на основе его афоризма «рабочую квалификацию» современных западных философов, писавших нечто о переводе. К первой группе отнесём учёных, писавших о переводе в своих философских трактатах, что называется *à propos*, и практически не занимавшихся конкретной переводческой работой (Хайдеггер, Гадамер, Витгенштейн и др.). Во вторую группу зачислим учёных, писавших научные работы о переводе, но не занимавшихся конкретной переводческой работой (Хосе Ортега-и-Гассет и др.). Наконец, в третью группу поместим философов, оставивших специальные научные работы о переводе и активно занимавшихся практической переводческой работой (В. Беньямин, Ж. Деррида, П. Рикёр и др.).

Очевидно, что каждый философ, пытающийся писать нечто о переводе, должен непременно лично испытать на себе все тяготы и особенности этого ремесла. Что касается филологов и — шире — писателей, представляется уместным вспомнить напутствие Ортеги:

«Нам они [античные тексты] нужны именно в своём отличии от нас, и перевод должен подчеркнуть их экзотический и непохожий характер, раскрывая его перед нами. Я не понимаю, как каждый филолог не чувствует себя обязанным перевести таким образом какое-нибудь античное произведение». Вообще каждый писатель не должен пренебрегать трудом переводчика и наряду с самостоятельным творчеством давать переводы античных, средневековых и современных произведений. Необходимо возродить престиж этой работы и считать её умственным трудом первого порядка» [Ортега-и-Гассет, 2013, с. 13]. В пожеланиях философа есть, разумеется, некоторое преувеличение и недоподлинное знание тайн и тонкостей переводческой работы — как, к примеру, лекари: при общей профессиональной подготовке каждый из них специализируется в определённой сфере медицины, так и переводчики — каждый находит себя в определённом виде перевода — «античном», сакральном, медицинском и т.д. Но ему трудно отказать в общей постановке проблемы — важности, престижности и огромной интеллектуальной составляющей перевода в работе каждого филолога.

Что касается отношения ряда отечественных филологов и собственно некоторых переводоведов, то нас поражает тот неопишуемый немотивированный восторг, который они испытывают по мере знакомства с западноевропейской философией перевода XX в. и, по крайней мере, странное умозаключение, что «философские шаги стали значительно увереннее, их уже можно и “расслышать”, а значимость трудов западных философов “трудно переоценить” ибо “это своего рода окно в Европу, позволяющее увидеть проблемное поле перевода в западном восприятии”». А как следствие чтения ранее недоступной литературы — убеждение, что больше «не нужно искать философию для перевода, поскольку она уже есть. Это Гадамер, то есть герменевтика». Об этом, как пишет Н.М. Нестерова, было недвусмысленно сказано на круглом столе филфака в 2000 г. [Нестерова, 2012, с. 5, 8—9].

Действительно, мы согласны с мнением Нестеровой о том, что «протянулась нить, связующая научную мысль двух веков: Шлейермахер — Гадамер, Рикёр, Штейнер (корректнее «Стейнер». — Э.М.)» [там же, с. 5—6]. Однако по поводу персоналий в этой цепочке заметим следующее: если речь идёт об общих философско-герменевтических вопросах, то вслед за Шлейермахером следует поставить Дильтея, перед Гадамером — Хайдеггера и исключить Стейнера; а если речь идёт о переводческо-филологической составляющей философской герменевтики, то утверждение, что «Гадамер — это наше всё», просто абсолютно неверно. В трудах этого выдающегося философа содержатся отдельные более или менее удачные сентенции о сути перевода и совершенно «чудовищные» негативные вы-

сказывания о последнем, представляющие собой переводческую архаику. Единой концепции перевода, как в трудах его учителя Хайдеггера, так и у него самого, мы не обнаруживаем.

Следует также иметь в виду, что для ряда видных западноевропейских и американских философов характерны в целом глубоко фундированные, аргументированные подходы к анализу тех или иных философских феноменов, с одной стороны, и крайне агрессивные, неоправданно резкие выводы по сути дискутируемых вопросов. Нечто похожее мы обнаруживаем и в контексте переводоведческой проблематики.

4.1. Герменевтика ролевых игр, отражающая функционально скоординированное поведение членов триады «автор — переводчик — читатель», представляет собой одну из важнейших составных частей концепции ГПП.

В качестве исходной точки опоры для рассмотрения данной проблемы мы избрали знаменитую работу основателя «классической герменевтики» Ф. Шлейермахера (1768—1834) «О разных методах перевода» (“Über die Verschiedenen Methoden des Übersetzens”, 1813), которую, несомненно, следует квалифицировать как провидческий компендиум основ современного переводоведения, «романтический» катехизис норм и правил современной деятельности переводчика.

В этой связи следует отметить, что в настоящее время теоретиков перевода «новой волны» в значительно большей степени интересует философско-герменевтическая сторона переводоведческой концепции Шлейермахера, а не его якобы «шовинистически-снисходительное отношение к иным культурам», как представляется Л. Венути (род. 1953). Справедливости ради следует отметить, что он осуждает «англоязычных теоретиков и практиков перевода», которые только в 1977 г. прочитали лекцию учёного в английском переводе и включили её в число «важнейших источников современной переводческой теории» за то, что они по-прежнему с недоумением относятся к его пожеланию, чтобы перевод «создавал у читателя ощущение чужеземности», полагая, что единственно правильное решение заключается в «полнейшей естественности выражения», в использовании переводчиком «модусов речевого поведения, принятых в культуре адресата» [Венути, 1995, с. 1—12].

Спектр идей Шлейермахера-переводоведа и практика перевода значительно шире и ярче, и об этом пойдёт речь ниже в нашем анализе «классической теории» выдающегося учёного.

В работах отечественных теоретиков далеко не полностью раскрыт потенциал переводческой концепции Ф. Шлейермахера. Исследователи, как правило, ограничивались упоминанием лишь отрывочных фрагментов текста лекции с весьма лапидарными

комментариями или приведением отдельных цитат в связи с другими контекстными экспликациями.

Наиболее репрезентативно ряд важнейших постулатов концепции тезисно отражён в учебном пособии И.С. Алексеевой «Введение в переводоведение»: «Развитие взглядов романтиков на новой теоретической базе мы находим в работе известного теоретика и практика перевода первой половины XIX века Фридриха Шлейермахера “О различных методах перевода” (1813). Не разделяя взглядов многих своих современников, подчёркивавших невозможность перевода, Шлейермахер формулирует чёткие условия, которые способны обеспечить верность перевода оригиналу. Шлейермахер характеризует перевод как *герменевтический* процесс, подчёркивает необходимость различного подхода к текстам разного типа, проводя границу между текстами “деловой жизни” и текстами из сфер науки и искусства. Заявляя о необходимости передачи при переводе “духа языка”, Шлейермахер опирается на равенства впечатлений читателя оригинального и переводного текста и выдвигает метод “очуждения” как основной при передаче своеобразия подлинника. Оттенок “чуждости” обязателен, по его мнению, для сохранения национальной специфики» [Алексеева, 2004, с. 78—79].

Сходную, но более расширенную характеристику находим в работе В.Н. Комиссарова «Общая теория перевода»: «Он [Ф. Шлейермахер] указывает, что метод перевода зависит, прежде всего, от характера переводимого текста. В связи с этим предлагается различать перевод устных высказываний и письменных документов, непосредственно отражающих предметы и действия в определённом порядке следования в пространстве и времени (сегодня к таким материалам мы бы отнесли коммерческую переписку, официальные бумаги и т.п.), и перевод художественных и научных текстов. Ф. Шлейермахер полагает, что перевод первого типа не представляет особой сложности, так как здесь содержание оригинала задаётся как бы извне, предметами и действиями, и без труда воспроизводится в переводе. Во второй категории содержание создаётся самими авторами, свободно избирающими предметы и их расположение, которые выступают лишь вместе с речью. Здесь уже перевод становится трудной проблемой, так как речь строится разными языками по-разному. Переводчик имеет дело, с одной стороны, с системой чужого языка, а с другой стороны, с творчеством автора, использующего язык относительно самостоятельно и свободно. В связи с этим Ф. Шлейермахер предлагает различать два метода перевода — парафразу и свободное переложение. При парафразе переводчик во главу угла ставит верность отдельным частям подлинника, оперируя элементами обоих языков так, как если бы они были математическими знаками, находящимися в определённом

ном отношении друг к другу. При свободном переложении переводчик стремится создать одинаковое впечатление для своих читателей, каким оно было у читателей подлинника, отказываясь от соответствия отдельным его частям. Таким образом, в концепции Ф. Шлейермахера уже имеются элементы ориентации на получателя, которая играет столь большую роль в современной теории перевода» [Комиссаров, 1999, с. 62].

Трехстраничный текст, посвящённый концепции Шлейермахера в учебном пособии Л.Л. Нелюбина и Г.Т. Хухуни «Наука о переводе», написан по немецкоязычным историографическим работам и отражает национально-романтический взгляд немецких учёных на творчество своего соотечественника, которые не преминули упрекнуть его «в чрезмерной умозрительности и отсутствии примеров» в его лекции. Зная немецкую пунктуальность, полагаем, что в устной версии последней примеров было предостаточно. Но, учитывая большой объём печатного текста, конкретные примеры в целях экономии, скорее всего, были элиминированы из письменной версии. Не следует также забывать, что Ф. Шлейермахер лично перевёл труды Платона на немецкий язык, ярко продемонстрировав свой переводческий дар.

Мы согласны с авторами обзора в их общей оценке переводческих взглядов Шлейермахера, отметивших, что «теоретическая значимость сформулированных автором принципов «романтического перевода» вряд ли может быть оспорена, хотя отдельные положения Шлейермахера и понимаются по-разному» [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 135]. Упущением авторов мы считаем «негерменевтичность» подхода к трактовке концепции учёного.

Со своей стороны мы попытаемся представить квинтэссенцию переводческой концепции Ф. Шлейермахера в её наиболее существенных аспектах, особенно в части, касающейся нашей исследовательской задачи.

Освещая герменевтическую проблему взаимоотношения участников переводческого процесса, важно отметить, что Шлейермахер, будучи уверенным в изначальной ценности оригинала, относился к нему (и соответственно к автору), как свидетельствуют его современники-учёные и ученики, с огромным уважением, граничащим с преклонением. Поэтому переводчик, по его мнению, должен естественным образом призывать читателя-интеллектуала стать богаче в нравственном и эстетическом плане, ознакомившись с оригинальным текстом. Перевод — это как бы повод обратить внимание интеллектуального читателя на достоинства исходного текста (оригинала).

Рассуждая о теоретически оптимальном переводе, Шлейермахер высказывает гипотезу о том, что в принципе переводить надо

было бы «так, как бы перевёл сам автор, зная язык перевода», или «так, как бы написал сам автор на языке перевода, если бы этот язык был бы для него родным». В западноевропейской переводоведческой литературе, отмечает Н.М. Нестерова, «эти два метода именуются соответственно “alienating” и “naturalizing”, или “foreignization” и “domestication”» [Нестерова, 2012, вып. 22, с. 3].

Анализируя достоинства и недостатки переводческих методов — «парафразы» и «пересказа», т.е. «вольного/свободного переложения», — он призывает при использовании последнего не пренебрегать различиями в языках, обычаях, образовании и стремиться к тому, «чтобы для *своего читателя* произведение стало по возможности тем, чем был оригинал для первоначального читателя», а «для того чтобы сохранить единство впечатления, надо пожертвовать точностью соответствия». При этом «автор пересказа не собирается соединять *читателя с писателем*, так как не видит возможности установить между ними непосредственный контакт; он хочет лишь создать у *читателя* впечатление, похожее на то, которое получил от оригинала *современник и соотечественник автора*» (здесь и далее курсив наш. — Э.М.).

Философ считает, что «парафраза используется больше в научной литературе, пересказ — в сфере искусства». Но, сожалеет далее Шлейермахер, «ни один из этих методов не удовлетворит того, кто, проникнувшись ценностью чужого произведения, стремится донести его до *читателя* на своем языке и имеет при этом более строгие представления о переводе». И наконец, упомянем центральный постулат Шлейермахера о соединении фактически несоединимых принципов взаимозависимости всех участников процесса: «Теперь о переводчике, который действительно стремится сблизить *читателя и писателя*, не принуждая последнего покинуть сферу своего родного языка и обеспечив ему полное наслаждение произведением. Каков должен быть его путь? Я считаю, путей только два. Либо переводчик оставляет в покое *писателя* и заставляет *читателя* двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое *читателя*, и тогда идти навстречу приходится *писателю*. Оба пути совершенно различны, следовать можно лишь только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае... *писатель и читатель* могут вообще не встретиться». В первом случае, комментирует Шлейермахер, «*переводчик* стремится компенсировать незнание *читателем* иностранного языка. Он старается передать ему те же образы, те же впечатления, которые получил сам, знакомясь с произведением на иностранном языке, заменяя и вытесняя то, что для *читателя* было бы чуждо». В другом случае принцип перевода заключается в превращении *читателей* в «знакомого и современника *автора*», так что перевод стал бы для них

оригинальным произведением». Другими словами, *автора* надо переводить так, как если бы он сам писал на языке *читателя*.

Обобщая, философ следующим образом формулирует общие для переводчика принципы и задачи перевыражения оригинала:

— довольствоваться «старым», «захватанным» словом для передачи «свежего» и «нового» слова оригинала, если оно пригодно для передачи точного смысла;

— довольствоваться мыслью, что «в других местах, где автор употребил старые, затёртые слова, переводчик сможет наверстать упущенное и в целом достичь того впечатления, которое не удалось ему в частностях»; переводчик «должен быть доволен, если в отдельных частях ему удалось то, что не получается в целом»;

— помнить, что «использование языка переводчиком не может быть столь же естественным, как у писателя»;

— читатели (в том числе и критики. — *Э.М.*) «не будут оценивать его работу так строго, как оценивали бы оригинал, а ещё похвалят за то, что в одном произведении или даже в отдельных его частях ещё удалось достичь равновесия, что слово не отягощено посторонними смыслами и гармония формы оригинала не обернулась в переводе пёстрой мешаниной»;

— переводчик должен сохранить «то, что для читателя оригинала составляет своеобразие произведения — то, что воздействует на состояние духа, определяет мимический и музыкальный образ речи»;

— помнить, что «часто... верность ритма и мелодия приходят в противоречие с грамматикой и смыслом»;

— переводчик, «мучительно решая, чем пожертвовать» не должен «впадать в несурезицу»: нецелесообразно «следовать упрямо своей склонности, отдавая предпочтение какому-то одному элементу искусства»; «если в художественном произведении его интересует этическая сторона и её воплощение», то он может не уделить «достойного внимания ритму и музыкальной форме», а если же переводчик — музыкант и стихотворец, он не должен «пренебрегать логическим элементом, чтобы полностью овладеть музыкальной стороной», ибо за «деталью исчезает целое, ибо попытка добиться реального сходства в тональности и ритме, естественных для одного языка и требующих тяжеловесных и неудобных оборотов в другом, только усугубит разительное несходство общего впечатления»;

— думая о том, «какое место его перевод займёт в ряду других произведений родной словесности», он должен прежде руководствоваться целью — дать читателю возможность почувствовать «пусть отдаленно, природу чужого языка и то, чем обязано ей произведение. Это отчасти компенсирует читателю то, чего он не зна-

ет <...> он должен уметь опознать то чужое, с которым столкнулся, а это возможно лишь в том случае, если ему есть с чем сравнивать; читатель перевода должен почувствовать «не только дух языка, но так же своеобразный дух автора, отразившийся в его произведении»;

— всегда помнить о том, что «заставить автора говорить на языке перевода так, как будто это его родной язык, — задача недостижимая и нелепая»;

— переводчик не должен забывать, что читатель в соответствующих ситуациях всегда помнит, «что автор жил в иную эпоху и писал на другом языке» и что его задача заключается в том, чтобы дать лаконичное и ёмкое представление о чужом мире, стараясь тем не менее сохранить легкость и естественность оригинала».

Ф. Шлейермахер ратовал за то, чтобы переводы в цивилизованных культурных странах получили массовый характер. Соответственно в мире будет появляться всё больше и больше разных школ перевода, каждая из которых имела бы своих приверженцев среди публики, и хотя в основе лежит одно и то же намерение, произведение при этом может перелagаться по-разному, и нельзя утверждать, что один способ лучше другого, потому что одни ценят близость к языку оригинала, а другие — близость к родному языку; и та и другая оценка относительна и субъективна и не может считаться окончательной». Тем не менее «в языке, на который много переводят, формируется особая область, где переводчику обеспечено право на вольность», но ему не следует злоупотреблять этим правом.

В целом же, подчеркивает Ф. Шлейермахер, «не надо забывать, что много прекрасного и выразительного в языке либо появилось, либо было извлечено из забвения именно благодаря переводу <...> и перевод немало способствует возвращению речи её весомости», ибо «мы редко говорим и слишком много болтаем» (см. публикации данной работы: [Шлейермахер, 2000, с. 127—145; Schleiermacher, 2012, S. 1—20]).

4.2. Через сто с небольшим лет в 1923 г. появляется эссе «Задача переводчика» (“Die Aufgabe des Übersetzers”), написанная Вальтером Беньямином (Walter Benjamin) в качестве предисловия к своему переводу на немецкий язык стихов Ш. Бодлера «Парижские картины» из цикла «Цветы зла». Работой заинтересуются в 70-е годы XX в., когда деконструктивисты и постмодернисты усмотрят в нём «предтечу» своим идеям и концепциям нигилизма, а его труды, изданные в 7-томном собрании сочинений (1972—1989), будут расцениваться как «пролог» к сокрушению чаяний любителей «классического искусства», ибо «ни одно стихотворение не предназначено читателю, ни одна картина — зрителю, ни одна симфония — слушателю» [Беньямин, 1923, с. 1].

В. Беньямин (1892—1940) — это немецкий философ, культуролог, литературный критик и переводчик. В работах, «посвящённых взаимосвязи духа и языка <...>, ощутимо, наряду с немецкой романтической традицией, воздействие иудаизма». Интересовался идеями марксизма, связанными с теорией классов, концепцией базиса и надстройки. «Покончив с Россией», учёный увлекся проблемами философии искусства <...>, а также каббалой и еврейским мессианизмом». Что касается проблем перевода, то, по мнению исследователей, его посыл о необходимости дословного перевода и воспроизведения грамматических форм оригинала «повлиял на теорию и практику перевода» [Беньямин, Электрон. еврейская энци., 2012, с. 1—2].

Известно, что Дж. Стейнер в своей периодизации истории перевода «связывает начало четвёртого периода с распространением идей экзистенциализма, а также открытием статьи о переводе Вальтера Беньямина... Новый период Стейнер определяет как герменевтический» [Костикова, 2011, с. 16].

В. Беньямин видел идеал в тексте, составленном только из цитат. Выстроенные так, чтобы «они сами иллюстрировали друг друга и были способны отстоять своё право на существование именно в таком, свободном плавающем виде». Этот «сюрреалистический монтаж» при необходимости можно сопроводить пояснительным текстом при условии, что он не мешает «проникать в глубины языка и мысли... бурением, а не рытьём, т.е. не разрушая исследуемого объяснениями, которые-де должны обеспечить причинную или системную связь» [Грицанов, 2007б, с. 48—49; Арндт, 2003, с. 7].

Мы воспользуемся данной «экспериментальной методой», уходящей своими корнями в «еврейскую талмудическую традицию, основанную на цитировании и комментировании» [Беньямин, Электрон. еврейская энци., 2012, с. 2], соберём воедино доступное нам количество цитат из трудов учёных, занимавшихся творчеством Беньямина, позволив себе «связующие реплики» для цементирования «цитатного дискурса».

Фигура В. Беньямина начинает приобретать значимые контуры в отечественной науке о переводе в 90-е гг. XX в. Он ещё не стал «хрестоматийным лицом» в монографиях и учебных пособиях по переводоведению. Обсуждение его идей проходило в докладах, статьях и других «малых формах» научных произведений. Комплексный философско-культурологический и историко-лингвистический анализ взглядов В. Беньямина ещё ждёт своих исследователей. В настоящей работе мы, опираясь на доступные нам разработки отечественных и зарубежных учёных по данной проблеме, попытаемся очертить наиболее существенные для современного герменевтического переводоведения идеи и дать им первичное критическое толкование.

Указывая на популярность идей В. Беньямина в среде западно-европейских и американских деконструктивистов, Н.М. Нестерова цитирует остроумное (ироническое. — *Э.М.*) замечание бельгийско-американского философа Поля де Мана (1919—1983): «“Задача переводчика” относится к числу хорошо известных — как потому, что её повсюду читают, так и потому, что в нашем деле ты никто, пока не сказал что-нибудь об этом эссе» [Нестерова, 2005б, с. 236].

В. Беньямин, на наш взгляд, представляет собой тот тип классического учёного-эклетики конца XIX — начала XX в., который пытается всемерно расширить круг своих научных интересов, но в итоге возвращается к своему «любимому коньку» — основной, обычно первой специализации. Таковой у него была, несомненно, «философия искусства». Весьма проникновенно о личности В. Беньямина-учёного написала исследовательница его творчества Ханна Арендт (Arendt, 1906—1975): «...чтобы описать Беньямина и его произведения в привычной нам системе координат, не обойтись без великого множества негативных суждений. Он был человеком гигантской эрудиции, но не принадлежал к учёным; он занимался текстами и их истолкованием, но не был филологом; его привлекала не религия, а теология и теологический тип интерпретации, для которого текст сакрален, однако он не был теологом и даже не особенно интересовался Библией; он родился писателем, но пределом его мечтаний была книга, целиком составленная из цитат; он первым в Германии перевёл Пруста (вместе с Францем Хесселем) и Сен-Жон Перса, а до того — бодлеровские “Tableaux parisiens”, но он не был переводчиком; он рецензировал книги и написал немало статей о писателях, живых и умерших, но не был литературным критиком; он создал книгу о немецком барокко и оставил огромную незавершённую работу о Франции девятнадцатого века, но не был историком ни литературы, ни чего бы то ни было ещё; я надеюсь показать, что он был мастером поэтической мысли, притом что ни поэтом, ни философом он тоже не был» [Новейший философ. словарь. Постмодернизм, 2007, с. 46].

В первой четверти XX в. сущность перевода, как известно, была переосмыслена модернистами с позиций теоретических спекуляций и формалистических новшеств. Муссируется статус перевода как автономного, независимого от оригинала текста. В. Беньямин в своей статье «Задача переводчика» описывает перевод как «последствие» “*berleben*” (Ж. Деррида) иностранного текста. Он считает, что при переводе не только передаются сообщения, но и воссоздаются ценности оригинального текста, а перевод в конечном счёте передаёт философскую концепцию «чистого языка», создавая ощущение того, что «взаимоисключающие различия между языками сосуществуют с «дополнительными коммуникативными функциями» [В.Беньямин | ТрансЕвропа, 2012, с. 1; Деррида, 1985, с. 8].

В. Беньямин, позаимствовав у Шлейермахера (при этом нигде, к великому изумлению переводчика его работы Е. Павлова, не упоминая об этом [Павлов, 2012, с. 8]) идеи «возвышенного отношения к оригиналу» [см. 4.1.], максимального приближения «читателя к писателю» и др., пишет: «...еще одна отличительная черта плохих переводов: её можно определить как неточную передачу несущественного содержания. От неё не избавиться, откуда перевод выражает свою готовность служить читателю. Однако если бы перевод предназначался читателю, то же самое было бы справедливо и в отношении оригинала. Если же оригинал существует не ради читателя, то как в таком случае следует понимать перевод?» [Беньямин, 1923, с. 1].

Философско-мистический стиль изложения переводческой проблематики и путей её разрешения крайне затрудняет понимание авторской логики интерпретации, а потому побуждает читателя «выхватывать» из контекста отдельные пассажи и давать им более или менее однозначное истолкование, насколько это возможно. Такой приём мы применим в отношении одной ярко выраженной «сквозной» идеи Беньямина — «вновь обрести чистый язык, сформированный в языковом потоке», усматривая в этом «всеподавляющую и единственную способность перевода». Что такое «чистый язык»? В чём же следует «искать родство двух языков, если рассматривать его не как родство историческое?» Ответ автора: «Разумеется, не в сходстве литературных произведений или их слов. Скорее любое надисторическое родство языков заключается в том, что в основе каждого в целом лежит одно и то же означаемое, которое, однако, недоступно ни одному из них по отдельности, но может быть реализовано лишь всей совокупностью их взаимно дополняющих интенций. Это означаемое есть *чистый язык*» (курсив наш. — Э.М.). Как достичь искомого поворота в судьбах языков мира? Ответ Беньямина парадоксален: «...всякий перевод — всего лишь некое предварительное средство преодоления чуждости языков друг другу. Иное разрешение этой чуждости — не временное и предварительное, но мгновенное и окончательное — остаётся вне досягаемости человека; по крайней мере, оно недоступно напрямую. Опосредованно, однако, рост религий обеспечивает вызревание в глубине языков скрытого семени их *высшего прототипа*» (курсив наш. — Э.М.).

В качестве комментария к вышеприведённому пассажиру предлагаем авторитетное мнение П. Рикёра: «...страстная ностальгия по праязыку не обошла стороной и Вальтера Беньямина, отдавшего свой долг этой теме в работе “Задача переводчика”, где “совершенный язык”, “чистый язык”... видится как мессианская перспектива в области перевода, и в ней тайно сольются все идиомы,

вознесённые к вершине поэтического творения. К сожалению, практика перевода не находит для себя никакой пользы в этой ностальгии, питающейся эсхатологическими ожиданиями. По-видимому, уместнее было бы сразу же поставить крест на мечтах о совершенстве и взяться за “задачу переводчика” с трезвостью и холодным расчётом» [Рикёр, 1998, с. 4].

Несомненно, что рефлексии Бенямина по поводу «чистого языка»-посредника между ИЯ и ПЯ явно навеяны успехами компаративистики XIX в., длительное время владевшей умами интеллектуальной элиты Европы. Её достижения направляли по мере развития данной лингвистической парадигмы к реконструкции «зримого праязыка» — то древнееврейского, то санскрита и т.д., пока не удалось апроксимативно локализовать иное место для индоевропейского праязыка [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. Бенямин идеей праязыка увлекается, но, по своему обыкновению, «деконструирует» и «мистифицирует» её на свой лад. Ж. Деррида пишет, что «Бенямин, который часто рассуждает о родстве языков, никогда не делает этого на манер компаративиста или историка. Он меньше интересуется языковыми семьями, нежели более существенным и более загадочным установлением родственных отношений, сродством, про которое он не уверен, что оно предшествует черте или договору на перевод» [Деррида, 1985, с. 11].

Мечта Бенямина о «чистом языке» — это жалоба на разногласие языков в мире. Однако роптать по поводу асимметрии идиом, «мешающей» чистоте переводов, — это примерно то же самое, что сетовать на разномыслие философов, говорящих на разных языках.

Перевод — это «дом бытия» реципиентов-инофонов, «вторгающихся» в концептосферы разноликих мировых культур из-за жажды познания «чужого», проникновения в глубины исторического бытия человечества, овладения инновационными технологиями, а то и просто из интереса к социально-культурному и духовно-космическому инакомыслию соседей и далеко отстранённых «аборигенов».

Бенямин, несомненно, прав в своём постулате, гласящем, что «история великих произведений искусства несёт в себе знание источников, в которых они берут своё начало, формы их реализации в эпоху автора и, наконец, их потенциально вечной жизни в последующих поколениях. Там, где обнаруживает себя этот последний момент, он именуется славой. Переводы, являющие собой нечто большее, чем передачу содержания, возникают на свет именно тогда, когда пережившее своё время произведение достигает периода славы <...> такие переводы не находятся в услужении у произведения, а скорее обязаны ему своим существованием. Жизнь оригинала каждый раз достигает в них ещё более полного расцвета» [Бенямин, 1923, с. 2].

Теоретики перевода небезуспешно пытаются разрешить вопрос о сущности «эквивалентности перевода» и способах её достижения, но в конечном итоге всё время попадают в заколдованный круг проблемы «непереводимости», стоящей «непробиваемой стеной» на пути самых изящных концептуальных схем «переводимости», которые в принципе не приемлют максимы, звучащие, по версии Бенямина, следующим образом: «И даже если при передаче содержания выделить из ядра (т.е. инварианта. — Э.М.) всё возможное, а затем перевести, то и тогда предмет устремлений настоящего переводчика останется нетронутым <...> его нельзя передать, потому что отношение содержания к языку в оригинале совершенно иное, нежели в переводе» [там же, с. 4].

Каков же выход из этого онтологического тупика? Думается, что, во-первых, всем играющим сторонам триады «автор — переводчик — читатель» следует осознать, что «потаённый демиург» перевода — уяснённый в своей первооснове «чистый смысл» оригинала и его контент — представляют собой *ассоциативно-концептуальное поле*, которое необходимо расчленить на рабочие единицы перевода и соотнести их с фреймовыми структурами ПЯ, и, во-вторых, облечь последние в доступные для восприятия реципиентом знаково-символические и образно-смысловые языковые матрицы, которые пошагово погружают его в переводной контент, имитирующий содержание оригинала, в виде «форенизирующих намёков» на сопряжённость с первоисточником. Вместе с тем переводной континуум не должен вызывать у реципиента чувства узусно-стилистического отторжения «речевой нескладицы».

У перевода есть своя «аркада» доступа ПТ к «истинному, чистому смыслу» ИТ — его «реабилитирующий ресурс» потенциальной повторяемости, заключающийся в оптимально модифицирующихся многократных перелоганиях одного и того же произведения одним или разными переводчиками на один и тот же или разные языки. Благодаря поливариативности перевыражения подлинника переводы становятся всё глубже и тоньше смысловоспроизводящими, лучше и органичнее формовоспринимаемыми.

Как конкретно, по мнению Бенямина, должен выполняться перевод? Изучая метафорическую проблему перевода способом «прозрачного/зеркального стекла», О.И. Костикова в этой связи цитирует нашего автора, полагавшего, что «настоящий перевод прозрачен, он не заслоняет собой оригинал, не закрывает ему свет, а, наоборот, позволяет чистому языку, как бы усиленному его опосредованием, сообщить оригиналу своё сияние всё более полно. Это достигается прежде всего благодаря дословности в передаче синтаксиса: она доказывает, что именно слово, а не предложение есть первичный элемент переводчика. Ибо если предложение —

стена перед языком оригинала, то дословность — аркада» [там же, с. 6]. Комментируя этот постулат, О.И. Костикова справедливо подчёркивает, что «прозрачный перевод в понимании Беньямина «дословен», и дословность эта не есть ошибка переводчика, а его сознательная стратегия, которая зачастую деформирует язык перевода, но именно в этом его (переводчика) цель» [Костикова, 2010, с. 45—46].

Для Беньямина «перевод есть форма», однако он понимает, «насколько точное воспроизведение формы затрудняет точность передачи смысла», а поэтому «требование *дословности* (курсив наш. — Э.М.) не может быть продиктовано интересами его сохранения». Тем не менее он, образно выражаясь, пытается отстоять своё формалистское понимание перевода: «Подобно тому, как для сочленения черепков сосуда нужно, чтобы их последовательность была соблюдена до мельчайшей детали, а сами они не обязательно должны походить друг на друга, так и перевод, вместо того, чтобы добиваться смысловой схожести с оригиналом, должен любовно и скрупулезно создавать свою форму на родном языке в соответствии со способом производства значения оригинала, дабы они были узнаваемы как обломки некоего большего языка, точно так же, как в черепках узнаются обломки сосуда» [Беньямин, 1923, с. 6].

Беньямин в своё время пытался преодолеть своей трактовкой перевода «тяжеловесное преобладание смысла», которое, по его мнению, «не служит рычагом совершенствования перевода». Его влекут идеи Р. Панновица, почитаемого за призыв к «форенизации» немецкого языка в переводах, к примеру, с хинди, греческого, английского. Он согласен с его мнением о том, что переводчик «обязан расширять и углублять свой язык посредством чужого» и что «при переводе с языка, очень далекого его собственному, он должен возвращаться к первичным лингвистическим элементам и проникать туда, где слово, образ и звук сливаются воедино. Он обязан расширять и углублять свой язык посредством чужого». Идеал перевода в виде **подстрочника** он видит только при перевыражении Священного Писания на разные языки, так как, по его убеждению, только в нём «смысл перестаёт быть водоразделом потоков языка и откровения». Он мистически верит, что «от перевода требуется настолько безграничное доверие к этому тексту, что совершенно также, как язык сливается с откровением в оригинале, дословность и свобода перевода должны без всяких усилий соединяться в форме подстрочника. Ибо в какой-то степени все великие тексты — а превыше всех священные — содержат между строк свой потенциальный перевод. Подстрочник Священного Писания есть прообраз или идеал любого перевода» [там же, с. 7].

С религиозными убеждениями человека спорить бесполезно и не нужно. Ответ на эти сентенции мы находим в разнообразных практиках многочисленных переводов Библии более чем на две с половиной тысячи языков.

В переводоведческих взглядах Бенямина постмодернистов и деконструктивистов привлекли его суждения о сущности соотношения оригинала и его переводов. Он, в частности, выдвинул постулат о том, что «оригинал существует не ради читателя» и что «ни один перевод, каким бы хорошим он ни был, не имеет никакого значения для оригинала», и хотя «в силу переводимости последнего тот и другой находятся друг с другом в теснейшей связи <...> перевод для оригинала совершенно не важен». Очевидно, что «перевод выходит из оригинала», так как «перевод рождается после оригинала». Но «жизнь оригинала каждый раз достигает в них ещё более полного расцвета». Наконец, следует умозаключение, что «перевод был бы невозможен, если бы его глубинной сущностью было стремление к схожести с оригиналом», так как впоследствии «оригинал претерпевает изменения» и так как «то, что в эпоху автора могло являться особенностью его поэтического языка <...> что однажды звучало свежо, может позже превратиться в штамп; то, что ранее было употребительно, с течением времени устаревает». И здесь следует великолепный образ соотнесенности оригинала и перевода: «В то время как в оригинале содержание и язык образуют некое единство по типу фрукта и кожуры, язык перевода объёмлет своё содержание, как королевская мантия с широкими складками», а потому «задача переводчика состоит в нахождении той интенции в отношении языка перевода, который будит в нём эхо оригинала» [там же, с. 5].

По поводу постулатов Бенямина приведём одно интересное наблюдение Х. Арендт, по мысли которой «проблема истины с самого начала представлялась Бенямину откровением, которое <...> относится к сфере метафизического слуха. Поэтому язык для него есть в первую очередь не дар речи, отличающий человека от прочих существ, а, напротив, сущность мира... из которой возникает сама речь. Это язык истины, который в тишине и спокойствии хранит все высшие тайны, над чьим раскрытием бьётся человеческая мысль, и это именно тот истинный язык, который мы невольно подразумеваем, переводя с одного языка на другой» [Новейший философ. словарь..., 2007, с. 49].

Мистико-поэтический полёт мысли Бенямина захватил и Ж. Деррида, который, как известно, начинал свой творческий путь как профессиональный переводчик трудов Э. Гуссерля, а закончил как последний представитель французской великой когорты философов 60-х гг. XX в., явивших миру концепцию деконструкции

философии искусства, самой философии, истории, языка и перевода. Однако, поддаваясь метафоричности языка Бенямина, он сам в духе последнего пишет: «Язык перевода облачает его [текста] содержание, как королевская мантия с обширными складками <...> У Короля конечно же имеется тело (и здесь это не оригинальный текст, но то, что составляет содержание переведённого текста), но тело это лишь обещано, заявлено и сокрыто переводом. Одевание к лицу, но не охватывает достаточно туго королевскую особу <...> напоминает эту королевскую мантию и наилучший перевод. Он остаётся отдалённым от тела, с которым, однако, соединяется, облекая, сочетаясь с ним, не брачуясь». Ж. Деррида в «собственном контексте» вполне вразумительно расставляет все точки над «i», определяя сущность перевода и реальные задачи переводчика: «Переводы суть произведения, которые оригинальны только выражением <...> если первое следствие вполне благоприятно, поскольку именно эта форма и определяет оригинальность перевода, другое следствие могло бы оказаться разрушительным, ибо оно должно было бы привести к отказу от того, что отличает оригинал от перевода, если за исключением выражения вернуться к глубинному разграничению содержания». И далее указывает, что «переводчик демонстрирует оригинальность в выборе выражений, наилучшим образом передающих на одном языке смысл текста на другом языке <...> так что в действительности перевод не является результатом автоматического процесса; выбором, который он осуществляет между несколькими словами, несколькими выражениями, переводчик совершает умственную работу, но, естественно, ему не под силу модифицировать композицию переводимого произведения, ибо он обязан блюсти верность этому произведению» [Деррида, с. 14—17].

Относительно общетеоретической и практической оценки значимости эссе Бенямина в трудах отечественных учёных, то разброс мнений здесь достаточно велик. Так, И.С. Алексеева, выступившая в числе первых переводчиков данной статьи на русский язык, считает, что в своей герменевтической модели В. Бенямин «трактует перевод как прорыв к “чистому языку”... видя в тексте оригинала определённый порядок... созданный на основе хаоса исходного языка <...> Автор модели видит в переводе динамику нарастания упорядоченности, рассматривает его как средство преодоления хаоса; перевод для него средство обнаружения, вскрытия вечного порядка» [Алексеева, год? б, с. 3].

Разделяя мнение автора том, что перевод не есть копия оригинала и что переводы продлевают их жизнь, мы не можем согласиться с её одобрительным отношением к мифологемам Бенямина о «чистом языке», разделяя скорее трезвый взгляд на проблему

П. Рикёра. Не следует преувеличивать роль перевода как некоего демиурга по «вскрытию вечного порядка» и преодолению «хаоса исходного языка». Здесь следует пояснить, что термин «хаос» в пост-модернистской трактовке означает плюрализм интерпретаций исходного текста. Далее — в эссе, по нашему мнению, нет никакой «модели перевода» Бенямина. Его работа содержит ряд интересных для философии перевода идей, носящих, однако, противоречивый характер и не образующих цельное, системно-структурное образование — модель, комплексно отражающую стратегию и тактику переводческого процесса. Принципы перевода Бенямина позволяют положить их в основание минимум двух умозрительных моделей — «дословно-формалистической» (пригодной, например, для перевода Священного Писания) и «интерпретационно-смысловой» (пригодной для перевода философских текстов).

Оценивая же работу «раннего» Бенямина как заметный след в истории перевода, мы согласны с общим выводом Алексеевой, гласящим, что «концепты хаоса и порядка в их научно-парадигматическом применении позволяют уточнить уже существующие процессуальные модели перевода, увидеть их не просто в динамике, но и в однонаправленном потоке времени, сделав новый шаг в бесконечном процессе познания» [там же, с. 5].

Настраиваясь на метод умпостижения Бенямином сути перевода и роли переводчика в этом виде языковой игры, И.М. Чубаров в блестящем эссе «Перевод как опыт нечувственных уподоблений» фактически осуждает своего героя за то, что тот «не очень-то жалуется фигуру переводчика», характеризуя последнего в духе Кафки, который повествует о «великом пловце, не умевшем плавать».

Мистический переводчик у Бенямина на «язык божественный» переводит неважно. Да и сам он лично, напоминает нам Чубаров, постоянно подвергался нападкам со стороны каждого, кому «не лень было критиковать [его] за [плохие] переводы Бодлера и Пруста» [Чубаров, 2011, с. 251—252].

От себя добавим: Бенямин — неудачливый переводчик — заимствует ряд переводоведческих идей у профессионалов, но облекает их толкования в сложную образно-метафорическо-мистическую «кожуру», не сродни, однако, «королевской мантии». Его «школьный пример» о несводимости понятий французского “rain” и немецкого “Brot” к обычной «буханке хлеба» погружается в полумистический контекст, провозглашающий миру, что «не существует языка (кроме языка Бога, который нам неизвестен), на котором можно было бы уловить различие способов выражения этого банального значения на национальных языках и оценить их дистанцию по отношению к подлинному смыслу означаемого». Вот уж воистину — заявленные в работе Бенямина постулаты

«принесли в переводческую среду не столько мир и согласие, сколько меч и раздор» [там же, с. 238]. Можно, конечно, за давностью лет быть не столь критичным к «переводоведческой фантастике» Беньямина, но вся беда заключается в том, что его идеи неосмысленно тиражируются в наше время в трудах некоторых доверчивых ученых. Так, например, в работе Е.Д. Богатыревой читаем: «Создание единого (т.е. «чистого языка». — Э.М.) обозначает достижение взаимопонимания, которое осуществляется в переводе, если избежать двух крайностей: понимать только автора или понимать только себя» [Богатырёва, 2007, с. 8].

В этой связи также заметим, что вряд ли нам стоит безоглядно принимать конкретную рекомендацию Н.С. Автономовой — следовать сразу за всеми «философскими звёздами» на переводоведческом небосклоне, в том числе «вслед за Беньямином, Рикёром или Деррида, за многими другими». Весьма опасно совмещать несовместимое — однозначное неприятие Рикёром идей Беньямина или совмещение его плодотворной идеи о «языковом гостеприимстве» со схоластическими рассуждениями Дерриды об «оригинале, вопиющем и молящем о переводе». Мысль последнего просто и чётко формулируется Н.С. Автономовой: «...одного-единственного перевода, который бы удовлетворял всех переводчиков и всех читателей, быть не может» [Автономова, 2008, с. 146, 399].

5.0. В западноевропейской философии и культурологии решение проблемы функционального взаимодействия членов триады, как известно, решается по-разному. Однако в отношении категории «автор» мнения практически единодушны — «автор смертен», а его место в диалоге с читателем занимает «текст». Читатель должен толковать текст без апелляции к личности творца. «Живучесть» читателя — тоже относительна. Ряд наиболее последовательных постструктуралистов и деконструктивистов рассматривают фигуру читателя на начальном этапе анализа как «активного интерпретатора» и даже как «источника смысла». Тем не менее в конечном счёте читатель дезавуируется, так как он, по Р. Барту, «человек без истории, без биографии, без психологии, сводящий лишь воедино «все те штрихи, что образуют письменный текст». Что касается личности переводчика, то он представляется либо как «технический сотрудник», то как «интерпретатор» и даже как «соавтор, соперник» создателя оригинала [системный анализ — см.: Мишкурин, 2013б].

В сугубо переводческом плане роли членов триады трактуются Н.К. Гарбовским следующим образом: «...текст — это некоторая открытая сущность, которая утрачивает всякую связь с автором тотчас, как оказывается достоянием читателя, что каждый читатель, естественно, видит в тексте то, что видит, а вовсе не то, что видел автор, создаётся впечатление, что переводчик — это тоже простой

читатель, который может видеть в тексте оригинала то, что он видит, основываясь на своём когнитивном опыте. Встав на такую позицию, придется признать, что перевода как такового не существует, так как каждый переводчик будет создавать своё собственное произведение, в силу ума и таланта, лишь отчасти напоминающее то, что было в оригинальном произведении». И далее: «Вправе ли переводчик приравнять себя к простому читателю <...> Переводчик и читатель суть категории разные... Переводчик не может только руководствоваться «простым» впечатлением от текста. Его прочтение — это глубочайший лингвистический, культурологический, исторический, эстетический, философский и какой хотите иной анализ текста. Переводческое прочтение оригинала — это *истинная герменевтическая деятельность* (курсив наш. — Э.М.) <...> Второй, не менее тяжкий, этап переводческого труда — это этап реконструкции текста на языке перевода иными средствами выражения» [Гарбовский, 2004б, с. 52].

В контексте настоящего исследования подробнее остановимся на вопросе о метафорической представленности личности переводчика в процессе перевыражения ИТ знаками ПЯ — то как «стекла прозрачного», то как «стекла зеркального».

Как пишет О.И. Костикова, онтологический спор вокруг понятия «прозрачный перевод» в настоящее время «интерпретируется как спор между «оригиналистами», т.е. приверженцами максимальной близости текста перевода тексту оригинала, и «целевиками», т.е. сторонниками социальной адаптированности текста перевода целевой аудитории в принимающей культуре». Развивая метафорический образ «стекловидного перевода», критики подразделяют переводные тексты на сугубо «прозрачные», т.е. «тексты, в которых ничто не выдаёт их переводного характера», и «цветные», т.е. тексты, в которых перевод носит дословный характер и которые созданы в соответствии с нормами языка перевода» и постоянно привлекают внимание читателя «к палитре эпохи, культуры и языка оригинала». Стратегия «цветового перевода» верифицирует перевод не как «простое посредничество, а процесс, в котором идёт постоянное взаимодействие с «иным», «другим» его менталитетом, эстетикой, культурой, что связано не только с языковой или литературной перспективой, но и с антропологией» [Костикова, 2010, с. 42—44].

Философско-герменевтические идеи немецкой (йенской) школы романтизма, несомненно, обогатили теорию и практику перевода, введя в научный оборот категорию «своего» в «чужом» и «чужого» в «своём» как инструмент с большой объяснительной силой в толковании смыслов текстов-источников и их отражении в текстах принимающего языка.

Любопытную аргументацию в пользу «прозрачности» переводчика и результатов его труда приводит Д.М. Бузаджи: «Сохранить при переводе прозрачность труднее, чем не сохранить. Чтобы добиться прозрачности, переводчик должен обладать обширными знаниями из области общей и частной теории перевода, должен знать и уметь выявлять нюансы узуса иностранного языка и постоянно работать над совершенствованием своего владения родным языком; должен пополнять свой словарный запас и развивать чувство языка; должен иметь представление об особенностях исходного и переводящего языков в разные эпохи, в разных регистрах, сферах коммуникации и т.д.». Разумеется, никто не станет возражать против такой постановки вопроса относительно оптимального содержания «портфолио компетенций» профессионального переводчика. Нас смущает только контраргумент учёного: «Проявить же непрозрачность переводчик способен и не обладая этими знаниями и умениями». И хотя он оговаривается, что «переводческая непрозрачность не всегда следствие низкой квалификации переводчика», тем не менее настаивает на первичном тезисе, ибо, по его мнению, «отличить непрозрачность принципиальную от непрозрачности вынужденной не всегда возможно» [Бузаджи, 2009, с. 36].

Уважая авторское рвание за высокий престиж переводческой профессии, приведём здесь только частный контраргумент: качество переводов знаковых произведений по степени их «прозрачности — непрозрачности» и «принципиальной непрозрачности — вынужденной непрозрачности» нетрудно выявить при сопоставлении поливариативных переводов одного и того же произведения. Борьба же с некачественными переводами — это скорее не проблема выбора методов, а целенаправленная критическая деятельность профессионального сообщества и безусловная обструкция переводческой халтуре, успешный образчик которой приводится ниже.

Несомненно, теория «прозрачности» имеет свои определённые достоинства. Однако любая теория всегда имеет свои ограничительные рамки. О.И. Костикова верно подмечает, что «образ прозрачного стекла», который воспринимается рядом критиков как «некий предел переводческого совершенства», на самом деле далеко не всегда «точно отражает специфику переводческой деятельности». Действительно, «прозрачность как свойство перевода может предполагать разные стратегии переводчика» [Костикова, 2010, с. 46].

Труднее тем не менее дать однозначный ответ на вопрос — какие обстоятельства побуждают переводчика прибегать к выбору той или иной стратегии?

Теории «прозрачного стекла» критики перевода противопоставляют метафору «зеркала», обладающего феноменологическим свойством двустороннего отражения первоисточника и его пере-

водческого перевоплощения. А каково будет это «зеркальное отражение» — правдивое, искажённое, обманчиво красивое или беспардонно перевёрнутое и т.п. зависит «от личности переводчика, от концепции, предопределяющей его отношение к “своему” и “иному”, от его умения интерпретировать “иное”, от его мастерства в использовании форм переводящего языка, от его литературного и переводческого дара» [там же, с. 47].

5.1. Идея сравнения различных методов перевода, сопоставительного осмысления их сильных и слабых сторон, а также критический анализ объекта (оригинального текста) и его отражения (текста перевода) отчётливо выражена в переводоведческой концепции Ф. Шлейермахера, который при этом подчёркивал, что «так как перевод — это искусство, то встречая в переводимом нечто значительное в своей простоте или исключительно яркое, что трудно передать на другом языке, переводчик может пренебречь всеми правилами, согласно которым ему следовало бы представить, как автор выразил бы то же самое на языке перевода; поскольку мало существует двуязычных писателей, творчество которых переводчик мог бы принять за образец, ему остаётся полагаться исключительно на своё воображение, если только речь не идёт о деловом или светском стиле» [Schleiermacher, 2012, p. 18].

Итак, на поставленный выше вопрос философ-герменевтик-переводчик даёт подсказку, которую в современной терминологии можно сформулировать следующим образом: при выборе стратегий и тактик перевода следует как минимум руководствоваться нижеперечисленными исходными максимумами: а) определите тип, вид, жанр исходного текста; б) уточните тип когнитивно-интерпретативной рефлексии — научный, производственно-технологический, деловой, образно-эмоциональный (художественный), канцелярский и т.п. или их адекватно-прагматическое совмещение, — которые следует выбрать переводчику для осмысления и знаково-символического перевыражения его формально-семантической структуры на принимающем языке; в) идентифицируйте степень сходства и различия «концептуальных» языков рабочей пары идиом в синхронно-диахроническом плане; г) выясните «дискурсивно-переводческую историю» исходного текста — «нулевая»/«поливариантная»; д) согласуйте «социальный заказ» на способ, форму и характер перевода и т.д.

На выбор соответствующей методы переложения — «прозрачной», «зеркальной» или «смешанной» — часто влияет «общественный заказ», диктуемый требованиями «высшей целесообразности» — политической, социальной, сакральной и т.п. Обратимся к практике «классиков» древних и средневековых сакральных (в отличие от историко-филологических) переводов Священного Писания.

«Переводчики, — замечает М.И. Рижский, — сочли вполне целесообразным и допустимым... вносить соответствующие изменения в Священное Писание <...>В еврейской Библии написано о Боге, что «Праведного и злодея губит». В контексте смысл этого совершенно ясен: Иов бросает Богу в лицо упрёк в несправедливости — Бог одинаково расправляется со всеми людьми независимо от их поведения, дурного или хорошего. Перевод Септуагинты даёт совершенно иной смысл: «Великого и сильного губит гнев». Когда ветхозаветный дискурс в грекоязычной версии, выполненной в III—II вв. до н.э. и получившей название «Септуагинта», стал использоваться в интересах молодой христианской религии, иудейские законоучители предпочли позже создать другой, более близкий к еврейскому тексту перевод Ветхого Завета на греческий язык. Такой перевод осуществил в первой четверти II в. Аквила (или Акила), который старался в своём переводе достигнуть максимальной близости к оригиналу, даже буквализма, вплоть до сохранения числа и порядка слов еврейского текста. Естественно поэтому, что перевод Авилы много потерял в литературном отношении, но зато выиграл в точности.

Естественно, что такая версия перевода не могла быть принята христианской церковью, так как она рушила догматику учения о Христе и непорочном его зачатии.

А когда св. Иероним (340—420) по поручению Папы Римского Дамасия переводил с греческого языка на латинский Новый Завет, а Ветхий Завет — непосредственно с древнееврейского, то он старался, по его же заверениям, «ни в чём не изменить еврейской истине». Перевод св. Иеронима в самом деле достаточно близко отражает еврейский оригинал, но «только до тех пор, пока не затрагивалась христианская догматика». В этих случаях для перевода избирались требуемые фрагменты из Септуагинты, позволявшие не нарушать христианскую экзегетику. В латинский перевод было перенесено слово «Христос» (помазанник) без перевода, позволяющее воспринимать его как имя собственное. Сохраняет св. Иероним и «деву» Исайи, переводя это слово латинским **вирго**, которое, как и греческое **партенос**, в переводе Септуагинты означает «девственница». Перевод Библии св. Иеронимом, объявленный вначале «еретическим» за его отклонения от Септуагинты, в 1546 г. признается Тридентским собором «богодухновенным» и имеющим достоинства подлинного и «совершенно достоверного».

Разобрав несколько примеров «консонантных игр» с древнееврейской Библией в Септуагинте, О.М. Лазаренко подчеркивает, что переводчики достаточно свободно обращались с сакральным текстом и что им «явно не было свойственно такое буквалистическое понимание богодухновенности, как в исламе или в некоторых

видах современного протестантизма <...> Парадоксальным образом в древних переводах библейского текста уживаются трепетное отношение к букве и содержанию оригинала со смелым переистолкованием первоначального смысла или даже заменой его новым смыслом» [Мишкур, 2010, с. 126—127].

Воистину права Н.С. Автономова в своем утверждении, что «перевод — антропологическая константа человеческого бытия <...> сфера страстей и столкновений» [Автономова, 2008, с. 2].

Следует подчеркнуть, что в зависимости от переводческой ситуации, а также типа, вида и жанра текста-источника (оригинала) ГПП прибегает к методу как «дизъюнктивной» (разделительной) — **либо** «прозрачное», **либо** «зеркальное» переложение, — так и «конъюнктивной» (соединительной) — **и** «прозрачное», **и** «зеркальное» переложение. Очевидно, что длинный ряд «специальных», профессионально ориентированных видов перевода — научного, научно-технического, военного, юридического, медицинского и т.п. — должны «прозрачно» отражать оригинал, как, выражаясь фигурально, тайный истинный портрет Дориана Грея (в одноименном романе Оскара Уайльда) воспроизводил его реальный образ в момент очередного грехопадения.

Посмотрим, как эту проблему трактуют авторитетные теоретики и практики перевода.

Видный специалист в области научно-технического перевода Б.Н. Климзо (1930—2008) считал, что «профессиональному письменному техническому переводчику приходится иметь дело с добротным, полноценным, словарным и интралингвистическим видами перевода». Без псевдонаучной зауми автор характеризовал их следующим образом: «**Добротный перевод** не содержит ошибок по существу исходного текста, искажений мысли автора, переводческой отсебятины и написан с соблюдением грамматических и стилистических норм языка перевода <...> **В полноценном переводе** соблюдены все требования, предъявляемые к добротному переводу, и, кроме того, выполнена дополнительная работа по обоснованному устранению ошибок и алогизмов автора исходного текста, уточнению автора, построению эквивалентов отсутствующих в словарях терминов, пересчёту размерностей <...> **Словарный перевод** — это перевод, выполняемый только с опорой на словари, когда переводчик по тем или иным причинам лишён возможности использовать справочники, монографии, статьи, документы и консультации со специалистами. Словарный перевод близок по качеству к добротному переводу и в переводческой практике встречается довольно часто <...> Привычный для всех перевод с одного языка на другой лингвисты называют *интерлингвистическим*, а передачу со-

держания «в других словах и выражениях *того же* языка» — *интралингвистическим переводом*. Перефразировка, описательный перевод термина — это операции интралингвистического перевода чисто языкового характера. Но есть операции и иного характера, например прагматического. К ним можно отнести предшествующее переводу на иностранный язык редактирование исходного текста с ведома автора, в процессе которого устраняются невнятные, нелогичные, рыхлые места.

К интралингвистическому переводу можно, по-видимому, отнести операции, которые иногда называют «локализационным переводом» (или «локализацией») и которые выполняются с учётом традиций и реалий, существующих в технике или в стране перевода. Например, «если в исходном тексте написано “*batteries of 1.5 V-DC*”, то рекомендуют в переводе упоминание о постоянном токе опустить, так как батареек переменного тока не бывает» и т.д. [Климзо, 2006, с. 452—453].

Напомним, что Шлейермахер, говоря о взаимоотношениях автора и читателя, имел в виду, что переводчик в зависимости от обстоятельств диалога участников переводческого процесса то приближает читателя к автору, то, наоборот, подтягивает автора к читателю. Проиллюстрируем этот постулат следующим интересным казусом, о котором поведал В.Г. Гак в статье «О внятности перевода».

Известный французский поэт Средневековья Ф. Вийон (1431/32 — дата смерти неизвестна: после 1463, но не позднее 1491) в своей «Балладе о дамах былых времен» рассказал о злоключениях знаменитого французского философа и поэта П. Абеляра (1079—1142), суть которых следующая: Абельяр состоял в любовной связи со своей ученицей Элоизой, позже он тайно с ней обвенчался и, желая оградить жену от оскорблений дяди, укрыл её в монастыре. Дядя же в отместку нанял людей, которые ночью оскопили спящего Абеляра, и он вынужден был стать монахом и скитаться по монастырям. Вийон в первом четверостишии второй строфы пишет:

Où est la très sage Hellois
Pour qui castré fut et puis moyne
Pierre Esbaillart a Saint Denis?
Pour son amour ot ceste essoyne.

Буквально сказано: «Где мудрая Элоиза, / Из-за которой был оскоплён и стал монахом / Пьер Абельяр в Сен-Дени? / Из-за любви к ней он претерпел такое несчастье».

Расположим семь вариантов перевода на русский язык в хронологическом порядке (отступив от схемы В.Г. Гака), так как не исключено, что переводчики изучали версии своих предшественников, с комментариями автора:

Перевод Н.С. Гумилёва (1913):
И Элоиза где, вдвойне
Разумная в течение спора?
Служа ей, Абельяр вполне
Познал любовь и боль позора.

Сам Абельяр писал, что он не так страдал от самой раны, сколько от позора, которому он подвергся. Но откуда взялось чувство позора — неясно. Ни одно из двух несчастий, отмеченных в стихе Вийона, не обозначено в переводе.

И.Г. Эренбург (1916) посвятил истории с Абельяром всего две строчки (вместо четырёх в подлиннике), что, по-видимому, не позволило ему ясно рассказать, в чём было дело:

Где Элоиза, из-за коей век
Окончил Пьер под схимой от-
речений?

Перевод В.Я. Брюсова (1913):
Где Элоиза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абельяр лишён страстей
И сам ушёл в приют священный?

В данном случае переводчик упоминает об обоих бедствиях Абельяра, но в отличие от автора, который называет их прямо (*был оскоплён, потом стал монахом*), он заменяет прямые обозначения метонимическими (*лишён страстей, ушёл в приют священный*), что не прибавляет ясности для читателя, тем более что обе метонимии сами по себе невнятны.

Перевод С. Пинуса (1914):
Но где она, скажите мне,
Где Элоиза? К ней — в сутане,
От страсти всё ж горя в огне, —
Слал Абельяр листы посланий.

Здесь говорится, что Абельяр стал монахом (хотя в сутане мог бы быть и священник), но нет и намёка на основное событие, которое побудило Вийона упомянуть его в строфе, посвящённой страданиям мужчин из-за любви к женщине. С другой стороны, автор сообщает известные переводчику, но не упоминаемые в балладе факты биографии Абельяра (его переписку с Элоизой). Вместе с тем *всё ж* намекает на нечто такое, отчего страсти Абельяра должны были бы прекратиться.

Перевод Ф.Л. Менделсона (1963):
Где Элоиза, объясни,
Та, за кого принял мученья
Пьер Абельяр из Сен-Дени,
Познавший горечь оскотления.

Самое важное здесь обозначено точно, так что читатель, ничего не слышавший об Абеляре, поймёт суть дела. Здесь, правда, не говорится о его другом бедствии — вынужденном пострижении в монахи, а это не менее важно.

Перевод В.Г. Дмитриева (1983):
Где Элоиза, что вполне
Затмила всех, умом блистая?
Несчастный Абеляр, вдвойне
Ты пострадал...

Перевод Ю.Б. Корнеева (1983):
Где Элоиза, с кем был раз
Застигнут Абеляр нежданно,
Из-за чего он и угас
Скопцом-монахом слишком рано.

Переводчик точно указывает, что Абеляр вдвойне пострадал (он был оскоплен и вынужден был стать монахом), но в чём заключаются эти беды Абеяра, из перевода не видно. Переводчик сохранил «количество» бедствий, но не разъяснил их «качество».

В этом переводе впервые (в нашем изложении) прямо обозначено, что случилось с Абеляром. Но прочий текст показывает, что переводчик совершенно не знаком с тем, что произошло на самом деле, он не прочитал «Историю моих бедствий» Абеяра или хотя бы какую-нибудь биографию философа. Трагические события он превращает в вульгарный анекдот наподобие того, который рассказывается в «Хвастливом вине» Плавта, где двое друзей, застигнув с поличным прелюбодея, тащат его, угрожая кастрацией в соответствии с обычаями того времени.

Оставляя в стороне спорный вопрос о художественных достоинствах переводов и «вольностях» переводчиков как «соперников» автора оригинала, обратим внимание на справедливые претензии В.Г. Гака к ряду переводов, в которых, несмотря на то, что «суть ситуации у Вийона выражена прямо и понятно, в большинстве русских переводов... остаётся совершенно непонятным, что всё же случилось с Абеляром», а «внятность описания самого события» явно страдает по нескольким причинам: переводчик либо не компетентен в исторической фактуре, либо сводит всё к «вульгарному анекдоту» и т.д. И если «только два перевода из семи дают прямую номинацию событию, то в четверостишии Ф.Л. Мендельсона опущена информация о вынужденном пострижении в монахи, а «перевод Корнеева отягощён неточностями, искажающими смысл». Очевидно, что проблема сближения «автора» и «читателя» только частично решается самим переводчиком, в иных случаях «понимание обеспечивается не самим текстом, а культурой самого читателя, его предварительными знаниями о факте». Поэтому В.Г. Гак

в начале своей работы солидаризируется с В. Набоковым, который, классифицируя ошибки и недостатки в ряде переводов, указывает, что иные пропуски и искажения возникают вследствие того, что переводчик упускает и заменяет те слова, «в смысл которых он не потрудился вникнуть, или же те, что, по его мнению, могут показаться непонятными или неприличными смутно воображаемому читателю» [Гак, 2000, с. 44—46].

Таким образом, в духе поэтико-метафорической интерпретации переводческих стратегий в виде «прозрачного» или «зеркального» стекла, очевидно, что они могут взаимопересекаться, а случаи «мутноватого» или «искривлённого» отражения оригинала не так уж редки. Не обеспечив дискурсивную эквивалентность оригинала и перевода, «перелагатель» неизбежно терпит творческое фиаско.

5.2. Итак, материал, из которого можно «лепить» образ архетипа профессионального переводчика, — это либо «прозрачное», либо «зеркальное» стекло. Если определять статус переводчика по Жуковскому, то это либо «раб оригинала», либо «творец, соперник» автора текста-источника. Важно также прийти к консенсусу — к какой социальной страте по характеру своей функциональной деятельности относится переводчик: к «высоколобым интеллектуалам» или «техническому обслуживающему персоналу»?

Ответить на эти и другие подобные вопросы в однозначном виде достаточно сложно. У каждого исследователя, несомненно, найдётся, что сказать *pro et contra* относительно любой статьи этого вопросника. В какой-то мере косвенные ответы на некоторые вопросы мы пытаемся дать в нижеследующей аппроксимативной модели личности переводчика-герменевтика, его «портфолио профессиональных компетенций»:

1) виртуозное владение методологией филолого-герменевтического анализа на стадиях предпонимания, понимания и интерпретации ИТ на уровнях его хронотопной, функционально-стилистической, образно-смысловой, знаково-символической, этнолингвокультурологической и иной специфики; знакомство с основами философской и психологической герменевтики;

2) профессиональная начитанность в области современной теории и практики перевода; знакомство с исторической и критико-библиографической стороной науки о переводе;

3) понимание объективных и субъективных причин поливариативности переводов; знание переводческой предыстории рабочего текста; осознание исторической и онтологической релятивности и ограниченности любых теоретико-методологических концепций перевода и уместность их реализации по принципу функциональной дополнительности, взаимопересечения и взаимоограничения;

4) профессионально-психологическая устойчивость при конфликте интерпретаций в переводческом сообществе (при коллективном/«хоровом» переводе, при сотрудничестве с редактором или разногласиях с «цеховой» критикой и т.д.); изучение знаковых «образцовых» переводов в соответствующей отраслевой области;

5) образцовое владение методами корпусной лингвистики и современными «электронными ресурсами переводчика»; восприимчивость к инновациям в концептуальном языке своей специализированной сферы деятельности;

6) оптимальное «вращение» в языковую картину мира и профессиональную концептосферу носителей рабочего иностранного языка; достижение акме-уровня билингва в использовании «обыденного языка» его носителей, безукоризненное владение всеми профессионально необходимыми ресурсами родного языка в письменной и устной формах речи.

Известно, что существенное возрастание социальной роли перевода в современном мировом сообществе потребовало коренного пересмотра стандартов подготовки профессиональных переводчиков, обеспечивающих разнообразные сферы межкультурной коммуникации. К сожалению, приходится констатировать, что герменевтико-переводческая составляющая программ ряда ведущих отечественных вузов, выпускающих соответствующие кадры по специальности «Перевод и переводоведение», представлена в них крайне слабо или не представлена вовсе. Основной причиной такого положения дел является, на наш взгляд, крайне медленный «разворот» отечественной транслатологии в сторону «герменевтического поворота» в современной теории и практике перевода [О стандартах профподготовки переводчиков см.: Емельянова, 2010; Мишкоров, 2011; Тарнаева, 2011].

Прогнозируемым итогом любого переводческого акта является достижение *дискурсивной эквивалентности* как коммуникативной рядоположенности оригинала и его перевода, предназначенного для «целевого читателя», обладающего способностью к апперцепции «чужих смыслов» в этнопсихоречевых формах родовой или видовой идиом (языка, наречия, диалекта, койне и т.п.). При сближении читателя с автором первый должен осознать событийность «языкового гостеприимства» и «привкус чужой речи», понимать, что он воспринимает высококачественный, но всё-таки перевод произведения иноязычного автора — носителя другой культуры, менталитета, нравов и обычаев и т.д. «Стерилизованные» переводные поделки ныне воспринимаются как «ремесленные пустышки».

Д.М. Бузаджи безусловно прав, когда утверждает, что «вряд ли по-настоящему квалифицированный читатель согласится с тем, чтобы переводчик откровенно навязывал ему свое видение ориги-

нала, даже если оно идёт вразрез с авторской идейной позицией, художественными методами, идиостилем и т.д.». Но он напрасно преувеличивает опасность концепции «переводческой непрозрачности», усматривая её в том, что «переводоведение всё больше будет отходить от собственно переводоведческих и лингвистических проблем в такие области, как литературоведение, культурология, психология, политика, социология, религия и философия». Автор полагает, что такой поворот может привести к тому, что «практический аспект переводческой деятельности будет учитываться всё меньше, и личность переводчика будет играть всё более заметную роль» [Бузаджи, 2009, с. 38].

По сути выводов автора цитируемой статьи заметим следующее. Боязнь переводческой отсебятины, пиарящихся «перелогателей», «которая облегчает не наделённому литературным талантом человеку путь к писательской славе» [там же, с. 36] — ещё не повод отвергать «междисциплинарный поворот» в современной теории и практике перевода, за который, кстати говоря, на склоне своей профессиональной деятельности настойчиво ратовал один из классиков отечественной «лингвистической школы перевода» А.Д. Швейцера³. А что касается жаждущих добиться незаслуженной славы любой ценой, то время и критика все расставят по своим местам, и эти лица скорее всего «о-славятся», чем «про-славятся» в профессиональном сообществе и у читательской аудитории. Примерам подобного рода в истории перевода несть числа. Подобное «невезение» постигло, мягко выражаясь, неквалифицированные переводы И. Гречухиной с немецкого языка на русский научно-исследовательских трудов доктора Т. Шнайдера о творчестве Э.М. Ремарка, а также ряд рассказов последнего.

Р.Р. Чайковский в своей статье, посвящённой обстоятельному анализу вышеуказанных переводов, вынес убийственный приговор некомпетентности и полной профессиональной несостоятельности переводчицы, которая не потрудилась ознакомиться с работами своих предшественников, проявила языковую безграмотность в обоих рабочих языках, а также общий низкий уровень своей литературной и общекультурной подготовки. Приведём только несколько замечаний критика:

— переводчица своевольно нарушает традицию наименования ранее переведённых работ, например: «заглавие романа Ремарка “*Liebe Deinen Nächsten*”, существующее в четырёх русских переводах <...> как «Возлюби ближнего своего» — в точном соответствии

³ Разбор одной из последних работ А.Д. Швейцера в заданном ракурсе «Междисциплинарный статус теории перевода» см. в учебнике Н.К. Гарбовского «Теория перевода» [Гарбовский, 2004, с. 202].

с церковнославянским вариантом одной из христианских заповедей <...> И. Гречухиной передано как «Люби ближнего твоего»;

— переводчица не улавливает разницу между авторским “Pat” (сокращение от имени «Патриция») и “Patt” (рус. «пат» — шахматный термин), используя значение последнего как первоначальное название соответствующего романа; слово “Niederschrift” переведено как «издание», что приводит к искажению смысла: роман «На Западном фронте без перемен» был «написан», а не «издан» в 1927 г.;

— переводчица не знает, что Ремарк писал «юмористические стихи» (“humoristische Lyrik”), а не «юмористические рассказы» и т.д.

Для удобочитаемости мы привели лишь некоторые простейшие примеры нелепостей в переводах Гречухиной. Полагаем, что в курсе частного перевода в немецко-русской паре языков данная статья заслуживает самого обстоятельного изучения и тщательного дидактического разбора [Чайковский, 2013].

По существу других «фобий» Д. Бузаджи наше мнение однозначно:

1) без «фоновых знаний» никакой стоящий герменевтический анализ и интерпретация подлинника, как правило, невозможны, и, следовательно, явленный перевод будет некомпетентным;

2) применение методик «прозрачности» и «зеркальности» взаимобусловлено характером текстотипов — их разумные сочетания даёт необходимый коммуникативно-прагматический эффект;

3) переводчик отныне и навеки (по крайней мере, до наступления «робото-эры» в переводе) перестал быть «вторичной личностью» в межязыковом общении; его труд представляет собой мощный творческий, «рефлексивный, по выражению Н.С. Автономовой, ресурс понимания» произведений инокультуры, который всеми доступными переводчику средствами должен быть донесён до современного читателя; в идеале профессиональный переводчик высшей категории кратно может превосходить монокультурных «фланговых игроков» в триаде «автор — переводчик — читатель», являя собой как минимум носителя двух сопрягаемых культуросфер.

* * *

Общетеоретический и историко-библиографический контур исследуемого герменевтико-переводческого пространства, абрисно намеченного в частях I и II разрабатываемого проекта, обуславливает дальнейшее пошаговое рассмотрение важнейших объектов ГПП, в частности таких, как «текст», «дискурс» и их категориальной и транслатологической характерологии в междисциплинарном плане. Решению данных задач предполагается посвятить часть III проекта.

Список литературы

- Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.
- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.; М.: Академия, 2004а. 352 с.
- Алексеева И.С. Хаос девербализации и перевод как вторичный порядок / bookofindex.ru>autor/69067/. 6 с.
- Арендт Х. Вальтер Беньямин (1892—1940). Люди в темные времена. М.: МШПИ, 2003. http://krotov.info/libr_min/01_a/re/ndt_17.htm. 37 с. (дата обращения: 14.01.2013).
- Барт Р. Смерть автора. <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://ko...> (дата обращения: 28.11.2012). С. 1—2.
- Беньямин Вальтер / Электрон. еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il/article/10524>. 2 с. (дата обращения: 02.12.2012).
- Вальтер Беньямин | ТрансЕвропа. <http://transeurope.ru/vyidayushhiesyaregevodchiki-i-lin...> (дата обращения: 02.12.2012). С. 1.
- Беньямин В. (1923). Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера. <http://www.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html>. 10 с. (дата обращения: 04.11.2012).
- Беньямин Вальтер // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современ. литератор, 2007.
- Богатырёва Е.Д. Художественный перевод как интерпретация (на материале французских переводов поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. http://www.imli.ru/nauka/ds/002_209_02/boganuryova.php
- Бузаджи Д.М. Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты. 2009. № 2 (22). thinkaloud.ru/feature/buz-transparent.pdf.
- Венути Л. Из книги «Переводчик как невидимка» (Venuti L. The Translator's invisibility. A History of Translation. L.; N.Y., 1995 (Ch. "Nation"). [rudocs.exdat.com>docs/index/571177.html](http://rudocs.exdat.com/docs/index/571177.html) (дата обращения: 04.11.2012). 10 с.
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Воротова А.В. Концепт перевода в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера // Вестн. Томского гос. ун-та. 2011. № 351.
- Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
- Гак В.Г. О внятности перевода // Мир перевода. 2000. № 1 (3).
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 1328 с.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004а. 544 с.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода во Франции: история и современность // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2004б. № 2—3.
- Герменевтика/Герменевтика | ТрансЕвропа. <http://transeurope.ru/publications/germenevtika.html> (дата обращения: 10.12.2012). С. 1.
- Грицанов А.А. Смерть автора / Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современ. литератор, 2007а. С. 615—618.
- Грицанов А.А. Беньямин (Benjamin) Вальтер // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Совр. литератор, 2007б.

- Деррида Ж.* Вокруг Вавилонских башен / Пер. с фр. В. Лапицкого (*Derrida J.* Des tours de Babel // *Difference in Translation*. Cornell Univ. Press, 1985). <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/derrida.htm>. 20 с. (дата обращения: 03.01.2013).
- Емельянова Я.Б.* Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика. 2-е изд. Н. Новгород: Стимул-СТ, 2010. 201 с.
- Климзо Б.Н.* Ремесло технического перевода. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической. 2-е изд. М.: Р. Валент, 2006. 508 с.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
- Костикова О.И.* История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2.
- Костикова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3.
- Кузнецов В.Г.* Герменевтика фактичности // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА, 2007.
- Мишуров Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и практике перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013а. № 1.
- Мишуров Э.Н.* Полемиические заметки о ролевых играх в триаде «автор — переводчик — читатель» в герменевтической парадигме перевода // Мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и перевода» (26 апреля — 1 мая 2013 г., Греция). М., 2013б.
- Мишуров Э.Н.* Переводческая интроспекция «языковых игр» в поливекторных дискурсах // Русский язык и культура в зеркале перевода: Мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (25—29 апреля 2012 г., Греция (Салоники)). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012а.
- Мишуров Э.Н.* Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингво-философском и лингвокультурологическом освещении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012б. № 1.
- Мишуров Э.Н.* Профессиональный переводчик как «акме» компетентного билингва // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (25—28 апреля 2011 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
- Мишуров Э.Н.* Смысл перевода и перевод смыслов (социально-исторические, логико-философские и лингвокультурологические этюды) // Тр. Высшей школы перевода (факультета). Кн. 1. 2005—2010. М.: Изд-во Моск. ун-та, ИПО «У Никитских ворот», 2010.
- Мишуров Э.Н.* История арабоязычной переводческой традиции: начало пути (VIII—XIII вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 2.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСН, 2006.
- Нестерова Н.М.* Оригинал и перевод: проблема межтекстовых отношений // Languages & Literatures / Тюменский гос. ун-т (факультет романо-германской филологии). № 22. <http://frgf.utmn.ru/mag/22/41> (дата обращения: 16.11.2012). 9 с.

- Нестерова Н.М.* Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм / УДК.801.73: Статья, представленная в редакцию журнала «Филологические науки» (дата обращения: 08.02.2005). С. 235—238.
- Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Нищета и блеск перевода (1930). <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaВ...> (дата обращения: 08.02.2013). 14 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* | ТрансЕвропа / <http://transeurope.ru/vyidayushhiesya-regevodchiki-i-lin...> (дата обращения: 01.02.2013). 2 с.
- Павлов Е.* Момент непереводаемости (заметки переводчика) / В. Беньямин. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера (1923). <http://www.nsys.by:8101/klinamen/fila10.html> (дата обращения: 04.11.12).
- Рикёр П.* Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. / Пер. М. Эдельман. <http://www.belraese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> (дата обращения: 18.09.2012). 10 с.
- Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007. 731 с.
- Тарнаева Л.П.* Обучение будущих переводчиков трансляции культурно-специфических смыслов институционального дискурса: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. СПб.: Росс. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2011. 31 с.
- Философия: Учебник / Под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 928 с.
- Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
- Чайковский Р.Р.* Нищета перевода, или Нужно ли переводчику элементарное филологическое образование. <http://www.em-remarque.ru/library/regevod-i-regevodchi...> (дата обращения: 08.02.2013). 5 с.
- Чубаров И.М.* Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык. <http://www.intelros.ru/readroom/logos/15-2011/16591-pe>. (дата обращения: 02.12.2012).
- Шлейермахер Ф.* О разных методах перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2000. № 2.
- ЯЗЫК. Афоризмы, цитаты, мысли, фразы / http://www.aphorism.ru/640_5_7.shtml (дата обращения: 03.01.2013).
- Arendt und Benjamin: Texte, Briefe, Dokumente / Ed. by D. Schöttker, E. Wizisla. 2006; Arendt Hannah. http://en.wikipedia.org/wiki/Hannah_Arendt. 7 p.
- Benjamin W.* The Task of the Translator (introduction to a Baudlaire translation, 1923 (this text translated by H. Zohn, 1968)), cf.: The antology “The Translation Studies Reader. Ed. Lawrence, Venuti. L.: Routlege, 2000. www.totuusradio.fi/wordpress/...Benjamin_The-Task-of-the-Translator.pdf. 11 p.
- Schleiermacher F.* Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens. <http://www.bible-researcher.com/schleiermacher.html> (дата обращения: 10.12.2012).

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

И.В. Ласка,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Дипломатической академии Украины; e-mail: lasigor@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ ФРАНЦУЗСКОГО ДИСКУРСА О ПЕРЕВОДЕ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются ключевые метафоры перевода во французском переводческом метадискурсе XVII в. На материале текстов разных жанров раскрываются особенности переноса значений, устанавливаются парадигматические ряды и варианты метафор перевода как добывания сокровищ, перемещения во времени и в пространстве, оживления и переселения душ, переодевания и др. Особое внимание уделено изучению функций ключевых метафор перевода в текстах, их историко-культурных коннотаций.

Ключевые слова: история перевода, дискурс науки, концепт «перевод», метафоры перевода, метафора перемещения в пространстве.

Igor V. Laska,

Cand. Sc. (Phylology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages,
Diplomatic Academy of Ukraine; e-mail: lasigor@gmail.com

Conceptual Metaphors of Discourse on Translation in 17th Century France

The article deals with the metaphorization in the French translators' metadiscourse in the 17th century. The author conducts a semantic analysis of conceptual translation metaphors: treasure hunting, moving in time and space, resurrection and transmigration of souls, dress changing. Special attention is given to the functions and historical and cultural connotations of key translation metaphors.

Key words: history of translation studies, translators' metadiscourse, translation metaphors, metaphor of moving in space.

В истории французского перевода XVII век представлен не только именами известных переводчиков А. Годо, П. д'Абланкура, Ж. Бодуэна, А. Дасье, но и значительным количеством специальных трудов, в которых рассматриваются принципы, теоретические проблемы и правила перевода¹. Именно в этот период существенно возрастает объём и качество знаний о переводе, определяются контуры предметной области теории перевода, вырабатывается переводческая терминология. Впервые формируется научная среда специалистов, объединённых вокруг определённых центров

¹ Академическая речь Б. де Мезириака «О переводе» (1626), «Слово о Малербе» А. Годо (1630), первый учебник по переводу Г. де Танда (1660), трактат «О переводе» П.-Д. Юэ (1661), правила перевода А. Леметра и др.

(Французская академия, Пор-Рояль), в которых осуществляются и обсуждаются переводы, закладываются основы критики и дидактики перевода, создаются книги и учебники. Таким образом, знание о переводе во Франции XVII в. приобретает важные признаки самостоятельной научной дисциплины.

Предметом рассмотрения в статье избраны ключевые метафоры, на основе которых формировался социокультурный концепт «перевод» (метафоры перевода как добывания сокровищ, перемещения во времени и пространстве, оживления и переселения душ, переодевания и др.). В задачи исследования входит определение особенностей переноса значений в метафорах перевода, установление их типов и вариантов, выявление их функций и оценочного потенциала в контекстах разных концепций перевода. Материалом исследования послужила подборка метафор из оригинальных текстов (предисловий к переводам, специальных трудов о переводе, мемуаров, писем и др.) французских мастеров перевода XVII в.. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена интересом современной науки о переводе к своему историческому прошлому, ибо «изучение опыта переводчиков прошлого показывает, что многие из современных проблем теории перевода поднимались неоднократно на протяжении всей истории этой деятельности, так и не получив окончательного разрешения» [Гарбовский, 2007, с. 13].

Французский переводчик и философ перевода А. Берман противопоставляет собственно теоретическое знание (*théorie*) и рефлексию о переводе (*réflexion*), непосредственно связанную с переводческим опытом [Berman, 1985, p. 37—38]. Соответственно он различает два вида переводоведения: теоретическое, строго ограниченное научным подходом, и «эссеистическое», которое существует дискурсивно и отличается отсутствием каких-либо границ для осмысления перевода. [Berman, 2001, p. 17—18]. Свой выбор он делает в пользу второго, которое определяет как рефлексию перевода над собой, над собственным опытом и обозначает термином *traductologie* [Berman, 1989, p. 675]. Такое определение наилучшим образом подходит к тому состоянию французской науки о переводе, которое сложилось в XVII в., когда знание о переводе существует в форме рефлексии переводчиков-практиков, стремящихся осмыслить свою деятельность. А. Берман выделяет в качестве основной особенности дискурсивной рефлексии переводчиков о своём искусстве её метафоричность: «говорить о переводе <...> — это значит попасть в пьянящий водоворот размышлений, где само слово “перевод” не перестаёт метафоризироваться»² [Berman, 2001, p. 17]. Он настаивает на том, что перевод удаётся «определить»

² Здесь и далее перевод наш. — И.Л.

только через метафоры, и объясняет эту особенность глубинным родством метафорического «переноса» и «переноса», которым является перевод [Berman, 1985, p. 60—61]. Создание антологии метафор о переводе, по мнению французского исследователя, дало бы больше для понимания самого акта перевода, чем многие специальные трактаты.

Современная историография науки о переводе, основанная на идеях Г. Башляра, М. Фуко, Т.С. Куна, опирается на корпус текстов эпохи и видит свою задачу в реконструкции структур знания о переводе на основе анализа его метаязыка [Berman, 1988, p. 23; D'Hulst, 1993, p. 83]. В нашей статье речь идёт о периоде становления науки о переводе во Франции. Её первыми теоретиками были сами переводчики, которые считали себя настоящими писателями и мыслили образами. Поэтому изучение дискурса теории перевода того времени предполагает прежде всего анализ природы и функций ключевых метафор перевода.

Исследование метафор в истории французского переводческого метадискурса имеет уже определённую традицию. Р. Зюбер, автор книги о роли художественного перевода в становлении литературного стиля французского классицизма [Zuber, 1992], неоднократно цитирует метафоры, заимствованные из трудов переводчиков XVII в., в первую очередь П. д'Абланкура. Однако используются они как иллюстрации к размышлениям о влиянии переводов на формирование эстетики письма классицизма. Л. д'Юльст посвятил отдельную статью исследованию фигур и метафорических выражений во французских текстах по теории перевода XVIII—XIX вв. [D'Hulst, 1993]. Отметим также работу Л. Гийерм [Guillerm, 1996], в которой отслеживаются истоки концепции перевода П. д'Абланкура и устанавливаются общие для него и переводчиков XVI в. тезисы и метафорические образы (топосы). Особенностям метафорического осмысления перевода религиозных текстов XVI—XVII вв. посвящена статья Д.Г. Шаталова, в которой рассматриваются, в частности, метафоры французских авторов XVI в. [Шаталов, 2011]. К сожалению, до сих пор нет специального исследования метафор французского метадискурса перевода XVII века.

Очевидно, что в рамках статьи невозможно охватить всю совокупность французских метафор перевода XVII в. Однако некоторые из них постоянно повторяются в текстах авторов, представляющих разные направления и тенденции в осмыслении перевода. Такие метафоры перевода, как перемещения во времени и пространстве, оживление и переселения душ, добывание сокровищ, переодевание и др., часто используются представителями школы П. д'Абланкура, сторонниками буквального перевода и более умеренными переводчиками Пор-Рояля, искавшими свой «срединный» путь. Это об-

стоятельство позволяет квалифицировать метафоры такого типа как концептуальные, т.е. объективирующие в своей совокупности французский социокультурный концепт «перевод». В них отражены основные участники и составляющие перевода (автор, текст оригинала, переводчик, процесс перевода, переводной текст, адресат перевода). Всё многообразие этих метафор организовано вокруг значимых для французской теории перевода XVII в. противопоставлений (верность — красота, буквальный перевод — вольный перевод, сохранение стиля оригинала — адаптация к принимающей культуре и т.д.).

Благодаря усилиям А. Годо, П. д'Абланкура и других талантливых переводчиков, при поддержке Французской академии в 30—50-е гг. XVII в. перевод вновь обрёл престиж, утраченный после манифеста Дю Белле, отрицавшего роль перевода в развитии национального языка и литературы. Он рассматривается как полноправное творчество, результатом которого является новый оригинал, порой даже превосходящий свой источник, а переводчик приобретает статус настоящего литератора. Новое отношение к переводу нашло своё отражение в большой и интересной своим разнообразием серии метафор, представляющих перевод в положительном свете.

Уже Б. де Мезириак в академическом докладе (“De la traduction”, 1635) реабилитирует перевод, давая высокую оценку труду своих предшественников. Они «своими учёными и трудолюбивыми переводами так успешно перенесли во Францию сокровища Греции, что <...> не нужно более овладевать чужими языками, дабы стать учёным»³. В этой метафоре тексты древнегреческих авторов представлены как сокровища науки и культуры, а перевод осмысливается как их перемещение в пространстве и времени из Древней Греции во Францию XVII в. При этом переводчики выполняют важную функцию — они снимают языковой барьер и делают эти сокровища доступными читателю.

Поэт и епископ А. Годо ассоциирует перевод с благотворительностью, при этом переводчиков он представляет как благочестивых людей, которые не могут не делиться своим богатством с ближними, а перевод рассматривается в рамках христианской морали как акт помощи нуждающимся [Godeau, 1862, p. 369].

В Пор-Рояле, где культивировался перевод сакральных текстов, отношение к этому искусству было не менее почтительным. Переводчик Нового Завета А. Леместр осмысливает работу переводчика в развёрнутой метафоре добычи и обработки золота. Тексты отцов

³ “...ils ont mis la main à la plume, & par leurs doctes & laborieuses traductions ont transporté en France les trésors de la Grèce avec tant de succès, <...> qu’il n’est plus nécessaire d’apprendre les langues étrangères pour devenir savant” [Méziriac, 1729, p. 413].

церкви содержат золото драгоценных истин, но его красота недоступна простому читателю. Задача переводчика состоит в том, чтобы добыть его из темноты непонятного латинского текста и донести до читателя. Его труд метафорически приравнивается к работе золотых дел мастера: он раскатывает золото в листы, придаёт ему блеск, готовит его к использованию⁴. В метафоре Леместра противопоставлены архетипные образы *obscurité* и *jour*, а перевод представлен как движение из темноты к свету. Метафора отражает понимание основной задачи перевода в Пор-Рояле как объяснения Божьих истин и просвещения верующих.

В другом, знаковом для Леместра метафорическом образе, искусство переводчика сравнивается с древним ремеслом открывателя подземных родников: «Наконец нам следует заставить течь и ударить струёй в ды, которые были закрыты и спрятаны, чтобы на поверхности, в водоёмах и ручьях они оставались такими же чистыми, красивыми и обильными, как в своих источниках»⁵. В этом тексте писания святых ассоциируются с водой скрытого под землёй родника, а задача переводчика состоит в том, чтобы освободить эту воду, заставить её бить обильным ключом. При этом она должна оставаться чистой, прозрачной и красивой, т.е. переводчик не имеет права исказить Божье слово, загрязнять его чистоту посторонними примесями⁶.

В метафорическом образе переводчика — открывателя подземных родников воды — А. Леместр как бы предвосхищает противопоставление *sourciers* — *siblistes*, предложенное Ж.-Р. Лядмиралем в современной французской теории перевода [Ladmiral, 1986, 1994]. Хотя в тексте Леместра слово “*sourcier*” не употреблено (оно зафиксировано только в пятом издании словаря Академии — 1798) метафорический образ перевода отражает денотативную ситуацию, с которой соотносится труд открывателя подземных родников.

В поэтическом воображении А. Годо переводчик ассоциируется с мифологическим героем, который в поединке с Гераклом отнимает у него булавку:

C'est au vaillant Hercule arracher la massuë,
C'est éгалer son nom aux plus célèbres noms
[Godeau, 1663b, p. 137]

⁴ “Mais on ne voit la beauté de cet or que lors qu’il est tiré des lieux où il s’est formé, que lorsqu’il est étendu & poly. Cette extention & cette polissure, luy donnant un nouvel éclat, le montrent & le font regarder à tout le monde” [Lemaistre, 1658, p. VIII].

⁵ “Enfin il faut que nous fassions couler & jaillir les eaux qui estoient enfermées et cachées, en les faisant paroistre aussi pures, aussi belles, aussi abondantes, dans les bassins et les ruisseaux, qu’elles estoient dans leurs sources” [ibid., p. 10].

⁶ О библейском происхождении метафор света и воды [Шаталов, 2011].

В финальном терцете сонета, предваряющего перевод Л. Жири «Диалога о причинах упадке красноречия» (1630), фантазия Годо возвышает переводчиков до уровня богов:

Les hommes autrefois interpretoient les Dieux,
Et les Dieux maintenant interpretent les hommes.

[Godeau, 1636, p. XXVI]

Приведённые примеры положительных и даже откровенно хвалебных метафорических образов перевода опровергают утверждение А. Бермана, что среди метафор перевода преобладают образы с негативным значением [Berman. 1985, p. 61]. В нашем корпусе примеров встречаются критические высказывания об отдельных переводчиках и переводах. Однако практически никто из французских авторов XVII в. не ставит под сомнение саму возможность перевода. По-видимому, прав Р. Зюбер, который объясняет изменение отношения к переводу переходом от привязанной к слову логики Аристотеля к картезианской идее универсальности мысли и возможности её адекватного выражения средствами любого языка [Zuber, 1992, p. 116].

Метафоры перевода как перемещения в пространстве и времени образуют большой и разветвлённый парадигматический ряд, в котором основной образ логически развивается в нескольких направлениях: метафоры оживления и переселения душ, акклиматизации в другой среде, метафоры древнего автора, заговорившего на французском, метафоры переодевания и др. Сама ситуация перевода текстов античной культуры предопределяла его концептуализацию в метафоре перемещения во времени и пространстве. Недавние географические открытия, экспедиции в поисках сказочных богатств Индии и Америки способствовали такому направлению осмысления перевода. Восприятие этой метафоры было подготовлено рыцарско-христианской литературной традицией (мотив поисков святого Грааля). Её распространение, по-видимому, связано также с возрастающей популярностью «Одиссеи» Гомера, знакомой по пересказам и переводам отрывков (первый полный прозаический перевод Анны Дасье вышел в 1708).

Для Б. де Мезириака перевод — это путешествие полное опасностей. Он сравнивает Ж. Амио с путешественником, который отправился в дальнее плавание, не взяв с собой достаточно провизии [Meziriac, 1729, p. 456], т.е., не имея достаточных запасов знаний, чтобы переводить Плутарха.

П. д'Абланкур ассоциирует перевод с путешествием в далёкие страны, куда «не ездят за обезьянками и попугаями, а за всеми бо-

гатствами Востока и Запада»⁷. Автор перевода Арриана объясняет, что труд переводчика настолько тяжёл, что за него следует браться, только когда речь идёт о значимых темах. История героической жизни и завоеваний Александра Великого, как явствует из посвящения книги будущему герцогу Конде, по убеждению д'Абланкура, могла послужить образцом для государственных мужей Франции, стремившихся утвердить её первенство в Европе.

В одном из писем Конрару Бальзак говорит о д'Абланкуре как переводчике, который прекрасно осуществляет свою миссию культурного посредничества, оказывая услугу греческим авторам, перенося их в Париж. Бальзак не усматривает в этом свидетельства неполноценности или рабской покорности. Он проецирует правила французского салонного этикета на отношения между переводчиком и автором: из чувства благодарности предисловие д'Абланкура, которое Бальзак считает настоящим шедевром, следовало бы перевести на греческий язык. Автор письма непринуждённо переносит переводчика во времена Кира, а Ксенофонта представляет в роли переводчика предисловия д'Абланкура⁸. Таким образом, у изысканного стилиста и мастера эпистолярного жанра Бальзака автор и переводчик меняются местами и ролями, удваиваются в зеркалах его метафорической фигуры, создающей общий хронотоп перевода, где время и пространство двунаправлены. Ксенофонт и его переводчик вступают в соперничество, и изысканный французский язык д'Абланкура ни в чём не уступает самому чистому аттическому языку.

Перемещение автора в новое время и пространство французской культуры осмысливается авторами XVII века как его оживление. В послании М. де Мароллю Годо представляет перевод как перенесение древних авторов на берега Сены, где они чувствуют себя так же свободно, как на берегах Тибра. Его метафора получает выразительное продолжение в образе перевода как магического акта оживления мёртвых:

<...> tu fais sortir <les morts> de leurs fameux tombeaux,
Dans tes traductions, si pompeux, si beaux,
Qu'aux rives de la Seine ils ont l'air aussi libre
Qu'ils l'eurent autrefois sur les rives du Tibre

[Godeau, 1663a, p. 51]

⁷ "...on ne va pas aux Indes pour rapporter des Singes et des Perroquets, mais toutes les richesses de l'Orient et de l'Occident" [d'Ablancourt, 1646a, p. 1].

⁸ "...s'il se pouvoit faire que Monsieur d'Ablancourt eust vescu du temps du jeune Cyrus, & que Xenophon vescu aujourd'huy, les Prefaces de Monsieur d'Ablancourt meritoient d'estre traduites par Xenophon" [Zuber, 1992, p. 389].

Источник этого образа, по-видимому, следует искать в труде Г. де Вэра «О французском красноречии» (*De l'éloquence française*, 1594). Де Вэр осознал, что красноречие древних как будто похоронено в их книгах, лишено действия и движения, в нём отсутствует коммуникативная составляющая, которую риторика называла *actio* (ср. латинское изречение *Nic mortui vivunt et muti locuntur* на фронтоне библиотеки «Львовской политехники»). Поэтому переводчику остаётся только один путь — *elocutio*, он должен использовать ораторские средства языка, чтобы придать жизнь речам ораторов прошлого. Труд переводчика представляется ему не просто как подражание, а как настоящее оживление гениев этого искусства: «Следует <...> извлечь из мёртвых профилей и статуй на их могилах самые красивые черты их науки, и колдовством любви к их добродетели вызвать к нам их великие и могучие духи ...»⁹.

Вариант этого образа оживления древних авторов представлен также в известной метафоре И.-Л. де Саси [*Le Maistre de Sacy*, 1647, р. VI], для которого буквальный перевод похож на оригинал, как мертвец на живого человека. В несколько ином направлении развивает метафору перевода как оживления автора педагог Пор-Рояля Т. Гийо, который рекомендовал «оживлять» переводы, читая их вслух перед учениками [*Guillot*, 1887, р. 193—194].

П. д'Абланкур намечает другое направление разработки метафорического образа перевода как перемещения во времени и в пространстве. Результатом вольного перевода по его методу является «не столько портрет Фукидида, сколько сам Фукидид, который перешёл в другое тело как будто при помощи какого-то метемпсихоза [= переселения душ] и из грека стал французом»¹⁰. Принципиальная для вольного перевода д'Абланкура возможность разделить содержание и языковые средства его выражения концептуализируется в противопоставлении души и тела: душа древнего автора переходит в другое тело.

Метафорический образ перевода как перемещения в пространстве использовал в XVI в. грамматист и литератор Анри Этьен для критики переводов, деформирующих оригиналы, поскольку авторы, которые хорошо выглядели и прекрасно чувствовали себя в Греции, попадают во Францию, Италию или Испанию «очень

⁹ “Il faut bien que la face de leur eloquence, comme ensevelie dans leurs livres, soit destituee de l'action & du mouvement qui l'animoient, retirer de leurs mortes effigies & comme des statues de leurs tombeaux, les plus beaux traits de leur science: Et par les charmes de l'amour de leur vertu, evocquer à nous ces grands & puissants genies <...>” (цит. по: [Butlen, 2003, р. 198]).

¹⁰ “Car ce n'est pas tant icy le portrait de Thucydide, que Thucydide lui-même, qui est passé dans un autre corps comme par une espece de Metempsychose, et de Grec est devenu François...” [D'Ablancourt, 2005, р. 3].

больными», искажёнными до неузнаваемости из-за плохого обращения с ними в пути¹¹.

Таким образом, перемещение автора в другое время и культуру чревато негативными последствиями. Его следует готовить к пребыванию в необычных условиях, он нуждается в «акклиматизации». Перевод должен превратить автора из «чужого» в своего, «одомашнить» его, полностью интегрировать в принимающую культуру. Прежде всего он должен заговорить на французском языке — в этом, собственно говоря, и состоит перевод. Образ античного автора, который заговорил на французском языке, утвердился во Франции ещё в середине XVI в. Пьер Салья, представляя Генриху II продолжение своего перевода Геродота, писал, что прошло уже пять лет с тех пор, как этот «греческий дворянин» впервые предстал перед королём, говоря на «простонародном французском языке»¹².

Метафорический образ автора, заговорившего на французском языке как на родном, многократно повторенный в текстах XVII в., стал неотъемлемой составляющей концепта «перевод». А. Годо воздаёт должное переводчикам, которые как будто «проникнуты духом» авторов и «заставляют их говорить так же приятно, как если бы они никогда не дышали другим воздухом, кроме луврского»¹³. Идеальный перевод, таким образом, переносит автора в атмосферу королевского двора, язык которого был образцом правильного узуса для К.Ф. де Вожла. В результате перемещения они становятся придворными, «приятно» говорящими на французском.

Б. де Мезириак считает, что даже язык Амио уже устарел, и нужен новый перевод Плутарха, в котором «этого замечательного автора следует приучить говорить на нашем языке более чисто и элегантно, дабы читать его можно было с большим удовольствием».¹⁴ Этой метафорой Мезириак по-новому определяет задачу переводчика — научить античного автора говорить на чистом и элегантном французском языке, соответствующем нормам и требованиям нового столетия. Конечную цель перевода он видит в том, чтобы приносить удовольствие современному читателю. Таким образом,

¹¹ “Car je di et maintien que la plus part des auteurs qui se portent fort bien en Grèce, et ont beau visage et bien couloré, sont fort malades, et par conséquent sont fort desfaicts, voire desfigurez, en France, en Italie, en Espagne, et es autres pays, pour le mauvais traitement qu’ou leur fait par le chemin”. — Henri Estienne. *Apologie pour Hérodote* (цит. по: [Guillerm, p. 36]).

¹² “Cinq ans sont tantôt coulés, sire depuis que ce gentilhomme grec Hérodote d’Halicarnasse, se présenta à vostre Majesté parlant jà en quelque partie de son histoire vostre vulgaire françois” [ibid., p. 33].

¹³ “lesquels, comme s’ils étoient animés de l’esprit de ceux qu’ils nous expliquent, ne leur déroben rien de leurs beautés, et les font parler aussi agréablement que s’ils n’avoient jamais respiré un autre air que celui du Louvre?” [Godeau, 1862, p. 369].

¹⁴ “...& qu’ou accoutume cet admirable Auteur à parler notre langue plus nettement, & plus élégamment, afin qu’ou le puisse lire avec plus de plaisir” [Méziriac, 1729, p. 414—415].

метафора Мезириака выделяет две важные черты нового понимания перевода: направленность на французский язык и принимающую культуру и целевую установку на развлечение читателя.

Придерживаясь принятого в Пор-Рояле «срединного» пути в переводе, автор знаменитой грамматики А. Арно заявляет о своём стремлении заставить св. Августина говорить по-французски, но чтобы при этом он не перестал говорить как св. Августин. Т.е. «заставить его изменить язык, не изменив при этом его мысли», объясняет Арно, исходя из картезианского принципа универсализма, лежащего в основе его логики и грамматики¹⁵.

Антуан Леместр закрепляет этот метафорический образ в качестве правила, которое требует выражать на французском языке всё, что имеется в латинском, и воспроизводить это так хорошо, «что если бы, например, Цицерон говорил на нашем языке, он изъяснялся бы точно так же, как мы заставляем говорить его в нашем переводе»¹⁶. В предисловии к «Проповедям св. Бернарда» (1658) Леместр раскрывает содержание этого требования: «...следует заставить Святых говорить на нашем языке в том же духе и таким же образом, как они изъяснялись на своём, соизмеряя один язык с другим» [Lemaistre, 1658, p. X]. Употребляя выражение “en proportionnant une langue à une autre langue”, Леместр имеет в виду необходимость учитывать различия между языками и адаптировать текст перевода к правилам целевого (французского) языка.

Популярность метафорического образа автора, который заговорил на правильном и естественном французском языке, объясняется переходом большинства переводчиков на позиции вольного перевода, ориентировавшегося на целевой язык. Метафора соответствовала новому самосознанию французского общества, в котором национальный язык, выработавший свои правила и нормы, больше не нуждался в защите, в глазах просвещённого читателя французские авторы ни в чём не уступали древним и даже превосходили их.

Другое развитие получает метафора перевода как перемещения в пространстве в одном из писем Робера Арно д'Андии, адресованном мадам де Рамбуйе. Автор письма, который увлекался садоводством и разбил в Пор-Рояле чудесные сады, посылая хозяйке

¹⁵ “... j'ai eu encore plus de soin de demeurer dans une exacte fidélité en ce qui regarde le sens; et de faire parler français à S. Augustin, sans le faire parler autrement qu'en S. Augustin, c'est-à-dire, lui faire changer de langue, sans lui faire changer de pensées” [Arnauld, 1647, p. IX].

¹⁶ “I. La première chose à quoi il faut prendre garde dans la traduction françoise, c'est d'être extrêmement fidèle et littéral, c'est-à-dire, d'exprimer en notre langue, tout ce qui est dans le latin & de le rendre si bien, que si, par exemple, Cicéron avoit parlé en notre langue, il eût parlé de même que nous le faisons parler dans notre traduction” [Lemaistre, 1736, p. 176].

влиятельного литературного салона свои переводы, называет их фруктами из своего сада и на протяжении всего письма развивает метафору, в которой перевод представлен как необходимая акклиматизация нежных южных растений, перенесённых из Италии в более суровый французский климат¹⁷.

Осмысление перевода в терминах пространства получает естественное продолжение в метафоре переодевания, уподобляющей риторико-стилистические украшения текста одеждам. А. Годо в «Слове о Малербе» отмечает сложности перевода, возникающие из-за различий между языками и индивидуальных особенностей каждого автора. Этот труд требует от переводчика знаний и не допускает поспешности, в противном случае он рискует представить автора в смешных и непривычных для него одеждах, т.е. исказить его стиль¹⁸.

Как будто предвосхищая семиологию де Соссюра и Барта, Годо сравнивает систему риторико-стилистических украшений текста с модой. Он замечает, что одежда больше не служит только для того, чтобы укрывать ею тело от холода, а стремление к роскоши изобретает каждый день всё новые украшения, тщеславные люди находят всё более богатые одеяния, чтобы выделить себя. Точно так же мы не удовлетворяемся словами, которые только выражают мысли автора. Нам нужно, чтобы они выражали их с великолепием или кротостью, которые ему свойственны, чтобы его философия привлекала украшениями, которые соответствуют вкусам нового века, а не отпугивала суровым видом и рваным платьем, как это принято у философов. Таким образом, своим требованием приводить перевод в соответствие со вкусами Нового времени Годо открывает путь д'Абланкуру¹⁹.

П. д'Абланкур в предисловии к Арриану оставляет за переводчиком исторического текста право на свободное вмешательство в текст, используя при этом в качестве аргумента вариант метафоры переодевания, предполагающий предварительное перекраивание старого платья по новой моде: «...трудно перешить на модное старое платье, скроенное по давней моде, не изменив в нём что-нибудь»

¹⁷ “Madame, Puisque les fruits de mes jardins ont eu du mal-heur cette année, il faut que je vous en envoie d'autres [...]. Mais il y a tant de difference entre le Soleil de Rome, & celui de Paris; que j'ay grand sujet de craindre que l'on puisse à peine les reconnaistre” [Arnauld d'Andilly, 1680, p. 301].

¹⁸ “...il est besoin d'une haute suffisance, et d'une longue méditation, pour empêcher qu'un auteur ne paraisse ridicule sous des habits qu'il n'a pas accoutumé de porter” [Godeau, 1862, p. 369].

¹⁹ “...ainsi ce n'est pas assez pour nous contenter, que les paroles expriment les pensées de l'auteur, il faut qu'elles l'expriment avec la magnificence & la douceur qui luy sont convenables, & que la doctrine se presente plustost sous les ornemens qui sont au goust du siecle, que sous ce visage austere, & ces habits déchirez qu'elle porte parmi les Philosophes” [Godeau, 1636, p. III—IV].

[d'Ablancourt, 1646a, p. 1]. Он предоставляет переводчику право осовременивать даже мысли автора, ибо «разные времена требуют не только разных слов, но и разных мыслей, а послы имеют обычай одеваться по моде той страны, куда их посылают, боясь показаться смешными в глазах тех, кому они пытаются понравиться»²⁰. Таким образом, он использует метафору переодевания, оправдывая вольное обращение с содержанием переводимого текста, которое также должно соответствовать главной цели перевода — понравиться читателю. Метафора такого содержания могла появиться только в XVII в., когда Франция становится самой могущественной монархией в Европе, в которой зарождается современная профессиональная дипломатия.

Красочная метафора перевода как переодевания у Мирамиона своими точными историко-культурными деталями отражает время и отношение к одежде в салонной среде XVII в. Он полностью разделяет требование ориентировать перевод на целевой язык и считает, что в переводном тексте не должно оставаться ничего такого, в чём бы чувствовался латинский язык. Следует «снять с автора римские одежды и нарядить его по-французски». Для этого мало сшить ему платье из тканей, которые используются во Франции. Нужно, чтобы фасон был французский, «чтобы в нём каждая лента и каждая тесёмка были завязаны так, как это делается в этой стране». Новые одежды не должны стеснять его движения, ничто в его словах и поведении не должно выдавать в нём иностранца²¹.

В заключение отметим ещё раз, что изменение отношения к переводу в XVII в. отражено в серии метафор, ассоциирующих перевод с добыванием сокровищ, поиском и открытием подземных родников и др., имеющих положительные оценочные коннотации. Перевод гиперболизируется до уровня мифологических подвигов, созидательной деятельности богов. Рассмотренные в статье метафоры перевода как перемещения в пространстве и времени образуют парадигматический ряд, в котором основной метафорический образ логически развивается в нескольких направлениях: метафоры оживления и переселения душ, акклиматизации, переодевания и др. Они составляют лишь часть массива метафорических образов перевода в текстах XVII в. (перевод как портрет-копия, прозрачное

²⁰ «Les divers temps veulent non seulement des paroles, mais des pensées diférentes; et les Ambassadeurs ont coutume de s'habiller à la mode du país où l'on les envoye, de peur d'estre ridicules a ceux à qui ils tâchent de plaire» [D'Ablancourt, 1972, p. 3].

²¹ «...il ne faut rien du tout conserver de ce qui sent le langage latin, car il faut faire despouiller à son autheur son habillement romain pour le vestir à la françoise: c'est pourquoy il ne faut pas seulement se contenter de luy faire un habit des mesmes estoffes dont on s'habille en France, il faut encore que la façon en soit françoise, qu'il n'y manque pas un ruban et qu'il n'y ayt pas un cordon qui ne soit noué comme on les noue en ce pays» [Miramion, 1991, p. 139].

стекло, зеркало, перевод как борьба, приготовление блюд, транспортирование вина и др.). Каждая из метафор выделяет одно из свойств этого неисчерпаемого в своём разнообразии межкультурного явления, добавляет что-то к его пониманию. Они повторяются у разных авторов, взаимно дополняют друг друга и в своей совокупности составляют лингвокультурный концепт перевода эпохи французского классицизма.

Список литературы

Первичные источники

- Ablancourt N. Perrot d'Arrian.* Les guerres d'Alexandre. Préface [1646 a] // Roger Zuber, Nicolas Perrot D'Ablancourt. Lettres et préfaces critiques. Paris: Librairie Marcel Didier: 1972. P. 137—144.
- Ablancourt N. Perrot d'Lucien.* A monsieur Conrart Conseiller & Secrétaire du Roy [1654] // Roger Zuber, Nicolas Perrot D'Ablancourt. Lettres et préfaces critiques. Paris: Librairie Marcel Didier, 1972. P. 176—189.
- Ablancourt N.P. de. Thucidide.* Préface [1661] // Delisle J. Histoire de la traduction (cd-rom). Université d'Ottawa, 2005.
- Arnauld A.* Trad. du livre de S. Augustin. Des Mœurs de l'Eglise Catholique. Arnault Seconde edition. Paris: Chez Antoine Vitre... M.DC.XLVII <1647>. <http://books.google.com.ua/books?id=ya_CGwAACAAJ&dq>
- Arnauld d'Andilly R.* Lettres De Monsieur Arnauld d'Andilly. Paris: Chez Charles Osmont. M.DC.LXXX <1680>. <<http://books.google.com.ua/books/about/Lettres>>
- Godeau A.* [trad.] Préface de Louis Giry. Dialogue Des Causes de la corruption de l'eloquence. Paris: Chez Jean Camusat: M.DC.XXXVI <1636>. Au traducteur Sonnet. P. XXVI. <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5853929t>>
- Godeau A.* À Monsieur l'Abbé de Villeloin <M. de Marolles>. Epistre IX // Poésies chrestiennes et morales d'A. Godeau. T. III. Paris: Chez Pierre Le Petit, 1663a. P. 49—52. <<http://books.google.com.ua/books?id=CbPN0hhs>>
- Godeau A.* À M. d'Ablancourt sur ses traductions. Epistre XXII // Poésies chrestiennes et morales d'Ant. T. III. Paris: Chez Pierre Le Petit, 1663b. P. 133—138. <<http://books.google.com.ua/books?id=CbPN0hhs>>
- Godeau A.* Discours sur Malherbe // Œuvres de Malherbe. Nouvelle édition par M.L. Lalanne. Tome premier. Paris: Hachette, 1862. P. 365—385.
- Guyot T.* Préface des Billets de Cicéron... 1668 // Cadet F. L'éducation à Port-Royal. Paris: Hachette, 1887. P. 185—202.
- Lemaistre A.* Préface. Les Sermons de S. Bernard. Paris: Chez Charles Savreux, M.DC.LVIII <1658>. Préface. P. I—XII. <<http://books.google.com.ua/books?id=17Y>>
- Lemaistre A.* Règles de la traduction // N. Fontaine. Mémoires pour servir à l'histoire de Port-Royal. T. 2. Utrecht: Aux dépens de la Compagnie, M.DCC.XXXVI <1736>. P. 176—178. <books.google.com/books?id=X5MDAAAAcAAJ>

- Le Maître de Sacy J.-L.* [trad.] Poème de S. Prosper contre les ingrats. Paris: Chez la Veuve Martin Durand... M.DC.XLVII <1647>. XV +176 p. <books.google.com/books?id=gKyBMspIiXAC>
- Méziriac C.-G. de.* De la traduction // Menagiana. T. 2. À Paris, Chez la Veuve Delaulne, M.DCCXXIX <1729>. P. 410—460. <<http://books.google.com.ua/books?id=UPy>>
- Miramion M.* Discours de la Traduction. Par Mr Miramion // Regole della traduzione (testi inediti di Port-Royal). Napoli, 1991. P. 128—139.

Вторичные источники

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Шаталов Д.Г.* Метафорическое осмысление перевода религиозных текстов в России, Англии и Франции XVI—XVII вв. Метафоры идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2011. № 1. С. 67—84. <<http://www.cairn.info/article.php?IDREVUE=dss&IDNUMPUBLIE=DSS032&IDARTICLE=DSS0320195>>
- Berman A.* La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain // A. Berman et al. Les Tours de Babel. Moïse Friedrich Schleiermacher. Bramepan: Éd. T.E.R. 1985. P. 33—150.
- Berman A.* De la translation à la traduction // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 1988. Vol. 1. N 1. P. 23—40. <<http://id.erudit.org/iderudit/037002ar>>
- Berman A.* La traduction et ses discours // Meta: Translators' Journal. 1989. Vol. 34. N 4. P. 672—679. <<http://id.erudit.org/iderudit/002062ar>>
- Berman A.* Au début était le traducteur / Antoine Berman // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 2001. Vol. 14. N 2. P. 15—18. <<http://id.erudit.org/iderudit/000566ar>>
- Butlen F.* Asianisme ou atticisme? Les Huit Oraisons de Cicéron (1638), traduction manifeste des “Belles infidèles” // XVIIe siècle. 2003/2. N 119. P. 195—216.
- Guillerme L.* Les Belles Infidèles, ou l'Auteur respecté (de Claude de Seyssel à Perrot d'Ablancourt) // Ballard Michel, d'Hulst Lieven (éds.). La traduction en France à l'âge classique. Villeneuve d'Ascq (Nord): Presses Universitaire du Septentrion, 1996. P. 23—42.
- D'Hulst L.* Observations sur l'expression figurée en traductologie française (XVIIIe—XIXe siècles) // TTR. 1993. VI. P. 83—111.
- Ladmiral J.-R.* Sourciers et ciblistes // Revue d'esthétique. 1986. N 12. P. 33—42.
- Ladmiral J.-R.* Traduire: Théorèmes pour la traduction. Paris: Gallimard, 1994.
- Zuber R.* Les “belles infidèles” et la formation du goût classique. Paris: Alb. Michel, 1992.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

В.А. Нуриев,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Института языкознания РАН; e-mail: nurieff.v@gmail.com

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья привлекает внимание к проблеме перевода имён собственных в практическом аспекте. Через призму конкретного речевого материала демонстрируются сложности, с которыми необходимо сталкивается литературный переводчик, когда передаёт имя собственное на принимающем языке.

Ключевые слова: художественный перевод, имена собственные, трудности.

Vitaly A. Nuriev,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; e-mail: nurieff.v@gmail.com

Proper Names Challenges in Literary Translation

The article deals with the issue of translating proper names in literary texts and sheds light on a number of difficulties that one inevitably encounters when translating a proper name.

Key words: literary translation, proper names, difficulties.

Вопрос перевода имён собственных в отечественном переводоведении относится к тому кругу проблем, которые рассматриваются давно и довольно регулярно [см., например: Гиляревский, Старостин, 1978; Ермолович, 2001; Казакова, 2002; Магазаник, 1969; Основные понятия переводоведения, 2010; Старостин, 1965; Супранская, 1962]. Исследователи, как правило, ограничиваются выведением определённого набора приёмов для передачи имён собственных на переводящем языке: транслитерация, транспозиция и калькирование, транскрипция (см., например: [Казакова, 2002]). Однако, как отмечают Н.К. Гарбовский в «Теории перевода» [Гарбовский, 2004, с. 56—57], И. Левый в «Искусстве перевода» [Левый, 1974, с. 123—124] и Ю.А. Сорокин в труде «Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры» [Сорокин, 2003], в практическом отношении проблема гораздо сложнее, что мы и попытаемся продемонстрировать.

В большинстве случаев при переводе имени собственного комбинация и подбор вариантов происходят на уровне фонем: звуки исходного языка (ИЯ) заменяются наиболее близкими к ним по

акустическим свойствам в переводящем языке (ПЯ) (графемы ИЯ заменяются передающими сходные звуки графемами в ПЯ). Так, чтобы передать на русский язык французское имя *Paul* [pO], нужно каждой фонеме в составе французского слова подобрать наиболее близкую по артикуляции и звучанию фонему русского языка: [p] заменяется русской фонемой [п], [O] — соответствующей русской гласной, а французская фонема [l] — русской согласной [л]. Таким образом, французское имя *Paul* в русском языке передаётся как *Поль*, причём единицей перевода является фонема, а способом или приёмом перевода — транскрипция [см. подробнее: Бархударов, 1975, с. 176—177]. В то же время *Paul* можно передать на русском иначе, как *Пауль* путём транслитерации. Вывод о целесообразности того или иного варианта можно сделать лишь с учётом повествовательных рамок, установленных автором в тексте. Имя *Поль* говорит о французском происхождении героя, либо местом действия является франкоязычная страна. *Пауль* выводит нас в немецкий культурный контекст. Третий вариант, *Пол*, имеет отношение к англоязычной культуре. Происходит переключение уровня переводимости: переводческое решение принимается не только на уровне фонем (графем), но на уровне всего текста, а имена героев становятся опорными пунктами, способными в значительной мере корректировать интерпретационную кривую смыслопорождения. Это заставляет переводчика накладывать на будущий перевод лекала переводящей культуры: учитывать культурно обусловленные ассоциативные связи, нежелательный интертекстуальный потенциал, фоносемантические ассоциации и т.д.

Один из самых широко известных примеров — замена имени главной героини в первых редакциях русского перевода сказочной повести А. Линдгрэн «Пеппи Длинныйчулок» (по оригинальному замыслу главную героиню зовут *Punni*, а не *Penni*), переводчица Л.Ю. Брауде впоследствии неоднократно высказывала возражения против такой правки. Однако, учитывая особенности целевой группы, правомерность редакционной правки не вызывает сомнений: книга А. Линдгрэн адресована в первую очередь детской аудитории, а имя *Punni* может спровоцировать нежелательную реакцию у русского читателя. Другой пример также заимствован из практики перевода детской литературы. В 2008 г. в издательстве «Махаон» на русском языке в переводе О. Варшавер вышел мировой бестселлер К. ДиКамилло «Удивительное путешествие кролика Эдварда» (*The Miraculous Journey of Edward Tulane*). Сюжет строится вокруг странствий игрушечного кролика из фарфора, который волей авторского замысла переживает ряд необычайных приключений. Одна из первых проблем, с которыми сталкивается русский переводчик, — проблема передачи имён собственных. В первой главе

мы встречаем три имени собственных: *Edward Tulane* (в русском переводе — *Эдвард Тюлейн*) — кролик, *Abilene Tulane* (в переводе — *Абилин Тюлейн*) — девочка—хозяйка кролика, *Pellegrina* (в переводе — *Пелегрина*) — бабушка девочки. Наименьшие сложности связаны с переводом имени бабушки: применяется транслитерация с опущением одной из парных *ll*. *Abilene* (произносится как [ˈæbəlɪːn]) имеют обыкновение передавать на русском по смешанному типу — как *Абилин*: первая часть слова транслитерируется, вторая транскрибируется. Возможные варианты — *Эбелин*, и, если принимать во внимание временные координаты повествования, косвенно отсылающие к началу XX в., — *Эбелина/Эвелина* (в отечественном переводе тогда бытовала традиция феминизации иностранных женских имён на русский манер). Имя *Edward/Эдвард* не представляет трудностей для перевода. Между тем фамилия *Tulane*, представленная как *Тюлейн*, требует большего внимания. По сюжету семейство *Tulane* проживает на Египетской улице в родовом особняке, в фамилии не заложено дополнительных ассоциативных связей (например, с *тюленем*). При переводе на русский язык можно избежать фоносемантических «намёков» при помощи незначительных манипуляций с формой слова (*ю* заменить на *у*, а *e* — на *э*), что в переводе даёт *Тулэйн*¹.

Рассматривая трудности перевода имён собственных на практическом речевом материале, сталкиваешься с неожиданными переводческими решениями. В одном из русских переводов романа Ф. Саган «Ангел-хранитель» (*Le garde du coeur*)² переводчик Л. Татко наряду с транскрипцией и транслитерацией широко использует другие приёмы. В некоторых случаях производится полная замена формы слова, идущая вразрез с авторским замыслом. Так передаются имена второстепенных персонажей: *Louella Schrimp* (*Луэлла Шримп*) становится *Лолой Греввет*, *Frank Saylor* (*Фрэнк Сейлор*) — *Фрэнком Тайлером*. Любопытно, что в других переводах, у А. Новиковой и Е. Залогойной, *Сейлор* тоже заменяется — на *Сеймур*:

“*Frank Saylor. Votre ex-mari. Il s’est tué cette nuit*”.

— *Фрэнк Сеймур*. Ваш бывший муж. Застрелился этой ночью (пер. А. Новиковой).

— *Фрэнк Тайлер*. Твой бывший муж. Он покончил с собой сегодня ночью (пер. Л. Татко).

¹ Примеры цитируются по: *DiCamillo K. The Miraculous Journey of Edward Tulane*. Candlewick, 2006. 228 p.; *ДиКамилло К.* Удивительное путешествие кролика Эдварда / Пер. с англ. О. Варшавер. М.: Махаон, 2008. 128 с.

² Примеры цитируются по: *Sagan F. Le garde du coeur*. Julliard, 1999. 160 p.; *Саган Ф.* Ангел-хранитель / Пер. с фр. А. Новиковой; *Избранные произведения*. Т. 3. Романы. М.: Библиосфера, 1997. С. 349—429; *Саган Ф.* Сигнал капитуляции. Ангел-хранитель / Пер. с фр. Е. Залогойной. М.: Русанова, 1992b. 224 с.; *Саган Ф.* Хранитель сердца / Пер. с фр. Л. Татко // *Ровесник*. 1991. № 8—12.

— Фрэнк Сеймур. *Ваш бывший муж. Он покончил с собой сегодня ночью* (пер. Е. Залогойной).

Замена такого плана у А. Новиковой и Е. Залогойной единична, её можно объяснить стремлением переводчика встроить переводимый текст в принимающую культурную среду. Согласно фабуле, Фрэнк Сеймур — бывший муж главной героини *Dorothy Seymour* (*Дороти Сеймур*), разница в фамилиях бывших супругов запускает механизм «переводческой цензуры», который как особый психологический фильтр участвует в моделировании вероятностных реакций будущего читателя. Унификация фамилий (противоречащая оригинальной авторской интенции), вероятно, больше отвечала логике супружества, сформировавшейся у переводчиц в ходе их собственной социализации. В этом ключе трудно объяснить переводческое решение Л. Татко, здесь переводческая вольность распространяется не только на имена и фамилии персонажей, кардинальным образом изменяются названия конкретных объектов материальной действительности (рестораны и т.д.). Рассмотрим один такой случай:

Chez Romanoff's. C'est le Restaurant d'Hollywood où il faut dîner.

— «У Романова». *В Голливуде это один из лучших ресторанов, где принято ужинать* (пер. А. Новиковой).

— У «Чейзена». *Это в Лос-Анджелесе единственный ресторан, который стоит тебе посетить* (пер. Л. Татко).

— К «Романоффу». *Это голливудский кабак, у нас принято там показываться* (пер. Е. Залогойной).

А. Новикова восстанавливает русскую форму фамилии («У Романова»). Е. Залогоина сохраняет исходный вариант (К «Романоффу»), используя транслитерацию. Л. Татко допускает абсолютную замену *Chez Romanoff's* → У «Чейзена». Следует отметить, Ф. Саган была хорошо знакома с ресторанной культурой тех стран (городов), где путешествовала. Она стремилась сохранить названия ресторанов в своих произведениях, чтобы усилить местный колорит и укрепить связь вымышленной реальности с настоящей действительностью, маскируя фикцию под псевдодокументальность за счет расстановки на сюжетной карте произведения меток, отсылающих к известным географическим объектам и людям. Так происходит и с рестораном «У Романоффа» (*Romanoff's*), история которого связана с именем Гершеля Гегузина, известного также как Майк (Михаил) Романов — самозванный племянник Николая II. По данным разных источников, ресторан «У Романоффа» открылся в Беверли-Хиллз между 1939 и 1941 гг. и стал со временем одним из самых посещаемых мест в Голливуде. Его завсегдатаями были Хамфри Богарт, Кларк Гейбл, Фрэнк Синатра, Лана Тёрнер, Гарри Купер, Альфред Хичкок, Отто Премингер, Билли Уайлдер и др. Период процветания закончился с наступлением 1960-х гг. «У Романоффа» закрылся

в 1962 г. [см.: Шатерникова, 2002; Meares, 2012]. Однако и ресторан «У Чейзена», название которого возникает в переводе Л. Татко, имеет реальный прототип (ресторан *Chasen's*). Он открылся в Беверли-Хиллз в 1937 г. Назван по имени основателя — бывшего актера Дейва Чейзена. В течение многих лет служил площадкой для проведения торжественного ужина по случаю вручения премии «Оскар». Постоянные посетители «У Чейзена» — Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро, Ширли Темпл, Кэри Грант, Орсон Уэллс, Дин Мартин, Кирк Дуглас, Ричард Никсон, Рональд Рейган и др. Он существовал дольше, чем ресторан Романоффа, оставаясь последним оплотом старого Голливуда. Его клиентами оказались и «новые» знаменитости — Шэрон Стоун, Джон Траволта, Джек Николсон, Мэл Гибсон и др. Ресторан закрылся в 1995 г., в отличие от «У Романоффа» его не снесли: здание переоборудовали под супермаркет [Brown, 1995, p. 88].

Прежде чем высказать какие-либо предположения относительно подобных замен в переводе, обратимся к истории создания оригинального текста. «Ангел-хранитель» вышел 23 марта 1968 г., был представлен публике как детектив, действие которого происходит в Голливуде. Главные герои — женщина сорока пяти лет (сценарист) и молодой человек двадцати пяти — двадцати шести лет (путешественник). Он попадает под колеса её автомобиля, получает серьёзную травму ноги, она отвозит его в больницу, потом привечает у себя дома, где он живёт, пока не выздоровеет. Тем временем начинают умирать люди, когда-либо дурно с ней обошедшиеся.

«Ангел-хранитель» — последнее произведение Ф. Саган, вышедшее в издательстве «Жюльяр». За два года до его выхода выгодный договор (аванс на сумму в два с половиной миллиона франков и двадцать процентов в качестве авторского права с каждого проданного экземпляра) Ф. Саган предложил А. Фламарион. Чтобы поменять издателя, писательнице предстояло выполнить оставшуюся часть контракта с «Жюльяр» — написать еще одну книгу. Саган меняет жанр и обращается к детективам в духе Я. Флеминга или Дж.Х. Чейза. В своих мемуарах «Оглядываясь назад» (*Derrière l'épaule*) 1998 г. писательница утверждает, будто первую главу она написала «забавы ради» — для сестры, когда они гостили вдвоём в Ло, сестра заставляла писать продолжение каждый день и зачитывать его на ночь. По словам Саган, книга была написана за месяц, который они с сестрой «провели на холодном осеннем солнце, собирая грибы; сестра стряпала восхитительные блюда, а я — отвратительные убийства» [Sagan, 1998, p. 85]. Иначе представляет ситуацию С. Делассен, автор биографии Ф. Саган, отмечая, что осенью 1967 г. книга еще не закончена и в издательство попадет лишь в декабре [Делассен, 2003, с. 245]. В марте следующего года роман

выйдет без обязательной для крупного автора и издателя автограф-сессии и вообще без широкой рекламной компании, которая предваряла и сопровождала все предыдущие работы писательницы. Исключением станет интервью Ф. Саган в телевизионной программе *Lectures pour tous* («Чтение для всех»). Надо заметить, *Lectures pour tous* (создатели и ведущие — Пьер Дюмайе и Пьер Дегропу), долгое время была одной из самых влиятельных передач о книжной индустрии на французском национальном телевидении. Интервью в программе организовано непосредственно после выхода романа (трансляция от 27 марта 1968 г.) и носит благожелательный характер. Тем не менее в большинстве своём литературные критики холодно встречают «Ангела-хранителя». Отрицательные отзывы публикует «Фигаро», «Комба», «Журнал де Диманш», «Пари-пресс», «Франс суар» и др., уличая писательницу в небрежном отношении к своему читателю, называя роман развлекательным и необязательным к прочтению [подробнее см.: там же, с. 246—248]). Общая отрицательная реакция литературной критики существенно понижает статус Ф. Саган в глазах читателей и занижает их ожидания от нового романа. Очевидно, так же воспринимает произведение и Л. Татко, дописывая и переписывая его на русском за Ф. Саган.

Перевод Л. Татко является исторически первым русским переводом «Ангела-хранителя», он опубликован в 1991 г. в восьмом—двенадцатом номерах молодёжно-развлекательного журнала «Ровесник» в рубрике «Зарубежная литература». Отношение переводчика к тексту и к автору отчётливо прослеживается в трансформации сюжетной канвы. Изменяется структура коммуникативной схемы романа (личное местоимение *вы* повсеместно заменено на *ты*), английские имена собственные транслитерируются на немецкий манер (*Paul* → *Пауль*, *Lewis* → *Левис*), наряду с этим наблюдается много других преобразований (изменение имён второстепенных персонажей). Переводчик моделирует новую фабулу с иным набором лиц, предметных объектов, а иногда и событий. По истечении почти двадцати лет невозможно достоверно определить мотивы таких переводческих решений, однако можно предположить, что в данном случае медийная история писателя и его произведения немало влияет на отношение переводчика к своему автору. Таково было в целом отношение к Ф. Саган в 1990-е гг. в России. Её книги печатались либо вовсе без вступительной аннотации (см., например, сборник «Потерянный профиль» издательства «А.Н. Сытин и К» [Саган, 1992а]), либо с аннотацией следующего рода: «Основная тема обеих вошедших в книгу повестей — женское сердце. Это откровенный дневник, анатомия любви, описанной так, как она есть, невзирая на не раз предъявленные автору обвинения в излишнем

пристрастии к эротике. Действие первой повести переносит читателя в салоны высшего парижского света, второй — в мир Голливуда, но обе они отличаются стремительным сюжетом, почти детективными поворотами событий, неожиданными концовками» [Саган, 1992б, с. 217]. Ни «Сигнал капитуляции», ни «Ангел-хранитель», о которых идёт речь, не являются повестями, это романы. Кроме того, «Ангел-хранитель» стал единственным детективным произведением в творчестве писательницы, хотя и он не следует доподлинно канонам детективного жанра, придерживаясь линии детектива-пародии. Видимо, аннотация, заведомо искажающая литературный образ автора, — это маркетинговый ход издательства «Русанова», направленный на расширение потенциальной группы покупателей.

Рассматривая особенности перевода имён собственных, нельзя не признать, что большие трудности вызывает их передача при работе с произведениями автора, которого отличает индивидуальное языковое творчество. С этой проблемой, в частности, сталкиваются переводчики французского писателя Р. Кено. Его самый, пожалуй, известный роман и международный бестселлер «Зази в метро» (*Zazie dans le métro*) изобилует «говорящими» именами. На русском существует два опубликованных перевода: 1992 г. (М.К. Голованивской и Е.Э. Разлоговой) и 2001 г. (Л. Цывьяна). Переводческие варианты значительно разнятся, в том числе и в отношении имён собственных.

Мать главной героини зовут *Jeanne Lalochère* (фамилия образована путём субстантивации несуществующего прилагательного женского рода *lochère*, предположительно образованного от глагола *locher* — трясти плодородное дерево, чтобы сбить плоды [Grand Robert, 2005], к прилагательному присоединяется определённый артикль женского рода *la*). М.К. Голованивская и Е.Э. Разлогова переводят *Жанна Сиськиврось* (сращиваются два слова: *сиськи* и разговорный вариант наречия *врозь* с глухим согласным в исходе слова), Л. Цывьян предлагает вариант *Жанна Буферá* (исходная лексема заменяется синонимом слова *грудь*, вульгаризмом, бытующим в разговорном языке и служащим для обозначения женской груди большого размера).

Другой женский персонаж — *Mado Ptits-pieds* (Мадо Маленькие-ножки, прилагательное *petit* Р. Кено приводит в усечённой форме, характерной для разговорной речи). М.К. Голованивская и Е.Э. Разлогова дают вариант *Мадо Ножка-Крошка* (изменяя следование частей исходного композита, заменяя множественное число единственным и субстантивируя прилагательное, обе составные части композита в переводе пишутся с заглавной буквы), Л. Цывьян — *Мадо На Цырлачках* (исходный композит заменяется предложным

словосочетанием, *цырлачки* — цыпочки, пальцы, «стоять на цырлах» — по всей форме, со всем почтением и раболепием прислуживать, угождать кому-то [Таубеншлак, 2012, с. 211])³. Примечательны те изменения, что привносит Л. Цывьян в перевод. Очевидно, на стадии мысленного экспериментирования с исходным текстом реконструкция и последующая проекция вербальной визуализации оригинальных образов испытывают влияние дополнительных факторов. В качестве такового выступает одноименный фильм-экранизация книги Р. Кено (1960 г., режиссер — Луи Маль, в главных ролях — Филипп Нуаре и Катрин Демонжо). Кинолента долгое время оставалась недоступной российскому зрителю, но в начале 2000-х гг., когда Л. Цывьян работал над новым переводом «Зази в метро», её уже можно было посмотреть в России. Прослеживаются некоторые параллели, в частности исполнительница роли Мадо, Анни Фрателлини, в киноверсии ходит, пританцовывая на цыпочках, как балерина в балетной пачке.

В качестве заключения позволим себе отметить, что перевод имён собственных в художественном тексте, по всей видимости, невозможно свести к механическому подбору соответствующих графем/фонем в переводящем языке. Это гораздо более сложная задача, требующая от переводчика и редактора комплексного осмысления принципов восприятия текста читателем и дифференциации подхода к каждому конкретному случаю с учётом целого ряда различных факторов.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 238 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Гиляревский Р.С.* Иностранные имена и названия в русском тексте. М.: Международные отношения, 1978. 240 с.
- Делассен С.* Любите ли вы Саган?.. / Пер. с фр. Т.В. Осиповой. М.: АСТ, 2003. 414 [2] с.
- ДиКамилло К.* Удивительное путешествие кролика Эдварда / Пер. с англ. О. Варшавер. М.: Махаон, 2008. 128 с.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
- Казаква Т.А.* Практические основы перевода. СПб.: Лениздат; Союз. 2002. 320 с.

³ Примеры цитируются по: *Queneau R.* Zazie dans le metro. Editions Gallimard, 2006. 278 p.; *Кено Р.* Зази в метро / Пер. с фр. Л. Цывьяна; Упражнения в стиле. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 64—230; *Кено Р.* Зази в метро / Под общ. ред. Н.Ф. Ржевской; Пер. с фр. М.К. Голованивской, Е.Э. Разлоговой. М.: Московский рабочий, 1992. 155 [2] с.

- Кено Р.* Зази в метро / Пер. с фр. Л. Цывьяна; Упражнения в стиле. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 64—230.
- Кено Р.* Зази в метро / Под общ. ред. Н.Ф. Ржевской; Пер. с фр. М.К. Головановской, Е.Э. Разлоговой. М.: Московский рабочий, 1992. 155 [2] с.
- Левый И.* Искусство перевода / Пер. с чешского Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 396 [4] с.
- Магазаник Э.Б.* Роль антропонима в построении художественного образа // Ономастика: сб. ст. М.: Наука, 1969. С. 162—163.
- Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отв. ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
- Саган Ф.* Ангел-хранитель / Пер. с фр. А. Новиковой. Избр. произв. Т. 3. Романы. М.: Библиосфера, 1997. С. 349—429.
- Саган Ф.* Потерянный профиль / Пер. с фр. А. Борисовой, И. Волевич и др. М.: А.Н.Сытин и К°, 1992а. 438 [4] с.
- Саган Ф.* Сигнал капитуляции. Ангел-хранитель / Пер. с фр. Е. Залогойной. М.: Русанова, 1992б. 224 с.
- Саган Ф.* Хранитель сердца / Пер. с фр. Л. Татко // Ровесник. 1991. № 8—12.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
- Старостин Б.А.* Транскрипция собственных имен: Практическое пособие. М.: Книга, 1965. 92 с.
- Суперанская А.В.* Заимствование слов и практическая транскрипция. М.: АН СССР Ин-т языкознания, 1962. 48 с.
- Шатерникова М.* Остап Бендер в американском варианте // Чайка. № 18 (34) от 16 сентября 2002. <http://www.chayka.org/oarticle.php?id=797>
- Таубенишак А.А.* и др. Язык Одессы. Слова и фразы: Словарь. Одесса: Optimum, 2012. 260 с.
- Brown D.* The Talk of the Town: Chasen's Fadeout // The New Yorker. 1995. February 20. P. 88.
- DiCamillo K.* The Miraculous Journey of Edward Tulane. Candlewick, 2006. 228 p.
- Grand Robert (version électronique). Paris, 2005.
- Meares H.* Recipes from Romanoff's, Supper Club to the Stars. 2012. <http://www.kcet.org/socal/food/the-public-kitchen/recipes-from-romanoffs-supper-club-to-the-stars.html>
- Queneau R.* Zazie dans le metro. Editions Gallimard, 2006. 278 p.
- Sagan F.* Derrière l'épaule. Plon, 2000. 248 p.
- Sagan F.* Le garde du coeur. Julliard, 1999. 160 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

М.О. Алексеева,

кандидат филологических наук, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: monorime@mail.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ТРЕБОВАНИЯ К АНАЛИЗУ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается специфика религиозного дискурса, раскрываются некоторые аспекты формирования и развития доминантного православного дискурса в современном обществе, показывается влияние на этот дискурс лингвистических и внелингвистических факторов. Автор предлагает сформированный корпус терминов, позволяющих наиболее точно описать структуру, онтологию и характерные особенности различных религиозных дискурсов, а также выявить системные связи между ними.

Ключевые слова: религиозный дискурс, дискурсивный анализ, классификация дискурсов, православный дискурс, поведенческие алгоритмы и ментальные схемы, социокультурное пространство.

Marianna O. Alekseyeva,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

Research Approaches and Requirements to Analysis of Religious Discourse

The article deals with the specifics of religious discourse and reveals several aspects of forming and developing dominant orthodox discourse in the modern society, as well as the influence of linguistic and non-linguistic factors on this discourse. The author proposes a set of terms explaining the structure, ontology and distinctive features of various religious discourses in the most precise way and expose systemic relations between them.

Key words: religious discourse, discursive analysis, classification of discourses, orthodox discourse, behavioral algorithm and mental schemes, socio-cultural space.

Дискурсивный подход призван исследовать язык, «вписанный в жизнь», по ставшему сакраментальным определению. Но язык не просто «вписан» в жизнь, он являет собой активное начало, на эту жизнь влияющее.

В обобщённом виде язык существует только в учебниках грамматики и словарях, и то их авторы вынуждены пользоваться набором помет, которые, в сущности, распределяют языковые единицы по разным дискурсам: бытовому, разговорному, научному, техническому и т.д. В действительности язык должен рассматриваться как динамичное *социальное* явление: он формируется социумом и одновременно сам этот социум формирует, поэтому любое вы-

сказывание поддерживает, модифицирует, дополняет или разрушает некую социокультурную структуру с определёнными внутрискруктурными взаимоотношениями и иерархией ценностей. Не что иное, как дискурс связывает значения единственно понятным для его носителей способом и выстраивает логичную систему представлений о мире.

Понятие «религия» включает в себя огромное множество различных воззрений на мир и человека: поли- или монотеистических, конфессиональных, религиозно-философских, религиозно-этических и т.д. Объединяет их одно: все они признают наличие иной, недоступной человеку в его земной жизни реальности, а также детерминированной этой максимой системы истин и ценностей, формирующих модели поведения индивидуума в повседневной жизни.

Не будем забывать, что дискурс — это не только текст или речь: в нём отражается и материальный мир. Поскольку вся сложная, полиморфная структура дискурса фиксируется *в языке*, его следует рассматривать не просто как способ передачи информации о мире, но как самый сложный механизм, который этот мир конституирует. В языке существует и циркулирует множество паттернов значений, дискурс же производит (или отбирает из уже существующих) значения, релевантные для специфического контекста [Йоргенсен, Филлипс, 2008]. Анализ таких паттернов позволяет определить специфику дискурса, ареал его функционирования и т.д. Так, в религиозном дискурсе языковые единицы общелитературной лексики приобретают совершенно особые, *дискурсивные* значения, и слово **страдание** насыщается положительными коннотациями, ибо через страдание проходит путь души к вечному блаженству («по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше»¹), а слово **прелесть** — отрицательными, ибо оно означает дьявольский соблазн, губящий человека и его бессмертную душу («Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой за истину»²).

Лингвистические особенности текста и речи, характерные риторические стратегии призваны утвердить определённое представление о мире как *объективное, правильное* и соответственно заклеить все альтернативные представления как *субъективные, ложные*. И для религиозного дискурса, как дискурса безусловно идеологического³, это особенно актуально. Именно дискурс легитимизирует значения всех лингвистических и нелингвистических единиц и способов коммуникации: ведь кроме собственно линг-

¹ Второе послание Коринфянам, 1—5.

² *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Аскетические опыты. СПб., 1886. Т. 1. С. 228.

³ Об этом см. также: *Алексеева М.О.* Идеологическая составляющая религиозного дискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 3.

вистических дискурс транслирует определённые ментальные схемы и поведенческие алгоритмы. Более того, именно посредством приписывания ряда дискурсивных значений, как человеческой личности, так и окружающей действительности индивидуум способен понимать этот мир, существовать и действовать в нём. Это особенно актуально для религиозного дискурса. Отметим, что именно в нём большинство значений чрезвычайно устойчиво и субъекты имеют довольно ограниченные рамки для манипулирования ими. В православии, например, они закреплены в текстах Священного Писания, поучений Отцов церкви, молитвах и церковных ритуалах. Нужны мощные внелингвистические импульсы и общественная воля, чтобы вызвать динамические процессы внутри религиозного дискурса. В русском православном дискурсе такие подвижки были спровоцированы религиозным расколом, возникшим в результате церковных реформ патриарха Никона, связанных с исправлением священных текстов и изменением церковных канонов в XVII в. То есть изменения в значениях всё же происходят, но исключительно в результате сложных и длительных социокультурных процессов, и носят эти изменения коллективный характер.

Анализ религиозного дискурса, безусловно, должен быть комплексным. Но такого рода исследование требует особого инструментария, и в первую очередь оптимального терминологического оснащения. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо сформировать корпус терминов, позволяющих описать различные виды религиозного дискурса, отразить их онтологические признаки и зафиксировать систему отношений, их связывающих.

С точки зрения объёма и характера функционирования, мы можем выделить, по крайней мере, пять видов религиозного дискурса, двигаясь от более к менее объёмному.

Религиозный мегадискурс — это глобальный дискурс, охватывающий всю религиозную сферу духовной жизни человеческого общества. Он включает в себя как политеистические (языческие) религии, так и монотеистические (иудаизм, христианство, ислам и др.), т.е. представляет все возможные религиозные взгляды на мир и человека, все виды верований и религиозных убеждений, поэтому его границы практически невозможно очертить. Этот мегадискурс онтологически противостоит другому, не менее обширному мегадискурсу — *атеистическому*, имеющему столь же глобальный характер.

На этом огромном дискурсивном пространстве расположились **религиозные макродискурсы** — христианский, мусульманский, иудейский, буддистский, — являющие собой дискурсы основных мировых религий. К макродискурсам следует отнести также язычество (многобожие) как определённый вид религиозного самосознания (не вдаваясь в конкретику своеобразных языческих представлений о мире у разных этносов). Территории этих дискурсов велики, но при этом их границы очерчиваются достаточно отчётливо.

Более камерный и конкретный характер имеют *религиозные мезодискурсы*, существование которых детерминировано дискурсами мировых религий. К религиозным мезодискурсам в первую очередь логично отнести конфессиональные дискурсы, существующие в рамках христианства, — католический, протестантский, православный. Однако, с нашей точки зрения, к мезодискурсам следует причислить и дискурсы, имеющие более узкие границы: например, лютеранский, англиканский или кальвинистский дискурсы в протестантизме, греко-католический или старообрядческий дискурсы в православии, дискурсы шаманизма или анимизма в рамках язычества.

Очевидно, что внутри одного мезодискурса существует целый ряд *религиозных мини-дискурсов*, каждый из которых имеет свою специфику. Так, в рамках дискурса Русской православной церкви (РПЦ⁴) выделяются мини-дискурс православного церковного ритуала, богословский мини-дискурс и т.д.

Если речь идёт о жанровом своеобразии какого-либо мини-дискурса или его части, имеет смысл даже выделить *религиозные микродискурсы*: дискурс проповеди, например, или богословской дискуссии.

Этот набор терминов, с нашей точки зрения, существенно облегчает задачу описания и анализа различных типов религиозного дискурса. Все виды религиозного мезадискурса, являющие собой отдельные макро-, мезо-, мини- и даже микродискурсы, демонстрируют различные способы понимания жизни и отражения картины мира, а также формируют особые идентичности, в основе которых лежат специфические модели применения ментальных схем носителями того или иного дискурса при понимании текстов или речи. Ведь наши знания о мире, о реальности, отражающиеся в языке, есть результат способов категоризации этой реальности и соответственно «продукт» дискурса.

Важно классифицировать дискурсы и с точки зрения их структуры. Принципиально отличаются *гомогенные* (с одной дискурсообразующей составляющей) и *гибридные* (соединяющие в себе две равно важные и равновеликие составляющие) религиозные дискурсы. Такие виды дискурсов, как церковно-дипломатический, церковно-коммерческий, церковно-коммуникационный и т.д., мы будем называть *религиозными метадискурсами*. Заметим попутно, что религиозный дискурс как никакой другой чувствителен к нововведениям, он чутко реагирует на чужеродные элементы, принимая их очень дозированно и осваивая их стилистически, синтаксически и т.д. В качестве наглядного примера такого «освоения» можно привести два объявления в одном из периодических изда-

⁴ Здесь и далее Русскую православную церковь, возглавляемую сегодня патриархом Кириллом, мы будем именовать аббревиатурой РПЦ, дабы отличить её от других русских православных церквей.

ний, существующих под эгидой РПЦ: *«Православное агентство недвижимости с Божьей помощью поможет продать, купить, обменять, сдать, снять вашу квартиру в Москве и Московской области»* и *«Размещая рекламу в газете “Возглас”, Вы участвуете в благотворительном Проекте “Помощь, пришедшая вовремя”*. А это значит, что *Вы спасаете не только чужие жизни, но и свою бессмертную душу»*⁵. В отличие от, например, рекламного или бизнес дискурса религиозный дискурс не является гибким. Он практически не изменяется при контакте с другими дискурсами, но осваивает отдельные элементы других дискурсов, определённым образом их окрашивая. В результате возникает своеобразная дифракция двух или более видов дискурсивных элементов.

В современном обществе религиозный дискурс получает новые, неожиданные возможности для создания новых констелляций слов и текстов, которые раньше не могли возникнуть. Сегодня русский православный дискурс включает в себя практически все сферы жизни современного общества и интенсивно поглощает отдельные элементы других дискурсов, что приводит к формированию множества новых гибридных метадискурсов (религиозно-военного, религиозно-делового, религиозно-медийного, религиозно-педагогического, религиозно-научного, религиозно-промышленного и даже религиозно-спортивного, если рассматривать, например, напутственное слово священнослужителя перед чемпионатом, соревнованиями или матчем). Очевидно, что дискурс является источником определённых социальных действий и взаимодействий и одновременно ограничивает другие возможности деятельности субъектов. В процессе создания новых видов религиозного дискурса его носители выступают в роли агентов лингвокультурных изменений. В результате совокупность креативных действий разных индивидуумов формируют и преобразуют дискурс [Norman Fairclough]. Соответственно субъект действует как продукт и как создатель дискурса, он одновременно воспроизводит его и трансформирует, вводя заимствованные из других дискурсов элементы. Так дискурсы создаются, развиваются, сохраняются и изменяются в повседневной практике. В них реализуются последствия различных репрезентаций реальности, так как любой человек не свободен от дискурсивного восприятия мира. При этом следует признать, что каждый дискурс ограничивает субъекта в его высказываниях определёнными стилистическими и прочими рамками.

Дискурсивное пространство может сужаться или расширяться, элиминировать или поглощая определённые территории и получая таким образом новые импульсы дискурсивной деятельности. Так, в результате церковного раскола на основе православного мезодис-

⁵ Возглас: Справочно-информационная газета. 2011. декабрь. № 18 (191).

курса в XVII в. сформировалось множество различных сектантских дискурсов. Соответственно с точки зрения онтологии, на наш взгляд, имеет смысл выделить религиозные *парадискурсы* — например, старообрядчество, являющееся по сути альтернативным дискурсом в рамках православия, но при этом генетически с православием связанным. Кстати, сегодня РПЦ сознательно сближает эти дискурсы, настаивая на *единоверии* (т.е. вера одна, и только некоторые внешние проявления этой веры несколько различаются), а значит, на совпадении всех базовых дискурсообразующих текстов и экстралингвистических элементов дискурсов РПЦ и старообрядчества.

Отчётливая генетическая связь (несмотря на все принципиальные различия) просматривается и между ветхозаветным и христианским дискурсами. Не будем забывать, что и иудаизм, и христианство — это *религии Писания*: они опираются на один и тот же корпус текстов, при этом ветхозаветный дискурс носит по отношению к христианскому первичный характер. Тексты Ветхого Завета, являвшиеся дискурсообразующими для иудаизма (наравне с другими корпусами текстов), были вычлнены из ветхозаветной религии и освоены христианством в совершенно ином религиозном дискурсе. Исходя из этого ветхозаветный дискурс по отношению к христианскому можно назвать *протодискурсом*, ибо христианство онтологически связано с иудаизмом: ведь ветхозаветная история явилась своеобразной платформой возникновения истории новозаветной, а ветхозаветные тексты получили своё развитие и переосмысление в текстах христианских.

Религиозный мегадискурс представляет собой сложную многоуровневую структуру, отражающую существенную часть разнонаправленной, динамичной духовной жизни общества. Глобально находясь в состоянии непрерывной конфронтации с дискурсом *атеистическим*, он одновременно осуществляет скрытую или явную экспансию по отношению к дискурсу *светскому*. Впрочем, и сам религиозный дискурс, испытывая активное и непрерывное влияние светского дискурса, уступает ему ряд позиций. В качестве иллюстрации можно рассмотреть трансформацию дискурса РПЦ, касающуюся как собственно лингвистических его элементов, так и поведенческих внутридискурсивных моделей и ментальных конструкций. Так, 27 июня 2011 г. на заседании Священного синода был утверждён текст «Молитвенного утешения родственников самоубийцы»⁶. Общеизвестно, что в Русской церкви «самовольный» уход из жизни рассматривался как тяжкий грех, поэтому самоубийц не отпевали в церкви, не хоронили в церковной ограде и не молились за них. Очевидно, что подобный отказ РПЦ от строгостей, свойственных ортодоксальной церкви, вызван вторжением

⁶ Официально молитва называется «Чин молитвенного утешения сродников живот свой самовольно скончавшего», подробнее см.: Нескучный сад. 2012. № 10 (81).

в религиозный дискурс системы светских общегуманитарных ценностей. Соответственно, сам текст молитвы о самоубийцах, будучи сформирован исключительно в рамках религиозного дискурса, демонстрирует латентное влияние иерархии этических приоритетов, принятых в дискурсе светском.

Комплексный анализ религиозного дискурса предполагает формирование определённой системы терминов, позволяющих описать *взаимоотношения разных дискурсов* в рамках общенационального языка. Для этой цели традиционно принято использовать понятия *доминантного* и *альтернативного* дискурсов. Однако многообразие видов религиозного дискурса, вступающих между собой в сложные и разнохарактерные отношения, требует более разветвлённой системы терминов. Так, рассматривая взаимодействие доминантного дискурса (в нашем случае дискурса РПЦ) с другими дискурсами, мы сочли необходимым выделить:

— *антагонистические дискурсы*, отношения которых базируются на неизменном и непримиримом противостоянии (в данном случае это дискурсы РПЦ и языческих верований или сектантские дискурсы, с которыми официальная Церковь неуклонно и последовательно борется);

— *конфликтующие дискурсы*, в отношениях между которыми есть видимые противоречия, но нет тотального неприятия (например, дискурсы РПЦ и протестантизма или католичества);

— *конкурирующие дискурсы*, между которыми существует очевидная конкуренция, но нет открытого конфликта (например, педагогический дискурс РПЦ и дискурс светского образования);

— *солидарные дискурсы*, отношения которых базируются на конструктивном взаимодействии и взаимовлиянии при полном отсутствии не только конфликта, но и конкуренции (например, дискурс РПЦ и бытовой, деловой или научный дискурсы), в результате чего образуются метадискурсы: соответственно, церковно-бытовой, церковно-деловой или религиозно-философский.

Если солидарные дискурсы демонстрируют более или менее органичное слияние разных социокультурных пространств, то конкурирующие и конфликтующие дискурсы претендуют на организацию одного и того же социокультурного пространства, поэтому неизбежно вступают в борьбу за господство на этой территории. В истории человечества в рамках религиозного мегадискурса, являющегося своего рода общей платформой для существования многих не столь обширных дискурсов, всегда осуществлялось непрерывное — то более, то менее напряжённое — противостояние между дискурсами разных уровней: монотеистическим и языческим, христианским и мусульманским или иудаистским, православным и католическим или протестантским, церковным и сектантским и т.д.

Но, строго говоря, противодействия существуют даже в рамках одного гомогенного дискурса: например, в религиозных мезодискурсах неизбежно возникают подчас непримиримые противоречия между дискурсами *веры* и *института Церкви*. Так, в истории христианства мы знаем немало примеров, когда интересы Церкви требовали определённой коррекции отношения к евангельским истинам, зафиксированным в Священном Писании, что нашло отражение во множестве церковных текстов. На русской почве своё текстовое воплощение эта конфронтация получила, например, в религиозном учении Л.Н. Толстого. Его публицистические высказывания отражают этическую систему ценностей, детерминированную приоритетами христианской морали, и создают особый вид христианского дискурса, альтернативность которого базируется во многом на смысловых несоответствиях и противоречиях между текстами евангельских заповедей и текстами, фиксирующими позицию официальной церкви в жизни общества.

В лингвистической философии стало уже общим местом утверждение, что мы получаем доступ к реальности посредством языка. Именно с помощью языка человек создаёт некие репрезентации действительности, способные не только отражать жизнь, но и конституировать ее. Любые явления действительности получают своё воплощение исключительно в дискурсе и в соответствии с его требованиями: т.е. одно и то же явление действительности репрезентируется в *разных* дискурсах с совершенно *разных* сторон и с помощью *разных* языковых средств. Очевидна историческая и культурная обусловленность способов понимания и репрезентации реальности. Дискурс — это отражённая в текстах и речи форма социального поведения, которая формирует особый мир. Каждый дискурс продуцирует определённый набор истин и систему ценностей и вырабатывает инструменты оценки и доказательств их истинности или ложности. В рамках определённого мировоззрения в дискурсе формируются и поведенческие алгоритмы, которые также подлежат постоянной проверке, оценке и корректировке. Поэтому любые трансформации дискурса — это трансформации социальной и ментальной сфер. Таким образом, конфронтация или, наоборот, солидарность дискурсов, их размежевание или слияние приводят к изменениям реальности, что немедленно находит своё отражение в текстах и речи [Йоргенсен, Филлипс, 2008].

Безусловно антагонистический характер носит противостояние двух глобальных мировоззренческих мегадискурсов — атеистического и религиозного⁷. Небезынтересно проследить динамику

⁷ Впрочем, в Советском Союзе декларативный атеизм сопровождался наличием латентной религиозности даже во властных структурах. Так, например, после смерти Л.И. Брежнева по всем храмам был разослан приказ поминать «новопреставленного раба Божьего Леонида».

взаимоотношений этих дискурсов в современной российской истории. Православный дискурс в дореволюционной России охватывал, определённым образом модифицируя, все сферы жизни: политику, армию, науку, литературу, искусство, производство, коммерцию, быт и т.д., а также пронизывал все государственные структуры — т.е. был отчетливо *доминирующим*. После революции ситуация кардинальным образом изменилась: в Советской России роль этого дискурса сознательно маргинализировалась, однако сам факт существования в стране института церкви предопределял наличие не только церковно-бытового, но и церковно-делового (внутрицерковная жизнь требовала определённого бюрократического оформления), церковно-производственного и церковно-коммерческого (необходимо было изготавливать утварь и облачения, продавать свечи и религиозные книги и т.д.), церковно-издательского (выпускались периодический «Вестник патриархии» и ежегодный «Православный календарь») и даже церковно-политического (ибо даже в советские времена Церковь периодически включалась в идеологическое противостояние Советского Союза с Западом, дабы продемонстрировать свою лояльность властям предрержащим) дискурсов в национальной языковой картине.

Сегодня ситуация вновь принципиально меняется — в российском современном обществе научная рациональность всё чаще оспаривается религиозным пониманием мира, а атеистический взгляд на происхождение мира и человека маргинализируется и вызывает неодобрение у значительной части общества, поэтому его декларирование постепенно становится неким вызовом (как в советские времена безусловным вызовом была декларация своих религиозных воззрений). Кроме того, следует заметить, что православный дискурс активно завоёвывает всё новые социальные территории и вторгается в новые для постреволюционной России сферы — например, в спортивный и армейский дискурсы, в дискурс развлечений и т.д.

Наряду с этим православный дискурс в современных условиях испытывает вторжение языческих ментальных схем. Влияние русского языческого дискурса на дискурс православный неоспоримо; оно существовало всегда — с момента принятия христианства на Руси. Но сегодня, когда религиозный дискурс активно вторгается в бытовую и в церковных обрядах принимает участие множество далёких от «правильной» церковной жизни людей (ибо в течение семи десятилетий влияние Церкви на поведенческие и ментальные модели представителей всех сословий российского общества сознательно минимизировалось), языческие элементы в православно-бытовом дискурсе многократно умножились. Стало почти нормой, когда при отпевании в церкви в гроб рядом с телом покойника кладут многочисленные атрибуты его земной жизни — украшения, мобильные телефоны, любимые предметы обихода и т.п., не говоря

уже об оставленных зажжённых сигаретах рядом с православными крестами на могилах заядлых курильщиков (подобную картину мы часто можем наблюдать на российских кладбищах). А это говорит о наличии множества экстралингвистических элементов языческого дискурса в составе христианского. И представители института Церкви как субъекты дискурса вынуждены с этим мириться (несмотря на последовательную и неуклонную борьбу Церкви со всеми проявлениями язычества), ибо языческие элементы органично вписаны в религиозную картину мира той части паствы, которая щедро жертвует на нужды Церкви. То есть реалии жизни инициируют православный дискурс на включение онтологически чуждых ему невербальных знаков. Таким образом, определённые социокультурные факторы, векторы развития и вызовы времени провоцируют разного рода трансформации доминантного религиозного дискурса. О том, что дискурс не может быть замкнутым или окончательно завершённым и неизбежно меняется в процессе контактирования с другими дискурсами, писали Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф [Laclau, Mouffe, 2001].

Использование языка — это социальный феномен, так как в социальном контексте закрепляются и изменяются структуры значений. Исходя из этого логично рассматривать дискурс как совокупность фиксированных значений в специфической сфере. Как справедливо было замечено, дело в том, что «наш способ общения отнюдь не нейтрально отражает мир, идентичности и социальные взаимоотношения. Напротив, наш способ общения играет активную роль в создании и изменении окружающего мира» [ibid, p. 18].

Именно в религиозном дискурсе становится как нельзя более очевидным, что идеи формируют материальную среду и что определённая система символов и значений, выработанная и устоявшаяся на огромном временном отрезке, мощно влияет на состояние общества. В рамках определённого религиозного мезодискурса язык структурирован в соответствии с рядом паттернов, обуславливающих всякое высказывание вне зависимости от мини-дискурса: делового, бытового, художественного и пр., в котором они реализуются. Анализ таких паттернов позволяет определить специфику дискурса, ареал его функционирования и т.д. Религиозный мезодискурс предполагает особый способ внутридискурсивного общения, особое понимание действительности и особый вид взаимодействия с окружающим миром.

Список литературы

- Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
- Fairclough N. Language and Power. Pearson ESL, 2001. 320 p.
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 2001. 240 p.

Д.В. Бердникова,

старший преподаватель кафедры английского языка факультета менеджмента НИУ Высшая школа экономики; e-mail: dberdnikova@hse.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТЕКСТЕ ОРИГИНАЛА АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В ТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

В статье предпринята попытка проанализировать концептуальное пространство текста оригинала баллады англо-шотландского цикла с точки зрения теории когнитивных и коммуникативных моделей художественного фольклорного поэтического текста оригинала и перевода. При анализе баллады рассмотрена проблема соотношения понятия «концептуальное пространство» с такими когнитивными структурами, как «ментальное (денотативное) пространство» и «фрейм». В работе перевод как процесс трансформации рассмотрен с позиций когнитивной транслятологии, где он определяется как когнитивная деятельность.

Ключевые слова: когнитивная деятельность, текст, когнитивная модель, коммуникативная модель перевода, картина мира, художественная картина мира, концептуальное пространство, англо-шотландская баллада.

Daria V. Berdnikova,

Senior Lecturer at the Department of the English language, Division of Management, Higher School of Economics (National Research University), Moscow, Russia; e-mail: dberdnikova@hse.ru

The Conceptual Space of the English Poetic Text and Its Representation in the Text of the Translation

The article deals with the notion of conceptual space which is examined through the example of an Anglo-Scottish folk text. This notion is discussed in terms of cognitive and communicative patterns which can be found in the source (authentic) and target texts. The interconnection and interrelation between “cognitive space” and such cognitive structures as “mental space” and “frameworks” are studied. Translation as a process is looked at from the point of view of the cognitive translation theory.

Key words: Cognitive activity, text, cognitive pattern, communicative model of translation, world image, world image in fiction, framework, conceptual, Anglo-Scottish ballad.

Современная концепция развития науки предусматривает особый взгляд на человека в языке и языка в человеке, реализуя тем самым актуальный на данный момент практически во всех сферах деятельности человека принцип антропоцентризма.

В современной лингвистической науке и переводоведении данный подход связан с тем, что «осмысление предшествующих концепций в логике, философии, лингвистике и других смежных дисциплинах позволяет декларировать формирование частной парадигмы новых научных знаний — когнитивной транслятологии (переводоведения), инкорпорирующей весь опыт развития переводческой мысли» [Фесенко, 2002, с. 3]. Это направление в теории перевода

характеризуется интерпретацией перевода как когнитивной деятельности человека в процессе своей жизнедеятельности. Согласно Е.С. Кубряковой, когнитивная деятельность (*cognitive activity*) представляет собой «“ухватывание” и установление смысла», который вслед за Г. Фреге рассматривается как «своеобразный когнитивный процесс установления когнитивной значимости языкового выражения, его информативности. Также это деятельность, в результате которой человек приходит к определённом решению и/или знанию, т.е. мыслительная деятельность, приводящая к пониманию (*интерпретации*) чего-либо» [Кубрякова, 1997, с. 47].

Процесс перевода неразрывно связан с пониманием и интерпретацией смыслов исходного текста, но, согласно Е.В. Бреусу, «современная теория перевода в качестве отправной точки исходит из того, что перевод, как и язык, является средством общения. Отсюда название этой теории — коммуникативная модель перевода» [Бреус, 2003, с. 7]. Н.К. Гарбовский соглашается с Е.В. Бреусом и считает, что «располагаясь в сфере коммуникации, переводчик оперирует смыслами, заключёнными в речевых произведениях (текстах). Перевод представляет собой операцию по расшифровке смыслов, извлечённых из сообщения, созданного средствами другого естественного языка» [Гарбовский, 2007, с. 211].

Сущность коммуникативной модели состоит в том, что есть отправитель (О), который порождает текст (Т), предназначенный для получателя (П). Переводчик в этом случае выступает в двойной роли: получателя (П1) и затем отправителя (О1) текста перевода (Т1) [Бреус, 2003, с. 7]. В это же время переработка информации как на этапе получения и понимания текста оригинала, так и при создании текста перевода имеет «когнитивный характер, поскольку трансформирующей инстанцией является когнитивная система человека» [Фесенко, 2002, с. 135]. Концептуализация как осмысление получаемой информации, определение образа цели и интенции автора, анализ социальных рамок высказывания и «коммуникативной среды» играет определяющую роль в реализации процесса перевода [там же]. Процесс концептуализации представляет собой часть когнитивной модели текста, которая в свою очередь является «моделью понимания текста как результата естественной обработки языковых данных» [Демьянков, 1996, с. 56—57].

С этой точки зрения, авторские сообщения (смысл) кодируются им в значения, и переводчик, выступающий, прежде всего, как получатель сообщения, осуществляет обратную операцию — переход от значения к смыслу, опираясь на языковые знаки, соотнося их с речевой ситуацией и с собственными знаниями (т.е. осуществляет концептуализацию). Затем происходит языковое перекодирование, на этом этапе осуществляется собственно перевод произведения.

Переводчик выступает уже в качестве отправителя сообщения, которое в виде цепочки языковых знаков поступает адресату, который вновь осуществляет переход от значения к смыслу [Клюканов, 1987, с. 21]. Р.И. Павилёнис рассматривает смысл «не как часть некоторой абстрактной “семантики сложившегося языка”, а как часть так называемых концептуальных систем носителей языка. Последние присущи отдельным субъектам познания и представляют собой системы информации, включающие знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире. Концептуальные системы кумулируют знания людей, приобретаемые в результате отражения ими окружающего мира, и накопленный человечеством опыт, фиксируемый в языке» [Павилёнис, 1983, с. 4].

Своё отражение концептуальные системы находят в картинах мира, создаваемых народом. Б.А. Серебренников отмечает, что «в картинах мира речь может идти о мире в целом (мифологическая, религиозная, философская) или о фрагменте мира (локальная картина мира: художественная, поэтическая, фольклорная)» [Серебренников, 1988, с. 13].

Художественная картина мира возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя при восприятии других произведений искусства). Она создаётся языковыми средствами, которые отражают индивидуальную картину мира в сознании автора текста. Она реализуется в тексте произведения при отборе элементов содержания художественного произведения: в отборе языковых средств (использование определённых тематических групп языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства) и в индивидуальном использовании образных средств (система тропов). При этом в художественной картине мира могут отражаться как авторское видение мира, так и особенности национальной картины мира, например, национальные символы и национально-специфические концепты. Из этого следует, что, художественная картина мира — вторичная картина мира, она опосредована языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира. В ней «представлен картинно-образный облик мира» [там же, с. 34].

Поэтическая, фольклорная и другие картины мира, создаваемые разнообразными жанрами искусства, составляют художественную картину мира и одновременно являются частными картинами мира. Они объединены наличием определённых черт: во-первых, они отражают авторское видение мира; во-вторых, для каждой области искусства существуют определённые каноны и ограничения, в рамках которых автор репрезентирует свой взгляд на мир. Для каждой из частных художественных картин мира существуют опреде-

лённые законы структуризации знания о внешнем мире, а главной их функцией является создание художественного образа мира.

Концепция поэтической картины мира включает определение позиции авторского «Я» как одного из центральных концептов поэтического творчества, способного структурировать вокруг себя ментальное пространство. В поэтическую картину мира входят описание уникальных черт и структурных единиц как результата специфических процессов концептуализации и категоризации; выявление особенностей, присущих только поэтической картине мира, описание художественного (поэтического) концепта как основной структурной единицы поэтической картины мира; выработка специальных классификаций и приёмов когнитивного анализа поэтического текста [Маслова, 2011, с. 153].

Поэтическая картина мира структурирует субъективную авторскую реальность, отражая взаимодействие между автором и окружающим миром. В поэтической картине мира получает концептуальное воплощение эстетически осмысленный экзистенциальный и эмоциональный субъективный опыт, структурными единицами которой являются поэтические концепты и собственно поэтические категории. «В поэтической картине мира синтезировано энциклопедическое знание, знание о языке, метапоэтическое знание, знание о поэтическом языке. Данные типы знания определяют когнитивные и языковые стратегии приведения систем “Я”, “МИР” в равновесие» [там же, с. 154].

Фольклорная картина мира отражает мировидение человека, которое базируется на мифологических представлениях и репрезентируется в вербальной форме — в виде текстов фольклорных произведений.

Как поэтическая, так и фольклорная картины мира, опосредованы языком и концептуальной, уже сложившимся в сознании народа системой представлений о мире, которая «служит универсальным ориентиром человеческой деятельности, определяющим общее течение всех процессов в обществе, всю его социокультурную жизнь» [Серебренников, 1988, с. 27].

У разных народов своё, отличное от других, образное представление мира, возникшее в процессе взаимодействия с окружающей средой. Условия окружающей среды сходны для всех народов, разные только представление и реализация этих представлений в языке. Вследствие этого для успешной коммуникации нужно произвести определённые трансформации, чтобы «образы» (когнитивный аспект) и слова (коммуникативный аспект) в одном языке стали понятны представителям другого языка.

В свете вышесказанного перевод как процесс объединяет в себе два типа функций: когнитивная и коммуникативная функции осу-

шествуются на разных уровнях речевой деятельности. В когнитивных операциях задействованы память, внутренний ментальный лексикон, восприятие и переработка информации. На базе этих процедур формируются и верифицируются смыслы, понятие переводчиком, в то время как коммуникативная функция будет реализовываться через передачу смыслов, заложенных в исходном тексте, в рамках определённых знаковых систем.

Когнитивная модель в сочетании с коммуникативной может быть представлена следующим образом: автор — смысл — значение — коммуникация — переводчик — значение — концептуализация — понимание смысла — перевыражение смысла — коммуникация — адресат — смысл.

Н.К. Гарбовский определяет художественный перевод как «искусство в узком смысле слова, т.е. деятельность, в основе которой лежит художественно-образная форма воспроизведения действительности», а сам перевод как «речевую деятельность» [Гарбовский, 2007, с. 350]. Перевод — это, прежде всего, процесс восприятия и понимания исходного текста. И только затем результат деятельности интерпретатора (речепорождение).

Художественный перевод требует от переводчика «художественно ориентированной интерпретации, которая наравне со смысловой интерпретацией (т.е. выявлением концептов, схем и т.д.) включает интерпретацию художественной идеи как сложного сцепления художественно оформленных понятий и когнитивных образов» [Фесенко, 2004, с. 117].

Объектом нашего исследования являются народные любовные баллады англо-шотландского цикла. Текст баллады, написанной на английском языке, сочетает сознательное и бессознательное. И хотя фольклорное произведение следует отнести к «одной из наиболее ранних форм сознательного художественного творчества» [Манерко, Папонова, 2004, с. 38], в поэтическом языке мы находим подчинённость нелинейной логике, ментальные стратегии которой создают своеобразие текста и стиль поэта. Для фольклорного произведения «характерны традиционность формы и характер выражения, передача определённым образом структурированной информации из поколения в поколение, сохранение сюжетов, образов, художественных средств в течение долгого времени. Эти черты обусловлены устойчивостью общественных форм жизни, быта и представлений...» [там же].

Текст любого, в том числе поэтического, произведения является отражением определённой концептуальной модели мира в сознании автора и, одновременно, проецирует объективную реальность его создателя. Переводчику важно обладать экстралингвистическими знаниями об историческом периоде, конкретных событиях,

чтобы понять встречающиеся в тексте скрытые смыслы, именно они становятся определяющими при выборе способа перевода. Перевод подобных текстов представляет, как нам кажется, двойную сложность для переводчика. Для достижения максимальной адекватности перевода переводчик должен руководствоваться именно той моделью, которая репрезентируется автором в произведении. Любое историческое или социальное свидетельство дополняет существующие представления. Подобный взгляд становится более всеобъемлющим, хотя он неизбежно ведёт к столкновению разнообразных «концептуальных пространств», обладающих «пространственным диапазоном» в сознании переводчика в процессе перевода [Манерко 2002, с. 401]. Благодаря «когнитивной деятельности, её результаты могут связываться с образованием системы смыслов (концептов), относящихся к информации относительно актуального или возможного положения вещей в мире — т.е. к тому, что индивид знает, предполагает, думает и/или воображает об объектах действительного и возможных миров и что входит в концептуальную систему человека» [Кубрякова, 1997, с. 54], являясь также «сгустками культуры в сознании человека» [Степанов, 2001, с. 43].

Несовпадающие «способы организации информации при описании аналогичных ситуаций успешно приравниваются, заменяются или интерпретируются в процессе перевода» [Хайруллин, 2009, с. 8], т.е. трансформируются. Н.К. Гарбовский отмечает, что «именно система смыслов, заключённая в формах исходного текста и осознанная переводчиком, и является истинным предметом трансформации» [Гарбовский, 2007, с. 363].

Среди баллад англо-шотландского цикла особо выделяется баллада о «Томасе Рифмоплёте», повествующая о встрече смертного человека с прекрасной Королевой Эльфов. Томас Стихотворец (Рифмоплёт, Рифмач) (*Thomas Rhymer, Thomas Rymour*) или Томас Лермонт (*Thomas Lermont*) был поэтом-прорицателем, который жил во второй половине XIII в. Он был родом из Эрсилдуна, который в настоящее время является Эрлстоуном (*Earlston*) — городом в графстве Бервикшир на юго-востоке Шотландии.

Существует несколько вариантов текста анализируемой баллады. Исследуемый текст баллады первоисточника (Торнский манускрипт) написан на северном диалекте английского языка. Дж. Мюррей отмечает, что Торнский манускрипт представляет оригинальный текст баллады “*Tomas of Ersseldowne*”, которая занимает 9 страниц манускрипта и расположена в две колонки по 36—40 строк в каждой (всего около 700—720 строк). Около 20 строк текста, существовавшие только в данном издании, были безвозвратно утеряны, так как первое печатное издание манускрипта относится к 1430—1440-м гг. Но в данном издании произведение претерпело меньше всего из-

менений по сравнению с другими манускриптами (Cotton & Cambridge MSS), также содержащими балладу “Thomas the rhymer” («Томас Рифмоплет») [Murray, 1895, p. lvi—lvii]. Следует заметить, что северный (Northern) диалект развился из нортумбрийского диалекта древнего английского языка [Арсеньева, 2000, с. 186]. А.И. Смирницкий указывает, что этот диалект «с XIV по XVI век... известен под названием шотландского — Lowland Scots», который в дальнейшем превращается в особый литературный язык инглис (Inglic) [Смирницкий, 2007, с. 63].

Баллада делится на три части (fyt или fytt). Первые две части представляют основной сюжет баллады, тогда как в последней — только текст пророчеств. Местами повествование ведётся от лица Томаса, хотя в основном оно ведётся от третьего лица. Многие исследователи-фольклористы считают, что этим Томас Раймер добивался большей достоверности и легендарности своего произведения и своей личности.

В анализируемом произведении мы можем наблюдать четыре концептуальных пространства: два из которых структурируют знание о реальном мире, а два других повествуют о событиях в ином мире.

Баллада начинается с описания реального пространства, где её главный герой Томас прогуливается в одиночестве одним прекрасным майским утром по Охотничьему берегу (*Huntly Banks*). Вот как звучит это описание:

*Als j me wente þis Endres daye,
Ffull faste in mynd makand my mone,
In a mery mornynge of Maye,
By Huntle bankkes my selfe allone*

Однажды я шёл в этот день,
полный печали в своём сознании
в весёлое майское утро
по берегу Хантли один, сам по себе
(перевод наш. — Д.Б.)

*I herde þe jays and þe throstelle
The mawys menyde of hir songs,
þe wodewale beryde als a belle,
That alle þe wode a-bowte me ronge.*

Я слышал сойку и дрозда;
дрозд горевал в своей песне;
жаворонок пел как колокольчик;
Так что весь лес вокруг меня звенел.

*Allonne in longynge thus als I lave,
Vndyre-nethe a semely tre*

Одинокий в тоске какой я лежал
под сенью пригожего дерева.

[Murray, 1875, p. 9]

Среднеанглийское слово *als* в этом отрывке соответствует **as** («так, таким образом») в современном английском языке, а *endris day* — **other day**, впервые упоминается в Коттонском манускрипте XVI в. Cott. MS *þis endir dai*. *Makkand* представляет герундий от ранне-среднеанглийского глагола *macian* (**make** — современный английский язык). Суффикс для образования герундия **-and** харак-

терен только для северного диалекта среднеанглийского языка (*North Middle English*). *Bankis*, где *s* обозначает множественное число, происходит от древнескандинавского *banki* (*Old Norse*) — «берег».

По тексту пригосее дерево, под которым лежит Томас, упоминается как Эйлдонское дерево (*Eldone tree*) или как Эйлдонская берёза (*Eildon Birk*). Этимологически слово *birch* О.Е. *beorc* (also the name of the rune for “b”), from P. Gmc. **berkjon* (O.S. *birka*, O.N. *börk*, Swed. *björk*, Du. *berk*, Ger. *Birke*), from PIE **bhergo* (cf. Ossetian *barz*, O.C.S. *breza*, Rus. *bereza*, Lith. *beržas*, Skt. *bhurjah*, L. *farnus*, *fraxinus* “mountain ash”), происходит от **bhereg-* to gleam, white — белый, мерцающий, сияющий [<http://www.etymonline.com>]. Берёза в кельтской традиции — «Владычица лесов». «В плодовой, заботливой, нежной и изящной серебряной берёзе наши далёкие пращурь видели воплощение женского начала» [Гиффорд, 2006, с. 10]. Для древних кельтов берёза — Древо начала — древо обновления, рождения, весны, а также символ юной любви.

В данном концептуальном пространстве чётко прослеживается отражение кельтского вертикального видения пространства, которое представлялось в виде священного дерева, символизирующего духовную энергию, жизнь и мудрость, и являлось воплощением сакрального Древа Жизни. Священное дерево и ритуалы, совершаемые в тени его кроны, давали новые жизненные силы, долголетие, способствовали духовному развитию. Это символ щедрости Земли. Древо Жизни пьёт своими корнями священные воды жизни из сердца Матери-Земли. Раскрывая ветви своей кроны в небесах, оно обеспечивает связь между всем сущим, соединяя Небо и Землю. Этот союз создаёт священное место духовной силы и мудрости, средоточие силы народа, источник магии. Около таких деревьев часто воздвигались стоячие камни и каменные кресты. Впоследствии на этих местах Силы часто строились христианские церкви.

Как мы видим, описание пространства реального мира не отличается тщательной лексической проработкой: это Эйлдонское дерево (*Eildon Tree*), «берег Хантли» (*Huntle bankkes*), описание леса и пения птиц, а также трава (поле). Центром этого локуса является Эйлдонское дерево, под которым лежит Томас, и через призму его взгляда мы видим всё вокруг. Вокруг него выстраивается всё пространство, представленное в виде образов природных объектов (рис. 1). Как замечает Л.А. Манерко, пространство, окружающее человека, накладывает определённый отпечаток на мировосприятие всего мира. Знание о пространстве составляет основу перцептуального опыта индивида и включает сенсорные, биологические, моторные и другие структуры. Понимание этой категории невозможно без целого ряда факторов, существующих в реальном мире и времени. [Манерко, 2008, с. 210]. Соответственно, такие фрей-

мовые структуры знания, «которые представляют собой ментальные репрезентации опыта и знаний человека и учитывают ценностно-ориентированную (прагматическую) логику создаваемой в речи единицы» [Манерко, 2002, с. 97], находят своё закрепление в номинативных комплексах. При этом действует критерий лингвистической релевантности словотворчества, диктуемого стратегией построения текста, который зависит от коммуникативных интенций автора и ситуации. От наполненности когнитивного (концептуального) пространства зависит качество интерпретации переводчиком содержательно-смысловой составляющей тестов.

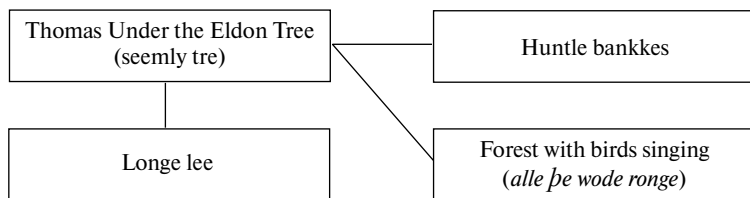

Рис. 1. Модель пространства реального мира (кельтская модель)

Томас лежал под Элдонским деревом в тоске, любясь прекрасным майским днём, который не доставлял ему никакой радости. Неожиданно он увидел прекрасную даму, которую сначала принял за Деву Марию, ехавшую верхом на серой лошади. Встреча Томаса с Королевой является поворотным пунктом, как в жизни главного героя, так и повествования, так как здесь появляется волшебная составляющая и начинает разворачиваться другое концептуальное пространство — модель пространства Иного мира.

[Saw] *I whare a lady gave*
[Came ridand] *ouer a longe lee.*

*Hir palfraye was a dappill grave,
Swylke one no saghe I neuer none;
Als dose þe sonne on someres daye,
þat faire lady hir selfe scho schone*

[Murray, 1875, p. 9]

Увидел Я откуда Дама прекрасная
Ехала верхом по длинной траве.

Её лошадь была серой в яблоках;
такого не видывал я никогда.
Как дюжина солнц в летний день,
эта прекрасная госпожа сияла.

В средневековой ирландской поэзии Марию точно отождествляли с Богиней поэзии Бригиттой, «ибо св. Бригитта, Дева в облике Музы, была известна в народе, как Мария Гэльская. Богиня Бригитта — это Триада: Бригитта поэзии, Бригитта целительства и Бригитта кузнечного дела. В гэльской Шотландии её символом был белый лебедь, и её знали как Невесту — Златовласку, Невесту с Белых Холмов» [Грейвз, 2007, с. 506].

Прототипом для Королевы Эльфов, следовательно, была не христианская Дева Мария, как могло показаться на первый взгляд,

а образ кельтской богини. Н.С. Широкова отмечает, что для ирландских саг характерны также сюжеты о попадании в Иной мир благодаря любви женщины из Иного мира к смертному мужчине. «Одной из самых привлекательных и таинственных тем ирландской мифологической литературы является любовь богинь или женщин из сида к смертным мужчинам, которых они уводят с собой [Широкова, 2004, с. 89].

Белая Богиня — прекрасная стройная женщина с крючковатым носом, смертельно бледным лицом, алыми губами, поразительной голубизны глазами и длинными светлыми волосами. Подлинная поэзия — это заклинание Белой Богини или Музы, Матери всего сущего, силы, издревле устрашающей и желанной, как паучиха или пчелиная матка, чьи объятия несут смерть [Грейвз, 2007, с. 503]. Этот образ, «двойственный, смертельный и влекущий, представляющий соединение влечения и смерти» [Смирницкая, 1992, с. 330], заключает своего рода уникальный кельтский мотив.

Сама Королева описывается следующими эпитетами: слово “fair” (*faire — fazer, faier, fei(e)r, vair, fare, fer* (early ME)) связана с древнеанглийским “fæger” — прекрасный о характере, красивый о внешности, также имеет значения светлокочий, со светлыми глазами и волосами. Форма “hirsself” (herself), характерная для среднеанглийского языка, эволюционировало от древнеанглийского “hire sylfre”. Буквосочетание “sch (sh)” было характерно для шотландского диалекта и встречается в таких словах, как среднеанглийское местоимение “scho” (she), образованное от древнеанглийских местоимений “sio, seo”. Плагольная форма “schane” (shone) функционировала в северном диалекте среднеанглийского языка с XIV по XVI в., что опять же косвенно является указателем временных рамок, в которые данный вариант баллады был записан.

Представляет интерес и следующее наблюдение Л.А. Манерко: предметное знание, отражающее картину мира в языке, оказывается связанным со знанием о лингвистических структурах, фиксируемых в тексте [Манерко, 2002, с. 400]. Основной концепт — «объект» — в системе событийного фрейма (сцены) предстаёт целостной сущностью, представляемой в виде определённой концептуальной информации.

В.И. Хайруллин указывает на то, что «при передаче культуральных факторов в переводе теста фреймовые терминалы либо заполняются теми же элементами, что и в исходном тексте, либо элементами той культуры, к которой принадлежит реципиент перевода. Во втором случае из культурного фонда для заполнения терминала выбираются те элементы, которые ближе всего находятся к элементам, указанным во фрейме исходного текста, т.е. в сознании

реципиента перевода они имеют минимальную культурную дистанцированность» [Хайруллин, 2009, с. 14]. По критерию концептуальной близости фреймы можно разделить на две группы: фреймы частичного совпадения и фреймы с нулевым соответствием (В.И. Хайруллин), которые отражают не только когнитивно-семантическую, но и культурную составляющую концептуальной модели в языке, что, соответственно, должно прослеживаться в тексте перевода.

Переход из мира реального, под Эйлдонской берёзой на Эйлдонском холме (*Eldon hill*), в мир Иной и фантастический (страна Эльфов) описывается как пространство крошечной тьмы с водой по колено, которую пришлось преодолевать Томасу три дня. *Where it was dirke als mydnyght myrke / And euer þe water till his knee*. Шум (журчание) воды сопровождал их на протяжении всего трёхдневного путешествия под землёй. *The montenans of days three / He herd bot swoghynge of flode*, где *montenans* (OF *montance*) — length of time, duration [MED] — протяжённость во времени, *bot* (OE *būtan*) *swoghynge* (OE *swōgan to sound*) — make a bubbling sound [MED] — журчать, о воде, море, реке, океане. «Мифопоэтически значимый акт переправы через водную преграду вводит героев в иное пространство» [Гуревич, 1978, с. 88].

Преодолев подземный туннель, Королева Эльфов приводит Томаса в прекрасный сад (*a faire herbere*). Относительно замкнутое пространство волшебного сада, как и в дальнейшем описание географического пространства и обстановки замкнутого пространства замка Королевы (*zone castelle gay*), которая ведёт Томаса за собой из одного локуса в другой, нечётко обрисованы, но могут быть охарактеризованы понятием «вместилище» [Лакофф, 1996]. Оба описания характеризуются наличием границ.

Понятие “вместилище” предполагает понятие границы, отделяющей внутреннюю часть от внешней. Оно связано с нашим телесным опытом: наши тела — вместилища, они могут быть нами осмыслены как что-то внутри нас и вне нас. Как отмечает Дж. Лакофф, подобное осмысление относится к небольшому числу обобщённых когнитивных процессов, применяемых для структурирования информации. В те области, где не обнаруживается доконцептуальных структур, вторгается естественно-языковая метафора. В тексте баллады мы наблюдаем описание, которые фиксирует данные о предполагаемом пространстве, где наблюдается обилие разнообразных объектов. В данном тексте Томас и Королева становятся центром восприятия со стороны стороннего наблюдателя, и это отражено в тексте перевода: повествование ведётся от третьего лица.

(a faire herbere)

*Scho lede hym in-till a faire herbere,
Whare frwte was g[ro]wan[d gret plentee]
Pere and appill, bathe ryppe bay were
The date, and als the damasee.
þe fygge, and also þe wyneberye,
The nyghtgales byggande on þair nests
þe papeioyes faste abowte gane flye,
And throstylls sange, wolde hafe no reste*

[Murray, 1875, p. 10]

Прекрасный сад

Она ввела его в прекрасный сад,
Где фруктов было великое множество,
Груши и яблоки, оба спелые они были,
пурпурные сливы, а также финики
и виноград.
Соловьи строили свои гнезда,
попугаи летали над ними,
дрозды пели без остановки.

Прекрасный сад, его обособленность и красочное описание, наталкивает на мысль о райском саде — Эдеме. Эдем (ивр. גֶּן־עֵדֶן, Gan Eden; араб. جنة عدن, Jannat 'Adn) — в Библии (книга Бытия) райский сад, — место первоначального обитания людей. Как подчёркивает известный религиовед Мирча Элиаде, слово «Эдем» израильтяне сближали с вокабулой e'den — «наслаждение». Но при этом в саду Томас, как и Иисус в Гефсиманском саду¹, терпит муки и искушения, когда, практически умирая от голода, не может вкусить ни одного прекрасного фрукта, так как в этом случае он станет вечным узником дьявола.

Кельтского понимания сада как сакрального места в данном описании нет, но есть характеристики предполагаемого святилища, которое соотносится с Гефсиманским садом. Существует галло-британское слово «неметон», используемое для названия храма или святилища, подразумевая под этим священную рощу или поляну в лесу. Слово это происходит от латинского «немус», означавшего первоначально (так же, как и «лукус») не столько лес, сколько лесок с поляной в нём или же саму эту поляну, окружённую рощей или каменной оградой с одной стороны. Слово это и идея, которую оно означало, существовало в староирландском как «немед» (святилище) и «фиднемед» (лесное святилище или священная роща)» [Пиготт, 2000].

Мы считаем, что здесь в тексте на поверхностном уровне представлена христианская картина мира, а в глубине скрыты кельтские представления. Прекрасный сад представляет отдельный

¹ Гефсимания (Gethsemani греч. Γεθσημανί; от ивр. גַּת שֶׁמֶן, gat shamaim; Hebrew gat, press, and semen, oil) араб. گت شمنا, gat shamna — букв. «масличный пресс») — местность у подножия западного склона Елеонской горы, в долине Кедрон, восточнее Старого города Иерусалима (в Восточном Иерусалиме), в Израиле. Гефсимания является местом, в котором Иисус Христос испытывал Агонию и был арестован евреями. Святой Марк (XIV, 32) называет это место хорион (chorion), “a place” or “estate” — «место». Св. Иоанн (XVIII, 1) именует это же kepos, «сад», или «фруктовый сад». С востока он обсажен многочисленными фруктовыми деревьями и окружён стеной камней и живой изгородью, которые образуют el bostan, т.е. «сад» [http://www.newadvent.org/cathen/06540a.htm].

и ключевой локус всего повествования и размещает внутри себя основные детали описания и место действия главных героев.

Посмотрим, как от сада главные герои оказываются у развилки дорог. Описание начинается с речи Королевы, которая указывает на то, что Томас увидит перед собой вдалеке. Он стоит перед выбором: какой путь ему следует выбрать.

Дорога (путь) на небеса

<i>Seese þou nowe zone faire wave, þat lygges ouer zuno heghe mountayne? Zone es þe wave to heuene for aye Whene synfull sawles are passed þer payne</i>	Видишь ты сейчас вон прекрасный путь (дорогу), который ведёт по той высокой горе? Это дорога на небеса (в Царствие Божие вечное), куда грешные души допускаются чрез боль и страдания.
--	---

Слово *heaven* (рай) происходит от *Old English heofon, heofen* — «небо, небесный свод». В среднеанглийский период слово стало одним из ключевых христианских религиозных понятий, обозначая «дом Бога» [OED], «обиталище, Царствие Бога» [MED]. Следует отметить, что слово *heaven* в среднеанглийском относилось не столько к христианскому пониманию рая, а как просто «обитель» любого языческого или христианского божества. В отличие от слова *paradise*, возникшее в XII в., имело первое значение «Сад Эдема», а второе — «рай» (“*The Christian heaven; (b) the Moslem heaven; also, the abode of the God of Love*” [MED]). *Paradise* имеет древнегерманское происхождение Old Fr. *Paradis* — «рай, сад Эдем» (XI с.) [OED]. Значение «сад», или «парк» прослеживается также в греческих и иранских источниках: *GK. Paradeisos “park, paradise, Garden of Edem”, from an Iranian source pairidaeza “enclosure, park”* [OED]. В христианском понимании небесный рай, в котором обитают души праведников, есть ближайшая к земле небесная обитель, или «первое небо»; за ним, выше, есть еще небеса (Откр. 6:9; 7:9; 4:4).

Дорога (путь) в Рай

<i>Seese þou nowe zone oper waye, þat lygges lawe by-nethe zone rysse? Zone (выделено нами. — Д.Б.) es þe waye þe sothe to saye, Vn-to þe joye of paradise</i>	Теперь видишь другую дорогу (путь), которая бежит вниз у подножия той возвышенности? Это дорога воистину к вечному веселью в Раю.
--	--

[Murray, 1875, p. 12]

Путь в чистилище указывает на необычное для христианской традиции расположение этого места. Интересно, что понятие о чистилище было, а в балладе само слово *purgatory* не использовалось, хотя появилось между 1160 и 1180 гг. в английском языке

и произошло от латинского *purgatorium*, появившегося впервые в проповедях св. Бернарда, игравшего важную роль в христианской жизни Великобритании (St. Bernard, early 12 c.). Но чистилище не как место, а как состояние «очищения после смерти» уходит корнями в период до рождения Христа, обозначая «отпевание и моление об усопшем». Такой обряд в иудаизме считается предтечей христианскому понятию «чистилище» [LeGoff, 1986, p. 66]. Факт того, что в балладе есть описание самого процесса очищения, но отсутствует христианский термин для него, косвенно указывает, что баллада возникла в период становления христианства на Британских островах.

*Seese þou nowe zone thirde waye,
 Þat ligges vndir zone grene playne?
 Zone (выделено нами. — Д.Б.)
 es þe waye, with tene and traye,
 Where synfull saulis suffirris þaire payne*
 [Murray, 1875, p.12]

Теперь видишь третью дорогу (путь), которая пролегает под *той* зелёной равниной? Это *та*, которую в адских муках преодолевают грешные души.

Дорога (путь) в Ад
*Bot seese þou nowe zone ferthe waye,
 Þat lygges ouer zone depe delle?
 Zone es þe waye, so waylawaye,
 Vn- to þe birnande fyre of helle*
 [Murray, 1875, p.12]

Вон видишь четвёртую дорогу (путь), которая проходит по дну *того* ущелья?
 Полна она скорби и печали и ведёт в испепеляющий огонь ада.

*Seese þou zitt zone faire castelle,
 Þat standis ouer zone (выделено нами. — Д.Б.) heghe hill?
 Of towne & towne, it beris þe belle;
 In erthe es none lyke it vn-till*
 [Murray, 1875, p. 13]

Видишь *там* прекрасный замок, стоящий на *том* высоком холме?
 В замке есть колокол, которого нет ни в одном городе.
 На всей земле не сыщешь такого замка.

Интересно отметить, что все дороги локализованы на одном определённом отрезке географического пространства, которое объединяет все описанные рельефы, которые находятся на довольно большом расстоянии от прекрасного сада с Томасом и Королевой. Об это свидетельствует присутствие в описании следующей лексемы: *zone* — [OE *geon* adj.; ср. OFris. *jena*, MDu. *gene, gone*] — pointing to a person, place, or thing: that... **over or up** (выделено нами. — Д.Б.) there, that; also, those... **over there**, those [Middle Eng.dic.], которая обозначает «тот, в дали, на расстоянии». Такая удалённость описания в ментальном пространстве говорит о восприятии, но не усвоении средневековым человеком представлений христианства (“Christianity”) с его составляющими — понятиями рая, ада, чистилища и небес.

Христианское восприятие и видение, которое символизирует путь человека с морально-религиозной точки зрения, так как содержит названия и прозрачные аллюзии на библейские сюжеты и мотивы. Оно должно включать три, а не четыре пути человека — это чистилище, рай или ад.

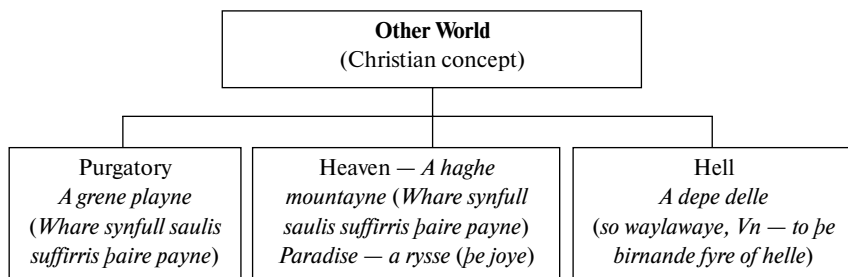

Рис. 2. Концептуальная модель открытого пространства внутри иного мира

Но концептуальная модель открытого пространства внутри иного мира соотнесена со всеми существующими в природе типами рельефа, объединяющим звеном, для которого служит концепт пути (дороги). Согласно А.А. Беляковой, в древнеанглийский период и период Средневековья, концепт «путешествие», включающий в себя основным компонентом «дорогу, путь», имел значение вертикального путешествия, которое, как мы считаем, являлось отражением кельтского представления о мире как о дереве, крона которого означала мир богов, а переплетение корней «мир загробный» [Белякова, 2005, с. 5]. Данная мысль находит своё отражение в материале нашего исследования, где небеса (heaven) и рай (paradise), располагаются на холме (наверху) загробного мира, а вот ад (hell) и чистилище (purgatory) внизу (ущелье, дорога у подножия холма). Мир «смертных» находится на поверхности земли и находится в зоне ствола кельтского Древа Мира и имеет возможность связывать эти миры между собой.

Хотя на поверку кельтский Иной Мир может напоминать христианский рай, но, согласно К.-Ж. Гюйонварх, он «не имеет почти ничего общего с христианским раем. Его обитатели ведут жизнь, полную радостей и наслаждений: они вкушают изысканную и изобильную пищу, их любят женщины необыкновенной красоты, все они принадлежат к одному и тому же высокому социальному рангу. Им неведомы ни *грехи* (понятие христианское), ни *преступления* (понятие дохристианское). Важной, однако, остаётся одна деталь: Иной Мир — это, разумеется, рай, но ни ада, ни чистилища в этой картине не предусмотрено. Наказание злодеев решается их отсутствием» [Гюйонварх, 2001, с. 123]

В то же время количество дорог (путей) тоже не случайно и имеет кельтское происхождение. Цифра «четыре» — это и четыре стороны света реального мира, и четыре времени года, и четыре «первоэлемента» (огонь, воздух, вода, земля), с которыми связано понятие кельтского креста. В Ирландии существует поверье, что кельтский крест появился на острове благодаря св. Патрику — миссионеру, обратившему Ирландию в христианство. Согласно ему кельтский крест — это объединение креста, символа христианства, и символа солнца, чтобы дать новообращённым в христианство из язычества идею о важности креста, связав его с идеей языческого солнечного божества [Бруссе, 2002, р. 172].

Другую точку зрения имеет А. Платов, согласно которому цифра четыре связана с кельтским крестом, который является «сакральной картой» и имеет совершенно чёткое отражение в кельтской мифологии, являясь отражением вполне конкретной мифологемы. Четыре внешние кардинальные точки — это четыре островных города, где обретают мудрость ирландские друиды; четыре башни волшебного замка Каэр Педриван, где хранятся сокровища Иного Мира в валлийской поэме “Preiddeu Annwfn”, приписываемой Талесину, четыре «внешних» сокровища Грааля и четыре «конца» Острова, где он хранится, в романе XIII в. *Historia Meriadoci* («История Мериадока»). Этот же роман даёт указание на пятый, центральный замок, в котором и находится алтарь Грааля [Платов, 2002, с. 381].

Соответственно, в данном отрывке текста баллады представлены две ярко выраженные модели, одна из которых имеет кельтское происхождение, в то время как вторая, также имея кельтские представления в основании, отражает попытку христианской обработки кельтской модели. К.Ж. Гюйонварх и Леру признают существование более древних, устных пратекстов репертуара ирландских средневековых филидов или валлийских бардов, которые явились наследниками «жреческого ордена» друидов [Гюйонварх, 2001, с. 5]. Относительная и нерегулярная христианизация ирландских текстов обеспечивала существование и сохранение их архаики в изначально устной форме. Каждая деталь в таком описании играет главную и символическую роль. Когда филиды, ответственные за передачу данных текстов, постепенно были обращены в христианство [там же, с. 15], они всё равно пытались сохранить определённые важные детали их родной кельтской культуры. В тексты, изначально звучавшие на кельтских диалектах, при записи обращёнными в христианство филидами вмешиваются христианские представления, но изначальные символы и детали сохранялись. Казалось бы, те представления, которые древнее по времени своего возникновения, должны были быть вытеснены более поздними наслоениями,

но этого не произошло. Обе модели гармонично вплелись в канву повествования и сделали пространство текста объёмнее и рельефнее. Перед кельтологами всегда стояла проблема реальности текстов в рукописях, созданных в монастырях и содержащих множество христианских интерполяций [Гюйонварх, 2001, с. 15]. Подтверждение этой мысли мы находим у А.Я. Гуревича, который считал, что «христианизация варваров в эпоху раннего Средневековья повсюду приводила к возникновению своеобразного сочетания в одном сознании старого с новым» [Гуревич, 2006, с. 115]. Хотя христианская религия у англосаксов оттеснила языческие представления из официальной сферы на второй план общественного сознания, на старые языческие верования напластовываются христианские представления [Гуревич, 2008, с. 9—11].

Далеко не всегда можно чётко выделить христианские и языческие элементы. Единство формы всей древнеанглийской поэзии и ускользающее от чётких жанровых определений многообразие её содержания — таковы проблемы, от понимания которых зависит и общий взгляд на сущность этой поэзии, и истолкование её отдельных памятников [Смирницкая, 1980, с. 183]. Христианизация, например, ирландских саг сказала «не столько в коренных заменах или прибавках к тексту, которые часто бывает трудно выделить, сколько в затушевывании слишком яркого языческого элемента» [Исландские саги, 1973, с. 551], который тем не менее оставался существенным в фольклорном повествовании.

Вследствие описанного мы наблюдаем явление, при котором поверх кельтской модели организации пространства надстроены (нанизаны) библейские концепты «ада», «рая», «чистилища» и «небес». Из этого следует, что казавшаяся исконно христианской при первом приближении, концептуальная модель пространства имеет кельтское происхождение. Модель пространства Иного мира имеет следующий вид: четыре точки в пространстве — ущелье, равнина, подножие горы, вершина горы и отдельный холм с замком Королевы, который является центром. Эта модель отражает, прежде всего, кельтское видение сакрального пространства (рис. 3).

Следующая часть повествования англо-шотландской баллады связана с замком Королевы (*zone castelle gay*), который олицетворяет вечную праздную жизнь.

*Harpe and fethill bothe þay fande,
Getterne, and als so þe sawtrye;
Lutte and rybybe bothe gangande,
And all manere of mynstralsye.*

Арфу и скрипку вынесли,
Геттерн, псалтирь;
Рибиб и лютя оба играли,
И все как менестрельство.

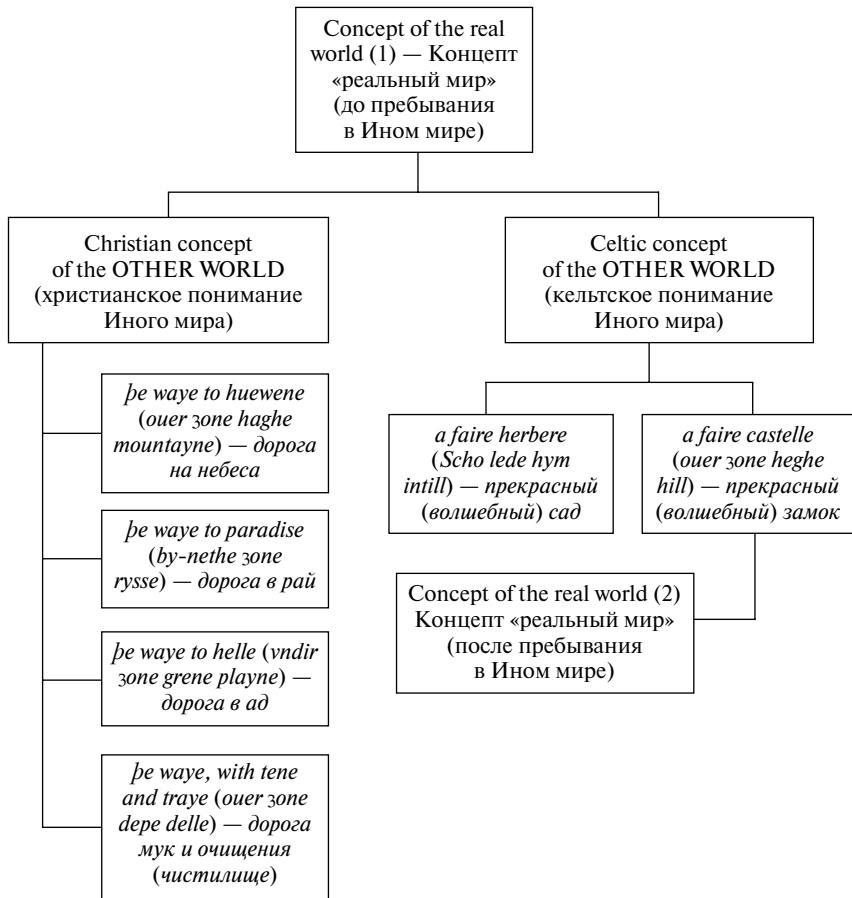

Рис. 3. Модель представления знания о реальном мире и ином

*De most meruelle þat Thomas thoghte,
Whene þat he stode appone the flore;
Ffor feftty hertis in were broghte,
þat were bothe grete and store.*

Был Томас весьма изумлён к тому ж,
Когда там стоял он на полу,
И полсотни оленьих туш внесли,
Громадных и жирных.

*Rashes lave lapande in þe blode,
Cokes come with dryssynge knyfe;
Thay brittened þame als þay were wode;
Reuelle amanges þame was full ryfe.*

Псы подлизали всю кровь внутри;
Пришли с ножами повара,
Разделали дичь как дикари.
Был славный пир для всего двора.

*Knyghtis dawnesede by three and three,
There was revelle, gamene and playe;
Lafly ladyes, faire and free,
That satte and sane one riche araye*

Рыцари по трое вышли в пляс,
Все пиршеству предались и игре;
Красавицы дивные, весёлые и
свободные,

[Murray, 1875, p. 14]

Пели, сидя на богатом ковре.

Описание пира, которому уделяется центральное место в описании жизни при дворе Короля и Королевы Эльфов, является древнеирландским представлением пира. Согласно древнеирландскому трактату VIII в. «Порядок правильного поведения» (*Córus Béscnai*), различались три типа пиров: божественный пир, человеческий и демонический [Бондаренко, 2007, с. 61]. В анализируемой балладе пир происходит не среди людей, и, согласно трактату, это похоже на пир демонический, но так как на нем подаётся много мясных яств, то это пир божественный.

Представление о мире эльфов как о пиршественной зале с неиссякаемым котлом бога Дагда и изобилием свинины — излюбленного мяса кельтов — имеет определённый «героический» оттенок. Ритуальное воспроизведение этой залы служило, по-видимому, «основой важнейших сезонных обрядов в *Bruiden* — помещениях для пиршественной залы» [Бондаренко, 2007, с. 62].

В анализируемой балладе замок и затем зал представляется как довольно большое, ограниченное пространство со своими границами, на это указывает предлог *in*, имеющий значение «внутри, внутри»: “*in she lede Thomas; Ffor fefty hertis in were broghte*”. На размеры пространства указывает наличие места, где происходит пир, располагаются музыканты, а также место, где находится большой ковёр, где сидит часть придворных гостей “*That satte and sane one riche araye*”.

Многочисленные музыкальные инструменты, рождающие прекрасную музыку, богатый пир, поразивший Томаса своим размахом, роскошное убранство замка, присутствие красивых, благородных дам и рыцарей говорит о важности этого места для автора средневекового текста. Внимание к деталям также указывает на особенность описания именно этого пространства — пространства иного мира. По кельтской традиции такие характеристики имеет лишь пространство, в котором обитают лишь Эльфы и благородные смертные, допущенные туда за выдающиеся заслуги. Дж. Маккалох отмечает, что Иной мир (Элизиум) — «это земля без печали и смерти, где есть бессмертная юность, покой и все виды радостей. Это земля богов, сверхъестественного народа, куда приглашают смертных за их заслуги» [Маккалох, 2004, с. 318].

Как мы видим, концептуальное пространство Иного мира связано с конкретными героями и местом действия (*place*) в Ином мире, локализованным в двух фреймах замкнутого пространства прекрасного сада и замка Королевы, которые организованы по сходным принципам. Главные героини являются центрами данных пространств, так как действия разворачиваются в повествовании по мере проникновения (прохождения) Королевы и Томаса. Пространство не меняется при появлении героев, оно вмещает главных героев. Для того, чтобы передать всю необычность и сказочность (волшебство)

Иного мира, выстраивается следующая модель: «кто (что) — какой (человеческое восприятие) — где» [Манерко, 2002, с. 401].

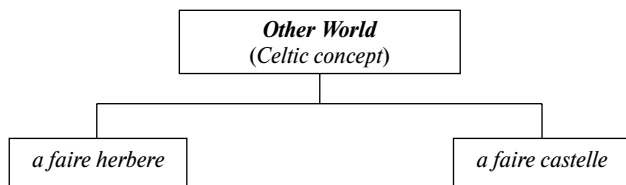

Рис. 4

Из приведённых результатов анализа мы можем выявить очевидное противопоставление фреймов замкнутого пространства и открытого пространства с точки зрения первостепенности в сознании и восприятии мира. Пространственная удалённость фреймов, относящихся к христианскому представлению Иного мира, позволяет заключить, что в среднеанглийский период кельтская концептуальная модель (картина мира) осталась базовой для текстов среднеанглийского периода, в то время как христианская концептуальная модель, хоть и находит своё отражение в текстах, не была усвоена и принята до конца.

Последняя часть баллады описывает реальный мир в тот момент, когда Томас вернулся. Сравнивая эти описания, можно заметить, что концептуальные пространства включают названия растительного и животного мира, где птицы прекрасно (*als a belle*) и неугомонно (*bothe nyght and days*) поют (*þe jays, þe throstelle, The mawys, þe wodewale, fowles synges*), а Элдонское дерево (*Eldone tree, a semely tre, grenewode sprays*) и травы (*a longe lee*) зеленеют по берегам Хантли (*Huntle bankkes*).

Описание реального мира до посещения Томасом Рифмоплетом Иного мира

1. *Als I me wente þis endres dare,
Ffull faste in mynd makand my mone,
In a mery mornynge of Maye,
By **Huntle bankkes** my selfe allone.*

2. *I herde þe jays and þe throstelle
The mawys menyde of hir songs,
þe wodewale beryde als a belle,
That alle þe wode a-bowte me ronge.*

3. *Allonne in longynge thus als I lave,
Vndyre-nethe a **semely tre**,
[Saw] I whare a lady gave
[Came ridand] ouer a **longe lee***

Описание реального мира после посещения Томасом Рифмоплетом Иного мира

1. *Scho broghte hym agayne to **Eldone tree**
Vndir-nethe þat **grenewode sprays**;
In **Huntlee bannkes** es mery to bee,
Whare fowles synges bothe nyght and days.*

После посещения Иного мира реальный мир остаётся неизменным, что указывает на цикличное построение повествования и подчёркивает, что образы действительности, описанные ранее по тексту баллады, являются базовыми и инвариантными для этого мотива. Единственная метаморфоза произошла с главным героем, который благодаря Королеве и посещению Иного мира превратился в прорицателя, т.е. получеловека-полуэльфа. Тот факт, что описание пространства реального мира не изменилось, позволяет выдвинуться на первый план повествования произошедшим с Томасом переменам, а также драматизму из-за вынужденного расставания с любимой.

Следует предположить, что кельтские традиции оставались и в момент создания баллады настолько сильными, что пришедшая христианская церковь не уничтожала эту культуру огнём и мечом, а просто переняла по-своему традиции кельтских язычников и даже активно использовала их себе во благо. Например, многие кельтские друиды и боги были канонизированы в христианстве (наиболее яркий пример — св. Бригитта). В результате на бывших кельтских землях создалась уникальная культура, представляющая собой сплав древних кельтских традиций и христианства (К.-Ж. Гюйонварх, 2001).

Мы рассматривали именно концептуальные пространства, касающиеся реального и Иного мира, так как данный текст имеет именно религиозно-обрядный мистический подтекст. Мы приходим к выводу, что описание концептуальных пространств в оригинале повествует о двух концептуальных моделях представлений, нашедших воплощение в языковой картине мира англо-шотландской баллады — кельтской и христианской. Переводчик оказывается на стыке не только двух культур, но и, что важнее, двух концептуальных картин. При этом одна из них находится «внутри» переводчика, в то время как, вторая — «вовне». Его задача воспринять и переработать чужую, т.е. ту картину, которая «вовне», и вербализировать авторские идеи через концептуальную картину «внутри». Именно вербализировать, так как переводчик не соавтор, а лишь интерпретатор. С этой точки зрения мы можем заключить, что переводу подвергаются не «вербальные формы, а стоящие за ними концепты», которые формируют и одновременно являются содержательной частью концептуальных систем.

Концептуальные пространства и кельтская и христианская модели структурируют пространство текста и позволяют правильно воспринять и осмыслить содержание произведений, что в свою очередь способствует подбору правильных (адекватных) средств и расстановке акцентов при переводе произведений. Так как исход-

ный текст является отражением определённой картины мира в сознании автора и одновременно является отражением объективной реальности со стороны автора, то для достижения максимальной адекватности перевода следует руководствоваться именно глубокой степенью проникновения в текст произведения-оригинала.

Список литературы

- Арсеньева М.Г. и др.* Введение в германскую филологию: Учебник для филологических факультетов / М.Г. Арсеньева, С.П. Балашов, В.П. Берков, Л.М. Соловьева. М.: ГИС, 2000. 314 с.
- Белякова А.А.* Восприятие концепта «путешествие» в динамике его становления в англоязычной культуре: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 181 с.
- Бондаренко Г.В.* Повседневная жизнь древних кельтов. М.: Молодая гвардия, 2007. 396 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Грейвз Р.* Белая Богиня: [историческая грамматика поэтической мифологии] / Пер. с англ. Л.И. Володарской. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 654 с.
- Гуревич А.Я.* Язычество христиан или христианство язычников // Избр. тр. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006.
- Гуревич А.Я.* Средневековый поэтический эпос германских народов. Беоульф. СПб.: ИД Азбука-Классика, 2008. 288 с.
- Гуйонварх К.-Ж.* Кельтская цивилизация / Пер. с фр. Г.В. Бондаренко, Ю.Н. Стефанова; Науч. ред. Г.В. Бондаренко. СПб.: Культурная инициатива, 2001. 271 с.
- Демьянков В.З., Кубрякова Е.С.* Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996.
- Демьянков В.З.* Понимание // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996.
- Исландские саги. Ирландский эпос / Сост., вступ. ст. и примеч. М.И. Стеблин-Каменского, А.А. Смирнова; Иллюстрации Рокуэлла Кента. М.: Художественная литература, 1973.*
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. 245 с.*
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988.
- Маслова Ж.Н.* Поэтическая картина мира и её репрезентация в языке: Дисс. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2011. 407 с.
- Маккалох Д.А.* Религия древних кельтов. М.: Центрполиграф, 2004. 334 с.
- Манерко Л.А.* Типы знаний, определяющие древнеанглийскую категорию пространства // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. тр. / Гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.

- Манерко Л.А.* Концептуальная модель пространственного дискурса // С любовью к языку: Сб науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. М.; Воронеж: Ин-т языкознания РАН; Воронеж. гос. ун-т, 2002.
- Манерко Л.А., Папонова В.В.* Исторические исследования в современном английском языке // Вестн. МГЛУ. Исторические исследования в современном английском языке. М.: МГЛУ, 2004.
- Пиготт С.* Друиды. Поэты, учёные, прорицатели, 2002. <http://www.bibliotekar.ru/druidy/index.htm>
- Платов А.В.* В поисках Святого Грааля: Король Артур и мистерии древних кельтов. М., 2002.
- Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов. Древнеанглийская поэзия. М., 1980.
- Смирницкий А.И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. С грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарём: Учеб. пособие для вузов. 4-е изд. М.: Академия, 2007. 204 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2001. С. 43.
- Фесенко Т.А.* Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учеб. пособие. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 228 с.
- Фесенко Т.А.* Вопросы когнитивной лингвистики / Гл. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. № 1. С. 112—123.
- Хайруллин В.И.* Перевод и фреймы: Учеб. пособие. М.: КД ЛИБРОКОМ, 2010. 144 с.
- Широкова Н.С.* Мифы кельтских народов. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004. 431 с.
- Derek Bryce.* Celtic Cross: Croes Celtaidd. Red Wheel, 2002. 172 p.
- LeGoff J.* The Birth of Purgatory. Trans. Arthur Goldhammer. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 366 p.
- Murray J.* The romance and Prophecies of Thomas of Erceldoun. London, 1875. 490 p.
- Wright J.* An Elementary Middle English Grammar. Oxford University Press, 1923. 215 p.
- Online *Middle English Dictionary*. <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>
- Online *Oxford Etymology Dictionary*. <http://www.etymonline.com>

Е.М. Мешкова,

доцент кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: yemeshkova@mail.ru

СРЕДСТВА ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ПОДЛИННИКЕ И ПЕРЕВОДЕ

В настоящей статье рассматривается проблема перевода средств вербальной агрессии. Данное явление встречается в текстах разных стилей и эпох, в текстах же художественных элементы речевой агрессии могут приобретать эстетическую значимость, и, как правило, они воспроизводятся в художественном переводе. Материалом исследования в данной статье послужили произведения У. Шекспира и их переводы на русский язык. Роль стилистически маркированных единиц, выражающих агрессию, в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта определяется категориями лингвопоэтической значимости и лингвопоэтической функции. В большинстве случаев данные элементы выполняют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. В статье вводится понятие лингвопоэтической эквивалентности, которая не тождественна эквивалентности стилистической.

Ключевые слова: вербальная (речевая) агрессия, стилистически маркированные языковые единицы, экспрессивная лингвопоэтическая функция, лингвопоэтическая эквивалентность.

Yelena M. Meshkova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of English, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: yemeshkova@mail.ru

Elements Expressing Verbal Aggression in Source and Target Texts

The article discusses the issue of translating elements of verbal aggression. The phenomenon of verbal aggression can be observed in texts belonging to different styles and epochs. In texts of verbal art the given phenomenon can be aesthetically relevant and is, as a rule, preserved in literary translation. Shakespeare's works and their translations into Russian have been chosen as a case study for the analysis. The role of stylistically marked linguistic units expressing aggression in conveying the artistic content and creating an aesthetic effect is determined by the categories of linguopoetic value and linguopoetic function. In most cases the elements of verbal aggression fulfill an expressive linguopoetic function. The article also introduces the notion of linguopoetic equivalence which is not identical to stylistic equivalence.

Key words: verbal aggression, stylistically marked linguistic units, expressive linguopoetic function, linguopoetic equivalence.

Проблема перевода средств вербальной агрессии, встречающихся в текстах различных функциональных стилей, недостаточно исследована в современной науке о переводе. Существует ошибочное мнение, что вербальная агрессия особенно распространена

в наше время. Однако речевая агрессия была всегда. Её элементы присутствуют и в фольклоре [см., в частности, Хейзинга, 2001, с. 203—212], и в скальдической поэзии (где наряду с хвалебными были и хулительные песни), и в античной комедии, в эпиграммах, в библейском тексте (в частности, в ряде псалмов). Данное явление распространено (наряду с другими, неагрессивными элементами функции воздействия) в словесно-художественном творчестве, в публицистике, а также встречается (по большей части в менее грубой форме) и в научных текстах, особенно в рассуждениях полемического характера. И, разумеется, вербальная агрессия наблюдается и наблюдалась всегда в речи обыденной.

В настоящей статье мы попытаемся на материале произведений У. Шекспира и их переводов на русский язык определить, насколько эффективно переводы отражают содержательные и языковые особенности подлинника, в частности, эстетически значимые средства речевой агрессии. Например, сопоставим отдельные отрезки, содержащие элементы речевой агрессии, из трагедии У. Шекспира «Гамлет» с их переводами на русский язык, выполненными М. Лозинским и Б. Пастернаком:

O, what a rogue and peasant slave am I!

 Yet I,
 A dull and muddy-mettled rascal, peak,
Like John-a-dreams, unpregnant of my cause,
 And say nothing...

 Why, what an ass am I! This is most brave,
 That I, the son of a dear father murder'd,
 Prompted to my revenge by heaven and hell,
 Must, like a whore, unpack my heart with words,
 And fall a-cursing, like a very drab,
A scullion!

Shakespeare W. Hamlet, Prince of Denmark // The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 687 (II, p. 2, 559, 576—579, 593—598).

О, что за <u>дрянь</u> я, что за <u>жалкий раб!</u>	Какой же я <u>холоп и негодяй!</u>
.....
А я, <u>Тупой и вялодушный дурень, мямлю,</u>	А я, <u>Тупой и жалкий выродок, слоняюсь</u>
<u>Как ротозей, своей же правде чуждый,</u>	<u>В сонливой лени и ни о себе</u>
И ничего сказать не в силах...	<u>Не заикнусь...</u>
.....

Ну и осёл же я! Как это славно,
Что я, сын умерщвленного отца,
Влекомый к мести небом и геенной,
Как шлюха, отвожу словами душу
И упражняюсь в ругани, как баба,
Как судомойка!

[Шекспир У. Гамлет: Трагедия / Пер. с англ. М. Лозинского. М.: Детская литература, 1982. С. 87]

Ну и осёл я, ничего сказать!
Я, сын отца убитого, на мшенье
Подвинутый из ада и с небес,
Как проститутка, изливаю душу
И громко сквернословью предаюсь,
Как судомойка!

[Шекспир В. Трагедии / Пер. с англ. Б. Пастернака. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 209—210]

Переводы Лозинского и Пастернака выдержаны в разных «стилистических ключах», что неоднократно подчёркивалось исследователями, в частности приведём цитату из М.Л. Гаспарова: «**Перевод** нужен отдельный не только для чтения и для сцены, но и для каждой постановки. Козинцев ставил не “Гамлета”, а пастернаковский перевод: ставить под его кадры перевод Лозинского невозможно» [Гаспаров, 2012, с. 47—48]. Как пишет А.В. Федоров, «наиболее выраженной тенденцией Лозинского была склонность к архаизмам и к “повышению стиля” в переводе» [Федоров, 1983, с. 327].

По результатам лингвопоэтической стратификации шекспировского оригинала «Гамлета», проведённой А.А. Липгартом, приведённый выше отрывок относится к стратуму «стихотворных монологов “смешанного типа” (т.е. содержащих повествовательные и неповествовательные части. — *Е.М.*), встречающихся только в речи Гамлета и характеризующихся предельной актуализацией потенциальных свойств языковых единиц» [Липгарт, 1997, с. 150—151]. Подчёркнутые стилистически маркированные языковые единицы, выражающие агрессию, реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию, отражая крайнюю степень недовольства Гамлета самим собой.

В переводах М. Лозинского и Б. Пастернака также используются элементы речевой агрессии в той же функции (экспрессивной), способствующие адекватной передаче идейно-художественного содержания и эстетического эффекта оригинала, хотя в целом текст Лозинского имеет более возвышенное, а текст Пастернака — чуть более сниженное, разговорное звучание. Таким образом, оба перевода данного отрывка в целом можно охарактеризовать как лингвопоэтически эквивалентные, несмотря на различия в стилистической окраске отдельных языковых единиц («вялoduшный дурень» — «жалкий выродок», «мямлю, / Как ротозей, своей же правде чуждый / И ничего сказать не в силах» — «слоняюсь /

В сонливой лени и ни о себе / Не заикнусь», «Ну и осёл же я!» — «Ну и осёл я, нечего сказать!», «сын умерщвлённого отца» — «сын отца убитого»). В свою очередь, это позволяет сделать предположение о том, что лингвопоэтическая эквивалентность и стилистическая эквивалентность нетождественны.

В разговоре Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном из второй сцены II акта также присутствуют элементы агрессии, но здесь они проявляются главным образом в игре слов, и только в последней из цитируемых реплик встречается негативно окрашенное существительное “strumpet” («проститутка» [Schmidt, 1971, с. 1141]). Гамлет фактически издевается над Розенкранцем и Гильденстерном, иронически обыгрывая стилистически маркированные реплики Гильденстерна:

Hamlet.

My excellent good friends! How dost thou, Guildenstern? Ah, Rosencrantz! Good lads, how do ye both?

Rosencrantz.

As the indifferent children of the earth.

Guildenstern.

Happy, in that we are not overhappy;

On Fortune's cap we are not the very button.

Hamlet.

Nor soles of her shoe?

Rosencrantz.

Neither, my lord.

Hamlet.

Then you live about her waist, or in the middle of her favours?

Guildenstern.

Faith, her privates we.

Hamlet.

In the secret parts of Fortune? O, most true, she is a strumpet. <...>

[*Shakespeare W.* Hamlet, Prince of Denmark // The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 683 (II, p. 2, 226—238)]

Казалось бы, стилистически маркированные элементы “on Fortune's cap we are not the very button”, “soles of her shoes”, “live about her waist, or in the middle of her favours”, “her privates we”, “in the secret parts of Fortune”, “she is a strumpet” актуализированы и в повествовательном контексте отрывка реализуют гномическую лингвопоэтическую функцию, способствуя возникновению отвлечённого плана «удача — проститутка», однако на самом деле мы

имеем дело с мнимой актуализацией¹ [Липгарт, 1997, с. 70—71, 85—86], поскольку в данном эпизоде главным с содержательной точки зрения является не рассуждение об удаче, но желание Гамлета, обыгрывая содержание реплик своих бывших товарищей, позиздеваться над ними. Поэтому данные элементы функции воздействия фактически реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию.

Как и в оригинале, в обоих переводах (М. Лозинского и Б. Пастернака) стилистически маркированные элементы здесь выполняют экспрессивную функцию, и издевательства Гамлета над собеседниками переданы в общем адекватно, несмотря на то что слово “strumpet” в обоих переводах несколько смягчено («особа непотребная» у М. Лозинского и «баба бывалая» у Б. Пастернака). Отметим, что хотя элементы речевой агрессии, реализующие экспрессивную функцию, находят отражение в тексте Пастернака, в тех случаях, когда у Шекспира встречается сложная образность (например, в сонетах), Пастернаку свойственно отступать от оригинала [Эткинд]. В целом же, с лингвопоэтической точки зрения, т.е. говоря о роли стилистически маркированных элементов речевой агрессии в передаче идейно-художественного содержания, можно сказать, что оба перевода этого эпизода трагедии соответствуют шекспировскому оригиналу. На наш взгляд, различия в стилистических и смысловых оттенках в данном случае принципиальной роли не играют:

Гамлет.

Милейшие друзья мои! Как поживаешь, Гильденстерн? — А, Розенкранц? Ребята, как вы живете оба?

Розенкранц.

Как безразличные сыны земли.

Гильденстерн.

Уж тем блаженно, что не сверхблаженно;

На колпачке Фортуны мы не шишка.

Гамлет.

Но и не подошвы её башмаков?

Розенкранц.

Ни то ни другое, принц.

Гамлет.

Так вы живёте около её пояса или в средоточии её милостей?

Гильденстерн.

Право же, мы занимаем у неё скромное место.

¹ Актуализация предполагает, что стилистически маркированная языковая единица развивает определённые связи с другими стилистически маркированными языковыми единицами в контексте. В результате данная единица реализует ассоциативную или гномическую лингвопоэтическую функцию, способствуя развитию ассоциативного плана (отвлечённого идейно-художественного содержания) на ту или иную тему, помимо усиления коннотативности высказывания, характерного для экспрессивной лингвопоэтической функции [см. Липгарт, 2006, с. 21—24].

Гамлет.

В укромных частях Фортуны? О, конечно; это особа
непотребная. <...>

[*Шекспир У.* Гамлет: Трагедия / Пер. с англ. М. Лозинского. М.: Детская литература, 1982. С. 74]

Гамлет.

Ба, милые друзья! Ты, Гильденстерн?
Ты, Розенкранц? Ну как дела, ребята?

Розенкранц.

Как у любого из сынов земли.

Гильденстерн.

По счастью, наше счастье не чрезмерно.

Мы не верхи на колпаке Фортуны.

Гамлет.

Но также не низы её подошв?

Розенкранц.

Ни то ни это, принц.

Гамлет.

Значит, вы где-то на полдороге к талии
или в самой сердцевине её милостей.

Гильденстерн.

Вот-вот. Там мы люди свои.

Гамлет.

В тайниках Фортуны? Охотно верю. Это
баба бывалая. <...>

[*Шекспир В.* Трагедии / Пер. с англ. Б. Пастернака. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 199—200]

В «Укрощении строптивой» к грубой брани прибегает Петруччо, причём использует ругательства демонстративно в воспитательных целях (чтобы отучить Катарину говорить дерзости). Получается пародия на бранящегося человека:

Petruchio.

Where be these knaves? What, no man at door
To hold my stirrup nor to take my horse! <...>

You logger-headed and unpolished grooms!

What, no attendance? no regard? no duty? —

Where is the foolish knave I sent before? <...>

You peasant swain! You whoreson malt-horse
drudge!

Did I not bid thee meet me in the park,

And bring along these rascal knaves with thee?

[*Shakespeare W.* The Taming of the Shrew // The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions Ltd, 1994. P. 347 (IV, p. 1, 113—114, 118—120, 122—124)]

В целом эти реплики Петруччо можно отнести к «поэтическим отрывкам повествовательного типа», образующим «сюжетный» стратум данной пьесы [Шмуль, 2001, с. 60—61]. Стилистически маркированные грубо-агрессивные слова в репликах наигранно бранящегося Петруччо автоматизированы и реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию (об автоматизации речеупотребления и реализации экспрессивной функции стилистически маркированными единицами в ситуации перебранки [см.: Липгарт, 1997, с. 65—66, 84]). Эту же функцию выполняют и соответствующие эквиваленты в обоих переводах:

Петруччо.

Где эти олухи? Никто не встретит,
Коня не примут, стремя не подержат! <...>
Мужланы неотёсанные, плуты!
Ни рвения, ни заботы, ни старанья!
Где тот болван, кого вперёд я выслал? <...>
Ах ты растяпа, сукин сын, прохвост!
Ведь я тебе велел встречать нас в парке
И этих всех мерзавцев привести.

[Шекспир У. Укрощение строптивой // У. Шекспир. Полн. соб. соч.: В 8 т. / Пер. с англ. П. Мелковой. М.: Искусство, 1958. Т. 2. С. 253]

Петруччо.

Где ж эти черти? Ни души в воротах.
Ни стремя подержать, ни взять коней! <...>
Вот неотёсанные-то болваны!
Как! Ни внимательности, ни старанья?
Где тот дурак, вперёд что послан был? <...>
Вы деревенщина, тупой поганец!
Не в парке ли наказывал я встретить
И взять с собою всех этих бродяг?

[Шекспир У. Укрощение строптивой / У. Шекспир. Полн. собр. соч.: В 1 т. / Пер. с англ. М. Кузмина. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008. С. 208]

В переводе П. Мелковой наигранная речевая агрессия Петруччо передана вполне точно; в переводе же М. Кузмина наблюдается некоторое смягчение (или «олитературирование») грубости, но всё же отрицательно-коннотативная лексика присутствует и в этом переводе. Как и в предыдущих примерах, мы наблюдаем соответствие переводов оригиналу в общем характере использования стилистически маркированных единиц, выражающих агрессию, обусловленном особенностями идейно-художественного содержания. Иными словами, и в данном случае имеет место адекватная передача линг-

вопоэтически релевантных особенностей подлинника, несмотря на различия в стилистической окраске отдельных языковых единиц.

Проблема речевой агрессии привлекает внимание как учёных, так и публицистов, о чём свидетельствуют многочисленные статьи на эту тему. Как правило, пишут об агрессии в речи детей и подростков [см. Янушевский; Щербинина, 2001; Щербинина, 2012, с. 252—274]. Другая «наболевшая» проблема — речевая агрессия в средствах массовой информации [Власова; Новикова; Енина; Трошева; Щербинина, 2012, с. 144—151, 181—191, 328—341]. Ю.В. Щербинина предлагает следующее определение речевой агрессии: «речевая (вербальная, словесная) агрессия — проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой для данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме». В то же время речевая агрессия необязательно связана с использованием стилистически маркированных слов, обозначающих агрессию, поскольку «квалифицировать высказывание как выражающее агрессию возможно лишь с учётом целого комплекса обстоятельств общения». С другой стороны, использование языковых единиц, выражающих агрессию, может быть всего лишь имитацией агрессии, в том числе словесной игрой, когда «агрессия не проявляется, а копируется» (в нашем примере это были реплики Петруччо). Средства речевой агрессии, в частности инвективы (словесные оскорбления, например ругательства, включая нецензурную лексику), могут использоваться и без намерения нанести оскорбление собеседнику: «В бытовом общении инвективные высказывания часто возникают без агрессивной подоплеки и даже почти неосознанно — для усиления эмоциональности речи, для связи слов и заполнения пауз или просто “по привычке”. Всё это, безусловно, демонстрирует низкий уровень культуры говорящего, бедность словарного запаса, коммуникативное бессилие, неумение выражать свои мысли литературным языком — но не агрессию!» Употребление ругательств может быть обусловлено желанием продемонстрировать «псевдовзрослость», самоутвердиться, привлечь внимание и т.п. [Щербинина, 2012, с. 13, 58, 111, 119—121]. Речевая агрессия может быть вызвана и высоким психологическим напряжением, в таких случаях говорят о «стрессовой инвективе». Стрессовые инвективы рассматриваются в психологии как «элементы рефлекторного (а не интеллектуального) поведения», которое не планируется и не прогнозируется заранее.

Проблема перевода эмотивной, в том числе и выражающей агрессию, лексики в художественных текстах освещалась, в частности, в работе Е.В. Стрельницкой. Из лексических средств выражения эмотивности внимание автора привлекают главным образом

фразовые глаголы (к которым она, в частности, относит такие лексические единицы, как “to wear away [from each other]”, “to frighten [somebody] into inactivity”) и авторские неологизмы (например, “to unmartyr”, “fattist” [по аналогии с “sexist”]), использованные в произведениях англоязычных авторов художественных текстов второй половины XX — начала XXI в. В русских переводах эти элементы, как правило, требуют расширенного, детализированного перевода. Стрельницкая также рассматривает и средства экспрессивного синтаксиса английского и русского языков, использованные в анализируемом ею материале [Стрельницкая, 2010, с. 11—17, 24].

Поиск иноязычных эквивалентов средств вербальной агрессии, использованных в художественном тексте, имеет прямое отношение к проблеме переводческой эквивалентности вообще. Известно, что В.Н. Комиссаров определял перевод как эквивалентный, если в нём отражена «цель коммуникации» [Комиссаров, 2007, с. 61—62, 67—68]. В произведениях речи различной функционально-стилистической направленности «цель коммуникации» — то, ради чего создаётся текст, — будет различной. В частности, в произведении словесно-художественного творчества «целью коммуникации» будет передача идейно-художественного содержания и создание определённого эстетического эффекта. Идейно-художественное содержание может передаваться как с помощью содержательных (сюжетно-композиционных), так и языковых средств (под последними имеются в виду стилистически маркированные единицы) [в этой связи см.: Липгарт, 2006, с. 64—74]. И если переводчик ставит перед собой — и успешно выполняет — задачу отразить в переводе не только содержательные, но и лингвопоэтические особенности подлинника, можно говорить об эквивалентности на лингвопоэтическом уровне.

А.Д. Швейцер и В.Н. Комиссаров писали о различные типах эквивалентности. В частности, А.Д. Швейцер приводит среди прочих классификацию видов эквивалентности по В. Коллеру, в которой различаются следующие виды: денотативная эквивалентность, подразумевающая «инвариантность плана содержания»; коннотативная эквивалентность, также именуемая стилистической и предполагающая передачу в переводе коннотаций оригинального текста; текстуально-нормативная эквивалентность, «ориентированная на жанровые признаки текста» и также соотносимая со стилистической эквивалентностью; прагматическая, или коммуникативная, эквивалентность, «предусматривающая определённую установку на получателя»; формальная эквивалентность, связанная с передачей формально-языковых особенностей оригинала [см. Швейцер, 2009, с. 76—92; Комиссаров, 2007, с. 59—97].

Относительно переводов художественных текстов, в передаче идейно-художественного содержания которых значительную роль играют стилистически маркированные языковые единицы, — нам представляется целесообразным выделить особый вид эквивалентности, лингвопоэтическую эквивалентность. О лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу можно говорить в том случае, если перевод и оригинал передают сходное идейно-художественное содержание, производят в целом сходный эстетический эффект и в переводе при этом воспроизводится общий характер использования стилистически маркированных единиц, наблюдаемый в оригинале, несмотря на возможные (а часто неизбежные) различия в лексическом составе, грамматической структуре и стилистических оттенках. И поскольку переводы одного и того же текста, выполненные в разном «стилистическом ключе», могут на уровне лингвопоэтическом оказаться в целом эквивалентными оригиналу, можно предположить, что лингвопоэтическая эквивалентность не тождественна стилистической эквивалентности.

Лингвопоэтическая эквивалентность соотносима с коммуникативной эквивалентностью, в понимании В.Н. Комиссарова, поскольку «цель коммуникации», иными словами — цель создания художественного произведения заключается в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта, и данная цель может осуществляться не только при помощи сюжетно-композиционных средств, но и путём реализации семантического и метасемиотического потенциала языковых единиц. В отношении лингвопоэтически неоднородных текстов, т.е. таких, для которых характерно чередование либо различных тематико-стилистических пластов, либо повествовательных типов и их лингвопоэтических разновидностей (о повествовательных типах и их лингвопоэтических разновидностях см.: [Карпова, 2009, с. 11—12]), лингвопоэтическая эквивалентность устанавливается на уровне соответствия перевода оригиналу в плане воспроизведения лингвопоэтической неоднородности текста [Мешкова, 2012]. Проблема воспроизведения тематико-стилистической неоднородности в переводе изучалась в работе А.А. Липгарта о переводах произведений А.С. Пушкина на английский язык [Липгарт, 2010]. Автором же настоящей статьи было принято решение рассматривать эквивалентность перевода оригиналу на этом уровне как лингвопоэтическую эквивалентность.

В заключение отметим, что рассматриваемая проблема выражения вербальной агрессии в переводе представляется на данном этапе развития переводоведения недостаточно изученной. В связи с повышением агрессивности в современном обществе, в повседневной жизни, в средствах массовой информации данная проблема

требует особого внимания исследователей. В настоящей работе было показано, как проблема перевода средств речевой агрессии решалась в переводах художественных текстов, в частности отдельных шекспировских текстов. Роль стилистически маркированных единиц, выражающих агрессию, в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта определяется категориями лингвопоэтической значимости и лингвопоэтической функции. В большинстве случаев данные элементы выполняют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Адекватная передача эстетически значимых элементов речевой агрессии подлинника рассматривалась нами как частный случай проявления лингвопоэтической эквивалентности.

Список литературы

- Власова Е.В.* Речевая агрессия в печатных СМИ: на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 388 с.
- Енина Л.* Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации. http://www.tolerance.ru/biblio/dzyalosh-1/multi/2_enina.html (дата обращения: 11.06.2012).
- Карпова Л.С.* Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э. Спенсера, С. Дэниела, У. Шекспира): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.
- Лингарт А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина. <http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/display.php?file=books/lipgart.html> (дата обращения: 13.01.2010).
- Лингарт А.А.* Основы лингвопоэтики. 2-е изд. М.: КомКнига / URSS, 2006. 168 с.
- Лингарт А.А.* Методы лингвопоэтического исследования. М.: Московский лицей, 1997. 220 с.
- Мешкова Е.М.* Сопоставление сонетов Шекспира в оригинале и в переводе Маршака в плане реализации повествовательных типов и лингвопоэтических разновидностей // Мат-лы Фёдоровских чтений 2012 года. СПбГУ (в печати).
- Новикова Т.В.* Речевая агрессия в журналистских текстах как отражение интолерантности. <http://www.relga.ru/Environ/webObject/tgu-www.wok/wa/Main?textid=885&level1> (дата обращения: 13.06.2012).
- Стрельницкая Е.В.* Эмотивность и перевод: особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 27 с.
- Трошева Т.Б.* Речевая агрессия. http://russo.com.ua/stilisticheskiy_entsiklopedicheskiy_slovar/page/recheyaya_agressi (дата обращения: 11.06.2012).

- Фёдоров А.В.* Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л.: Советский писатель, 1983. 352 с.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий / Пер. с нидерл. В.В. Ошиса. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 352 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / Отв. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: КД ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.
- Шмуль И.А.* Лингвопоэтическая стратификация художественных текстов и изучение индивидуального авторского стиля (на материале произведений Шекспира): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 136 с.
- Щербинина Ю.В.* Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 400 с.
- Щербинина Ю.В.* Вербальная агрессия в школьной речевой среде: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2001. <http://31f.ru/dissertation/534-dissertaciya-verbalnaya-agressiya-v-shkolnoj-rechevoj-s> (дата обращения: 13.06.2012).
- Эткинд Е.Г.* Об условно-поэтическом и индивидуальном (Сонеты Шекспира в русских переводах). http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_etkind.txt (дата обращения: 29.03.2012).
- Янушевский В.* Речевая защита и речевая агрессия подростков // http://www.mybloginfo.ru/view_post.php/id=237 (дата обращения: 11.06.2012).
- Schmidt A.* Shakespeare Lexicon and Quotation Dictionary. Berlin; N.Y., 1971. Vol. 1—2.

Е.Н. Мошонкина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Астраханского государственного университета; e-mail: elena_mch@rambler.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» В XIX В. В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ: ПОПЫТКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье анализируются важнейшие черты сходства и несходства русской и французской переводческих рецепций поэмы, а также точки их пересечения и взаимовлияния. Если ориентироваться только на количество переводов, может сложиться впечатление, что интерес к «Божественной комедии» во Франции в XIX в. был намного более выраженным, интенсивным и продолжительным, чем в России. Однако интенсивность переводческой рецепции не всегда означает её высокое качество. С другой стороны, ретроспективно трудно оценить русскую переводческую рецепцию «Комедии» как однонаправленный процесс, характеризующийся всё более глубоким постижением текста-источника.

Ключевые слова: «Божественная комедия», рецепция, стилистика, история переводов, переводческие стратегии, сопоставительный анализ.

Yelena N. Moshonkina,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romance Philology, Astrakhan State University, Russia; e-mail: elena_mch@rambler.ru

Translator's Reception of *The Divine Comedy* in the 19th Century Russia and France: An Attempt of a Comparative Analysis

The article analyzes the most important points of similarity and dissimilarity between Russian and French receptions of Dante Alighieri's *The Divine Comedy* in the 19th century, as well as the cases of interference between these receptions. Judging only by the number of translations, one may have an impression that in France the interest in *The Divine Comedy* was much more explicit, intense and long-lasting than in Russia. Intensity, however, does not always imply good quality. At the same time it is difficult to evaluate the Russian reception of this poem as a unidirectional process characterized by an increasingly deep comprehension of the source text.

Key words: *The Divine Comedy*, reception, stylistics, history of translations, translator's strategies, comparative analysis.

1.0. Если ориентироваться только на количество переводов, может сложиться впечатление, что интерес к «Божественной комедии» во Франции в XIX в. был намного более выраженным, интенсивным и продолжительным, чем в России. Русские переводчики начинают более или менее регулярно переводить «Комедию» лишь с 20-х гг. XIX в., и в течение достаточно длительного времени эти переводы ограничиваются несколькими песнями первой кантики.

Первый полный перевод “Inferno” (Е. Кологривова, в прозе) опубликован в 1842 г., следующий (Д. Мин, в стихах) — лишь через 10 лет. В целом в первой половине XIX в. Россия может похвастаться только четырьмя зафиксированными историками литературы попытками переводов поэмы (А. Норов, П. Катенин, С. Шевырёв, Е. Кологривова), полный текст которой остается доступным для русского читателя лишь в иностранных, главным образом французских и итальянских, изданиях. В течение второй половины XIX в. ситуация с русскими переводами главного творения Данте несколько улучшается: один за другим выходят пять полных изданий поэмы (Д. Мин, Д. Минаев, А. Фёдоров, М. Горбов, Н. Голованов). В то же время низкая по сравнению с началом века поэтическая культура эпохи обуславливает крайне неудовлетворительное качество новых переводов, которые во всех отношениях уступают предшественникам. Первые 40 лет XX в. — период если не забвения «Божественной комедии»¹, то переводческого «застоя», отмеченный редкими маргинальными попытками фрагментарных переводов. Перевод М. Лозинского, удостоенный в 1946 г. Сталинской премии, — единственный полный перевод «Комедии», увидевший свет в советскую эпоху. Следующие за ним по времени полные переводы поэмы появились только в 1990-е гг.: 1995 г. — А. Илюшин, 1999 г. — В. Маранцман. Тот факт, что начиная с 1970-х гг. в «Дантовских чтениях» публиковались отдельные песни «Комедии» в переводе А. Илюшина, не слишком меняет общую картину. В. Маранцман, по собственному признанию, затратил на свой труд 10 лет, т.е. начал его где-то в 1989 г., на излёте советской эпохи. Справедливости ради стоит отметить, что выход двух указанных переводов «Комедии» в 90-е гг. прошлого века вызвал оживлённую научно-теоретическую дискуссию в среде филологов и способствовал новому росту интереса к творению Данте. Тем не менее три полных перевода «Комедии» на русский язык в XX в. — весьма скромный результат, даже учитывая то, что как минимум один из них — перевод М. Лозинского — можно считать несомненной удачей.

В порядке сравнения: во Франции на протяжении всего XIX в. Данте переводили с постоянством, свидетельствующим о непрекращающихся поисках в стремлении к совершенству. С конца XVIII в. переводы «Комедии» начинают появляться с завидной регулярностью: с 1776 по 1855 г. было опубликовано 22 перевода

¹ Сохранились свидетельства как минимум об одном масштабном переводческом проекте начала века, первоначально заказанном издательством «Брокгауз и Ефрон» В. Брюсову, затем объединившем В. Брюсова, В. Иванова и Эллиса [Бэлла, 1965, с. 67—94].

поэмы, из них 11 полных². Всего в XIX в. исследователи насчитывают 33 перевода поэмы на французский язык [Scialom, 1985]. Другими словами, Данте в XIX в. не просто «выбирается из литературного чистилища» [Nemet, 1971, p. 94], куда его поместили классицисты, — он утверждается в статусе одного из самых переводимых во Франции авторов. Так, например, «Гамлет» в XIX в. на французский язык переводился лишь 6 раз. Оставим в стороне вопрос о добротности и художественной состоятельности данных переводов — речь идёт о стабильном интересе к «Комедии» во Франции на протяжении указанного периода.

2.0. Что касается русской переводческой рецепции «Комедии», то, вопреки устоявшейся в отечественном литературоведении точке зрения [Асоян, 1990; Голенищев-Кутузов, 1971], ретроспективно трудно оценить её как однонаправленный процесс, характеризующийся всё более глубоким постижением текста-источника. Полагаем, что именно первый этап рецепции (1-я половина XIX в.) можно считать наиболее продуктивным и богатым на эксперименты. Оставаясь немногочисленными, переводы «Комедии» тем не менее аккумулируют бесценный для переводческой традиции опыт, который будет востребован в XX в. И наоборот, если переводческая практика второй половины XIX в. чем-то выделяется на общем фоне, то лишь своей невыразительностью; в целом же она представляет собой шаг назад по сравнению с достижениями предшествующего периода. Из многочисленных переводов «Комедии», появившихся во второй половине XIX в., нет ни одного, не выглядящего сегодня безнадежно устаревшим. Переводческая метарефлексия, не прекращавшаяся на протяжении всей первой половины века, исчезает из «Предисловий», уступая место историко-биографическим эссе, посвящённым Данте и его времени.

Если в истории русской литературы была эпоха, в которую переводная поэзия ценилась столь же высоко, как оригинальная, то это первая половина XIX в. В 1823 г., когда в журнале «Сын Отечества» были опубликованы отрывки из “Inferno” в переводе А. Норова [Сын Отечества, 1823, с. 183—188], художественные переводы с итальянского языка на русский уже имели за плечами славную историю благодаря переводческим опытам К. Батюшкова, одного из лучших итальянистов своего времени, автора вольных перево-

² Мутоннэ де Клерфон (1776), А. Ривароль (1780), Кольбер д’Эстувиль (1796), А. Арто де Монтор (1811—1813), А. Терассон (1817), Брет Деламаг (1823), А. Дешан (1829), Ж.Ш. Тарве (1824), Ж.-А. Гурбийон (1831), Ш. Кальмар де Лафайет (1835), А. ле Дрей (1837), де Монжи (1838), П.-А. де Фьорентино (1840), О. Бризе (1841), Э. Ару (1843), С. Реаль (1843—1856), Г. Венсон (1846), В. де Перродиль (1848), Л. Ратисбонн (1852—1860), В. де Сен-Морис (1853), Ж.А. Менар (1854), Ф. де Ламеннэ (1855).

дов Петрарки, Ариосто и Тассо. Знаменательно, что Данте отсутствует в списке переводимых Батюшковым авторов: он обретёт расположение переводчиков позднее, в момент кризиса доминирующей стилистической системы (карамзинской), противники которой увидят в нём своего естественного союзника. Начальный же этап массового «импорта» итальянской литературы в Россию проходит под знаком поэтических и эстетических доктрин французского Просвещения. Пример идейно близкого Карамзину и «сентиментальной школе» Батюшкова достаточно показателен: он читает Данте в оригинале и способен распознать «дантовы» рифмы *rimbombo: rombo* (Inf. XVI, 1—3) в одном из стихов Тассо [Пильщиков, 1997, с. 38]. Тем не менее Данте — единственный из четырёх «великих итальянцев», переводы творений которого в архиве Батюшкова не сохранились; анонсированная им статья о Данте так и не была написана. Наконец, он, так любящий цитировать любимых итальянских авторов в письмах и статьях, ни разу не цитирует Данте. Всё это — свидетельства сложного, амбивалентного отношения русских поэтов 10-х гг. XIX в. к великому флорентийцу.

Подобное положение вещей сохранится *grosso modo* вплоть до начала 30-х гг. Публикация в 1823 г. отрывков из первой кантики в переводе А. Норова станет первым сигналом перемен. В 1832—1833 гг. сначала П. Катенин, а затем и С. Шевырёв предложат свои переводы отдельных песен первой кантики. Наконец, в конце 30-х гг. к поэтике Данте обратится сам Пушкин: свидетельство этого интереса — дантовы реминисценции в стихах, многочисленные упоминания Данте в критических статьях и записях, а также знаменитые «Подражания Данту», попытка схватить и опробовать характерные черты дантова стиля [Вацуру, 2004, с. 238—239, 248—251].

Таким образом, несмотря на отсутствие полного перевода «Комедии» на русский язык, к началу 30-х гг. XIX в. Данте и его главное творение становятся в России «литературным фактом» (в тыняновском смысле). Ниже сделана попытка выявить важнейшие черты сходства и несходства русской и французской переводческих рецепций поэмы, а также точки их пересечения и взаимовлияния.

2.1. Первое, что обращает на себя внимание: с самого начала русских переводчиков «Комедии» отличает повышенный интерес к техническим и стилистическим аспектам текста-источника. Биографические подробности, личность самого Данте привлекают гораздо меньше. Весьма красноречивы в этом плане упоминания Данте у Пушкина: имя флорентийца ассоциируется у него с достаточно ограниченным набором эпитетов (*суровый, дикий, строгий, il gran padre Alighieri* [Асоян, 1990, с. 47, 67]). Большинство эпитетов — клише, встречающиеся и у других авторов (Батюшков, Альфиери, Байрон). Но почти все они, отметим, носят стилистический характер.

Как и Пушкина, русских переводчиков «Комедии» интересует в первую очередь механизм дантова стиха, поиск адекватной стилистической формы. Сюжет и перипетии повествования занимают их в гораздо меньшей степени. Три первых переводчика «Комедии» на русский язык ограничиваются переводом трёх начальных песен первой кантики. Их переводы, по сути, представляют собой пробы и образчики «фирменного» дантова стиля, каким его понимали в то время. Таковы переводческие опыты С. Шевырёва. В 1833 г. он публикует выполненный силлабическим стихом перевод начала третьей песни “*Inferno*” [Учёные записки, 1833]. Если вспомнить, что силлабическая поэзия в России практически прекратила своё существование в середине XVIII в., речь идёт о смелом по тем временам версификационном эксперименте. Десять лет спустя переводчик возвращается к своей работе и переводит вторую и четвертую песни первой кантики, но на этот раз силлабо-тоническим стихом.

Во время как во Франции с конца XVIII в. поэму переводят целиком, во всей целостности её грандиозной конструкции³, в России она вплоть до середины XIX в. предлагается читателю в гомеопатических дозах. Впрочем, это логично, так как русская публика хорошо знакома с ней благодаря французским переводам.

2.2. Французское посредничество в русской читательской и переводческой рецепции поэмы стоит выделить как вторую важную особенность «русской “Комедии”». По традиции, установившейся еще в XVIII в., переводы художественных текстов с итальянского языка на русский осуществлялись если не целиком с французских переводов-посредников, то с учётом их опыта и очень часто с многочисленными фразеологическими, рифмическими, синтаксическими или лексическими заимствованиями из них [Пильщиков, 1997, 2001]. Так, первые русские переводы «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо буквально нашпигованы фразеологизмами, отсутствующими в тексте оригинала, следы которых обнаруживаются во французских «версиях-посредниках» (терминология И. Пильщикова [Пильщиков, 2001]). Как правило, русские переводчики передавали итальянский эндекасиллаб александрийским стихом со двоянными рифмами, слишком «французским» со всех точек зрения и традиционно ассоциировавшимся и в России, и во Франции с эпическим стихом. Более того, И. Пильщиков установил, что, переводя «Освобождённый Иерусалим», Батюшков работал не просто с итальянским оригиналом, но с целым «макротекстом»: с переводами в прозе своего соотечественника А. Попова (который, в свою очередь, опирался на французский перевод в прозе

³ В 1828 г. А. Арто де Монтор иронизирует над поклонниками Данте, любящими и читающими лишь первую кантику [La Divine Comédie, 1849, p. VI, IX].

Ж.-Б. Мирабо) и Ш.-Ф. Лебрена, а также с переводом в стихах Ж.-Ф. Лагарпа [Пильщиков, 1997, 2001]. В результате подобного «полигенеза» появился стилистически гетерогенный текст, в котором поэтические формулы французского классицизма перемежались с типично русскими лексическими архаизмами.

Русским читателям пушкинской поры были известны французские переводы Ж.-Ж. Мутоннэ де Клерфона (1776), А. Арто де Монтора (1811—1813, 1828—1830), А. Дешана (1829) и появившийся немного позже перевод в прозе О. Бризе (1840). Известно, что в библиотеке самого Пушкина хранились 4 французских издания «Комедии», в том числе 2 тома перевода Б. Гранжье (конец XVI в.), переводы Арто де Монтора и Дешана [Вацуру, 2004, с. 243]. Однако не все переводы изучались им одинаково внимательно: в переводе Арто де Монтора (речь идёт о втором издании, выпущенном в 1828—1830 гг.) разрезаны 16 первых страниц “Inferno” и часть “Purgatorio”. Страницы “Paradiso” не разрезаны вовсе. Перевод же А. Дешана, настоящий манифест французской романтической дантологии, был прочитан Пушкиным целиком [там же, с. 244]. Учитывая скептическое отношение практически всех литературных направлений пушкинского времени к французским романтикам, естественно предположить, что внимательное чтение Пушкиным текста А. Дешана отнюдь не свидетельствует о высокой оценке им этого перевода. Символично, что все русские переводы «Комедии», относящиеся к интересующему нас периоду, и в плане поэтики, и в плане переводческих стратегий находятся в отношениях оппозиции к переводу француза. Это касается и переведённых отрывков А. Норова, который с точки зрения версификации (он переводит александрийским стихом) тем не менее стоит ближе всех к французскому коллеге. Да и стилизации *à la Dante* самого Пушкина, созданные в 1830—1832 гг., т.е. через 1—3 года после публикации перевода А. Дешана, косвенно указывают на то, что переводческая рецепция Данте в России развивалась в совершенно ином направлении, нежели во Франции. В России перевод *à la française*, т.е. адаптация текста-источника к конвенциям и эстетическим канонам национальной литературы, был проблематичен в силу объективных причин. Во-первых, сами формы национальной литературы находились ещё в процессе становления и кристаллизации, репертуар их был ещё слишком ограничен, чтобы переводчики могли черпать в нём готовые образцы. Во-вторых, фундаментальная асимметрия двух культур, романской и русской, дополнительно осложняла межкультурный перевод: переводить приходилось не просто с языка на язык, но и из одной системы стихосложения, жанровой, стилистической системы — в другую, находящуюся к тому же в процессе формирования. П. Катенин мог взять в качестве услов-

ной модели для своих переводов французского средневекового эпоса стих русских былин [Катенин, 1965], но для стиха «Комедии» русская средневековая литература не могла предложить переводчику ничего даже условно эквивалентного. Приходилось всё изобретать заново или... заимствовать модели из других языков/культур⁴, в первую очередь, конечно, из Франции.

3.0. В отечественной литературе вопрос о возможных заимствованиях (морфо-синтаксических, фразеологических, лексических, ритмических и т.д.) русских переводчиков «Комедии» у их французских предшественников до сих пор не рассматривался, равно как и вопрос о взаимовлиянии и заимствованиях внутри собственно французской переводческой рецепции поэмы.

Перевод А. Дешана [La Divine Comédie, 1829] предлагал читателю лишь 20 частично сокращённых песен «Комедии», неравномерно выбранных из трёх кантик — налицо явное стремление переводчика-поэта приблизить текст поэмы к вкусам аудитории⁵. Дешан перевёл «Комедию» александрийским стихом, без разбивки на строфы, что придало его тексту отчётливо романтический акцент. Ещё одна характерно романтическая черта — сознательно фрагментированный характер перевода. Переводчикам—предшественникам Дешана (будь то Ж-Ж. Мутоннэ де Клерфон, А. Ривароль, А. Арто де Монтор или даже А. Террасон) эстетика фрагмента была чужда: Ривароль хоть и перевёл лишь первую кантику, но перевёл её целиком. Более того, он сопровождал текст перевода сносками и пояснениями, предварил каждую песню изложением её краткого содержания, в общем, выполнил работу учёного-комментатора.

Будучи совершенно противоположными по духу на первый взгляд, переводы Дешана и Арто де Монтора, если приглядеться внимательнее, обнаруживают много сходства. Думается, можно уверенно утверждать, что Дешан хорошо знал текст своего предшественника, даже, возможно, имел его перед глазами во время работы над собственным переводом. См., например, Inf. I, 9:

Данте: *Ma per trattar del ben ch'i' vi trovai...*

Арто де Монтор: *Pour expliquer l'appui secourable que j'y rencontré je dirai quel autre spectacle...* [La Divine Comédie, 1849, p. 1].

Дешан: *Pour parler d'un grand bien et d'une aide imprévue, // Je dirai quels dangers...* [La Divine Comédie, 1829, p. 6].

См. также Inf. I, 31—33:

Данте: *Ed ecco, quasi al cominciar de l'erta // Una lonza leggiera e presta molto, // Che di pel macolato era coverta.*

⁴ *Langue/culture*, терминология А. Мешонника [Meschonnic, 1973].

⁵ См. инвективы Арто де Монтора против чрезмерного смакования некоторыми читателями «Комедии» картин адских мучений и пожирающего грешников пламени [La Divine Comédie, 1849, p. IX].

Арто де Монтор: *Et voilà que, tout à coup, une panthère agile et tachetée de diverses couleurs apparaît devant mes yeux* [op. cit., p. 2].

Дешан: *Voilà que tout à coup, auprès de la montée, // Une agile panthère, à la peau tachetée, // Parut devant mes yeux* [op. cit., 1829, p. 7].

Можно предположить, что Дешан в данном случае следует модели Арто де Монтора, воспроизводя как синтаксическую, так и лексическую структуру фразы предшественника. Во-первых, мы встречаем у него выражения, отсутствующие в тексте Данте (*d'une aide imprévue, tout à coup*), но имеющие либо аналоги, либо точные соответствия у Арто де Монтора (*l'appui secourable, tout à coup*). Данные вставки являются примерами эксплицитации, т.е. введения в перевод информации, присутствующей в тексте-источнике лишь имплицитно⁶. Во-вторых, и у Дешана, и у Арто де Монтора мы находим схожие примеры имплицитации: и тот и другой при переводе *lonza leggiera e presta molto* заменяют два итальянских прилагательных одним, *agile*, как бы вбирающим в себя их значения.

Нетрудно заметить, что и переводчик-«романтик», и переводчик-«классицист» разделяют одинаковое видение Средних веков, привнося в текст оригинала дополнительный «готический» колорит, каким они его себе представляют. Кроме того, оба практикуют систематическую «зачистку» текста «Комедии» от всевозможных лексических, стилистических, синтаксических и других «странностей». Возьмём для примера Inf. I, 49—51:

Данте: ... *una lupa, che di tutte brame // Sembiava carca nella sua magrezza // E molte gente fê già viver grame.*

Арто де Монтор: *Une louve avide, d'une maigre repoussante, et souillée encore des traces de ses fureurs, en fixant sur moi ses yeux qui lançaient la terreur* [op. cit., p. 2].

Дешан: *Une louve maigre, avec ses blanches dents, // Et ses deux yeux luisant comme charbons ardents* [op. cit., p. 8].

Там, где Данте делает ставку на столкновение стилевых регистров, анжамбманы и так называемые «развёрнутые метафоры», переводчики довольствуются нанизыванием поэтических клише в соответствии с собственным представлением о «средневековом колорите», сводя новизну к привычному. Стремление к филологической точности, уважение к «духу» переводимого текста, которое принято связывать с эпохой романтизма, ещё не означает, как видим, точности стилистической.

Арто де Монтор часто переходит на возвышенный, торжественный тон, «приукрашивая» текст Данте, достоинства которого, впрочем, не ускользают от его внимания и находят в нём своего ценителя. Некоторые из его подстрочных замечаний обращают

⁶ О теории эксплицитации см., например, А. Рум [Рум, 2005].

внимание читателя на красоту того или иного образа, но в стилистическом плане его перевод выглядит анахронизмом, его Данте выражается порой языком Расина. Поэтические формулы, уходящие корнями в XVIII в., употребление «прециозных» терминов — вот что сильнее всего выдаёт стилистическую модель этого переводчика. Трудно представить себе Данте, использующего термин «спектакль» (“je dirai quel autre spectacle s’offrit à mes yeux” [ор. cit., р. 1]) для обозначения того, о чем пойдёт речь в песне, или выражение «опасная стихия» (“élément perilleux”) — для описания моря [ор. cit., р. 2]. В сравнении с переводом Арто де Монтора стиль Ривароля выглядит сжатым и лаконичным, но и этому переводчику случается уступать языковым автоматизмам и устаревшим риторическим приёмам (его Данте, например, обращается к Вергилию на «вы»).

Аналогичным образом Дешан в вопиющем противоречии с концепцией поэзии, культивировавшейся в Средние века, приписывает Данте романтическую по сути идею боговдохновенности поэта. Список смысловых и стилистических несообразностей указанных переводов можно было бы продолжить.

3.1. В переводах «Комедии» роль французского «посредничества» в работе русских переводчиков начинает снижаться. Если оно не исчезает полностью, то, во всяком случае, становится менее заметным. Неизвестно, заимствовал ли что-нибудь П. Катенин, один из лучших переводчиков Данте на русский язык в XIX в., у своих французских предшественников. По информации М. Акимовой [Акимова, 2000], он имел под рукой перевод «Комедии» Брета Деламата [Dante, 1823]: не столько из-за его художественных достоинств (весьма скромных, по мнению Катенина), сколько из-за содержащихся в предисловии подробных разъяснений космологии Данте. Можно предположить, что Катенин был знаком и с переводом в прозе Арто де Монтора. В пользу данной гипотезы процитируем катенинский перевод Inf. I, 49—51, в котором бросаются в глаза те же отклонения от текста оригинала, что и в переводе Арто де Монтора:

Данте: *E d’una lupa, che di tutte brame // Sembiava carca nella sua magrezza, // E molte genti fé già viver grame.*

Арто де Монтор: *En même temps une louve avide, d’une maigreur repoussante, et souillée encore des traces de ses fureurs...* [ор. cit., с. 2].

Катенин: *...А вслед за ним волк ненасытно жадной, // Пугающий чрезмерной худобой, // Губительной алчностью безотрадной* [ор. cit., с. 167].

В ст. 49 Катенин воспроизводит эпитет *жадной*, которого нет у Данте, и который вполне может восходить к Арто де Монтору

(*avide*). Перевод ст. 50 тоже достаточно близок по своей морфосинтаксической структуре к французской фразе. Оба переводчика заменяют дантову метафору *di tutte brame sambiana circa nelle sua magrezza* похожей перифразой. В ст. 51 русский переводчик ближе к Данте в лексико-смысловом плане (он сохраняет слово *brame* из первого стиха терцины, передавая его русским архаизмом *алчба*), но не в плане морфосинтаксиса, структура которого ближе к французскому переводу, нежели к оригиналу. Это метод, практиковавшийся ещё Батюшковым, но потерявший систематический характер и сведённый к точечным лексическим заимствованиям.

Что же касается возможных взаимовлияний между переводом П. Катенина и переводом А. Дешана, то ответ на этот вопрос ещё более затруднителен. Оба перевода появились практически одновременно (перевод Дешана опубликован в 1829 г., перевод Катенина — окончен в декабре 1829 г., опубликован в 1830 г.). Тем не менее то, как оба поэта переводят знаменитый *incipit* поэмы, позволяет допустить, что Катенин, возможно, читал французский текст:

Д е ш а н: *Quand j'étais a moitié du chemin de la vie* [ор. cit, с. 5].

К а т е н и н: *Путь жизненный пройдя до половины* [ор. cit, с. 166].

Дело в том, что из всех французских переводчиков первой трети XIX в. А. Дешан — единственный, кто перевёл *cammin* как *chemin*, остальные авторы единодушно предпочли переводить *course*. Не исключено, впрочем, что речь идёт о простом совпадении: оба переводчика стремятся слово в слово воспроизвести первый стих «Комедии».

3.2. История переводов первого стиха первой песни “*Inferno*” весьма любопытна. Ривароль, судя по всему, был первым, кто в 1780 г., переводя самый знаменитый стих поэмы (*Nel mezzo del cammin di nostra vita*), использовал выражение *au milieu de ma course*, в котором субстантив *course* (от глагола *courir* — «бежать») отсылает к идее быстрого передвижения, перемещения. Тем самым он положил начало целой цепочке семантических сдвигов. Фразеологию Ривароля воспроизвел в 1811 г. А. Арто де Монтор, а в 1835 г. — Ш. Калемар де Лафайет. Через девятнадцать лет, в 1854 г., Л. Ратисбонн заменил *course* более изысканным *trajet* (путь, траектория), которое ещё двадцать лет спустя уступило место выражению *terrestre voyage* («земное странствие») у А. Жюбера (1874). Наконец, в 1882 г. А. Бонно де Мартре ввёл в свой перевод идиоматическое выражение *cours de vie* («течение, ход жизни»).

История переводов первого стиха поэмы натолкнула нас на мысль о том, что именно французский субстантив *course* — сильнее, нежели итальянское существительное *cammin*, связывавший земную жизнь с непрекращающимся движением, — подсказал В. Брюсову формулу *странствие земное: На полдороге странствия*

земного [Бэлза, 1965, с. 87]. Если это так, то брюсовская формула — не что иное, как перифраза французского текста-посредника, который в свою очередь представляет собой перифразу оригинального итальянского текста. Верно воспроизведя морфосинтаксические особенности итальянского оригинала, Брюсов в то же время значительно отклонился от него в плане семантики. Думается, излишне объяснять, что *путь жизненный* и *странствие земное* предполагают совершенно разные векторы движения, аксиологию, жанр. Совершенно разный пейзаж, наконец.

По собственному признанию Брюсова, он использовал в качестве подспорья в работе переводы в прозе Арто де Монтора и А. Мельо [Бэлза, 1965, с. 87]. Эти переводчики по-разному переводят начальный стих поэмы: *au milieu de la course de notre vie* (А. Арто де Монтор), *au milieu du chemin de nître vie* (А. Мельо). Вполне вероятно, что в данном случае вариант Брюсова мог иметь своим источником текст Арто де Монтора, хотя полностью исключить возможность простого совпадения тоже нельзя.

Работа Брюсова над «Божественной комедией» не продвинулась дальше третьей песни “Inferno” и до сих пор практически не изучена. Напротив, выражение *странствие земное* быстро закрепилось в поэтическом словаре русской поэзии. Более того, сделалось поэтической формулой. Содержащаяся в нём отсылка к Данте для современников Брюсова была абсолютно прозрачна. Так, брюсовский перевод фигурирует в заголовке одного из последних поэтических циклов Н. Гумилёва «Посредине странствия земного» — дантовы коннотации заглавия были давно подмечены исследователями творчества поэта, чья трагическая судьба (Гумилёв был расстрелян в 35 лет) даёт благоприятную почву для подобных сближений. Действительно, для Гумилёва, страстного путешественника и члена многочисленных географических экспедиций в экзотические страны, упоминание о путешествиях выглядит почти само собой разумеющимся. Отсылки к Данте встречаются у него на протяжении всего его творчества, поэтому цитата из «Божественной комедии» в качестве заголовка поэтического цикла вряд ли могла кого-нибудь удивить. Однако до сих пор оставался незамеченным тот факт, что в случае со *странствием земным* речь, возможно, идёт не о цитате в строгом смысле, а о вольной перифразе с французского.

Список литературы

- Акимова М.В. «Переводить Данте *in terza rima*... ужасно». История текста катенинских переводов “Inferno” // Дантовские чтения 1998 / Под общ. ред. А. Илюшина. М.: Наука, 2000.
- Асоян А. «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М.: Книга, 1990. 214 с.

- Бэлза С.И.* Брюсов и Данте. Данте и славяне. М.: Наука, 1965. 270 с.
- Вацуро В.* Пушкинская пора. М.: Академический проект, 2004. 624 с.
- Голенищев-Кутузов И.* Данте в России. Творчество Данте и мировая культура. М.: Молодая гвардия, 1971. 288 с.
- Катенин П.А.* Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Г.В. Ермаковой-Битнер. М.; Л., 1965.
- Пильщиков И.* Из истории русско-итальянских литературных связей (Батюшков и Тассо) // *Philologica*. 1997. Т. 4, № 8/10.
- Пильщиков И.* Батюшков — переводчик Тассо (к вопросу о роли версий-посредников при создании переводного текста) // *Славянский стих. Лингвистическая и прикладная поэтика: Мат-лы междунар. конф. 23—27 июня 1998 г. М., 2001. С. 345—353.*
- Сын отечества.* СПб., 1823. № XXIX. С. 183—188. Учён. зап. Моск. ун-та. 1833. Ч. 2. № 5. Отд. III.
- Dante.* Traduction nouvelle en vers de l'Enfer du Dante. D'après le nouveau commentaire de Biaggioli, avec le texte en regard et enrichie d'un Discours sur le Dante, de notes littéraires et historiques et d'un plan géométral de l'Enfer. Par Brait Delamathe. P.: Londres, 1823.
- La Divine Comédie de Dante Alighieri traduite en français par M. le chevalier Artaud de Montor. Troisième édition. Paris: Librairie de Firmin Didot Frères, 1849 (1811—1813).
- La Divine Comédie de Dante Alighieri traduite en vers français par M. Antoni Deschamps (Vingt Chants). P.: Charles Gosselin, Urbain Canel Libraires, 1829.
- Meschonnic H.* Pour la poésie II. Paris: Gallimard, 1973. 457 p.
- Nemer M.* Traduire Shakespeare // *Romantisme*. 1971. Vol. 1, N 1.
- Пым А.* Explaining Ecplicitation // *New Trends in Translation Studies // Honour of Kinga Klaudy / Ed. Krisztina Koroly. Budapest, 2005.*
- Scialom M.* Les anti-traducteurs: aspects de la “Divine Comédie” en français pendant l'entre-deux-guerres suivis d'un répertoire chronologique et raisonné des traductions françaises du poème (XV-e—XX-e siècles). P., 1985.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

А.В. Кузнецова,

преподаватель факультета лингвистики и перевода кафедры перевода и языкознания Международного гуманитарного университета, переводчик, Одесса, Украина; e-mail: likafolkland@mail.ru

РАЗРАБОТКА УЧЕБНОГО КУРСА ПО КОНФЕРЕНЦ-ПЕРЕВОДУ: УКРАИНСКИЙ ОПЫТ

В статье представлена программа по курсу конференц-перевода для магистров, получающих образование по специальности «Перевод», разработанная специально для нужд украинского переводческого рынка. Концепция программы основана на положениях, которые были озвучены на лекциях проф. Н.К. Гарбовского, проф. Ханилор Ли-Янке и др. для участников курса повышения квалификации «Дидактика перевода», организованного в рамках работы Постоянного международного совета университетских институтов перевода CIUTI в июне 2012 г. в Москве.

Ключевые слова: конференц-перевод, синхронный и последовательный перевод, специальные упражнения, глоссарий, таксономия Блума, украинский переводческий рынок, языковая комбинация, русский — английский, украинский — английский.

Anzhelika V. Kuznetsova,

Lecturer at the Department of Linguistics and Translation, International Humanitarian University, Odessa, Ukraine; e-mail: likafolkland@mail.ru

Developing a Training Program in Conference Interpreting: Ukrainian Experience

The article presents a training program in conference interpreting designed to satisfy the needs of local Ukrainian market. The program is intended for senior students studying toward a Master's degree in Linguistics. The concept of the program is based on lectures delivered at the Higher School of Translation and Interpretation of Lomonosov Moscow State University during the refresher course in translation and interpretation didactics organized by the CUITI Working Group in June 2012.

Key words: conference interpreting, simultaneous and consecutive interpretation, special drills, glossary, LSP, Bloom's taxonomy, Ukrainian interpretation market, language combination, Russian — English, Ukrainian — English.

Представленный в статье учебный план является частью курса (первый семестр) по конференц-переводу, рассчитанного на 3 семестра. Курс разработан специально для нужд украинского переводческого рынка и был частично апробирован на факультете лингвистики и перевода Международного гуманитарного университета.

В экспериментальную группу вошли студенты магистратуры факультета лингвистики, которые были отобраны на основе теста на выявление психологических и лингвистических способностей к конференц-переводу в синхронном режиме.

Программа нацелена на овладение будущими переводчиками двумя языковыми комбинациями, а именно двусторонним переводом в комбинациях русский—английский и украинский—английский, английский—русский, английский—украинский, что обусловлено спецификой Одесского региона.

В программу курса входит обучение как последовательному, так и синхронному видам перевода. Курс начинается с последовательного режима. С помощью специальных упражнений, разработанных ведущими специалистами в области синхронного перевода (Линн Виссон, Г. Мирам, С. Максимов и др.), постепенно вводятся элементы синхронного перевода.

Несмотря на то что студенты уже прослушали ряд курсов по теории перевода на уровне бакалавриата, в программу включён ряд теоретических тем, касающихся специфики конференц-перевода и способов решения практических проблем, возникающих во время выполнения перевода. К последним можно отнести, в частности, различия между порядком слов в английском и русском (украинском) предложении, трудности, возникающие при передаче точной информации и т.д.

Широкий спектр тем аудиофрагментов и текстов, предлагаемых для перевода, позволяет расширить конкурентоспособность начинающего переводчика на рынке труда. Сферы, выбранные для изучения в первом семестре, включают права человека и политику, право, банковское дело, здравоохранение, атомную энергетику. В центре внимания курса — деятельность международных организаций, работающих в этих сферах. Помещение студента в реальные условия работы на международных конференциях, использование соответствующего профессионального оборудования, работа с видео-, аудиозаписями конференций способствуют формированию устойчивости к стрессу и других профессиональных качеств переводчика. С этой же целью был разработан ряд ролевых игр и учебных конференций, участие в которых позволяет не только развить навыки синхронного перевода, но в значительной степени помогают студентам самим оценить уровень своей подготовки. Задания для самостоятельной работы включают заучивание наизусть стихотворений, отрывков из публичных выступлений известных ораторов и фрагментов из художественной литературы на английском языке. Таким образом студенты развивают память, фонематическое слушание и понимание, обогащают свой культурный багаж и развивают ораторские способности.

Необходимой составляющей курса является запись переводов студентов для того, чтобы обеспечить их возможностью продолжить работу над своим переводом за пределами аудитории.

Каждый семестр оканчивается экзаменом, во время которого студентам предлагается выполнить последовательный перевод

трёх аудиоотрывков по 3 минуты каждый с попеременной сменой английского, украинского и английского языков и два десятиминутных отрывка для синхронного перевода на русский и украинский (10 минут каждый).

Ответы студентов записываются и прослушиваются экзаменационной комиссией, в состав которой помимо преподавателя-тренера входит действующий устный переводчик. На итоговый экзамен приглашаются потенциальные работодатели, такие как директора агентств перевода, руководители туристических агентств и др.

КОНФЕРЕНЦ-ПЕРЕВОД

ТРЕНИНГ-КУРС ДЛЯ ОДЕССКОГО РЕГИОНА

Практический курс для студентов-магистров

3 семестра / 4—6 акад. часов в неделю

1-й семестр

Языковые комбинации: русский — английский, английский — русский и украинский — английский, английский — украинский.

Описание курса: Курс конференц-перевода с/на английский язык для двуязычных студентов с двумя родными языками: русским и украинским.

Общие цели курса

- Подготовить студентов для профессиональной переводческой работы в Украине.

- Развить у студентов навыки синхронного перевода.

- Усовершенствовать у студентов навыки последовательного перевода.

Задачи курса

- Стимулировать студентов расширять фоновые знания в различных областях, таких как права человека и политика, право, банковское дело, здравоохранение, ядерная энергетика.

- Развить у студентов навыки синхронного перевода, используя соответствующее оборудование для этого вида перевода.

- Улучшить понимание студентами различных вариантов английского языка.

Концепция курса (по таксономии Блума)

Американский психолог Бенджамин Блум (1913—1999) разработал в 1956 г. таксономию педагогических целей в познавательной сфере. Концепция настоящего курса основана на его теории.

1. Приобретение знания

- Ознакомиться с терминологическими базами данных, доступных онлайн-, аудио- и видеоресурсами, названиями газет, журналов и словарей.

- Ознакомиться с видами устного перевода и необходимым оборудованием для выполнения перевода (если требуется).

- Научиться составлять глоссарии для каждого проекта и каждого тематического поля.
- Ознакомиться с ключевыми концептами каждого из тематических полей курса и источниками получения дополнительной информации.
- Овладеть терминами тематических полей, изучаемых в данном курсе, на трёх языках.

2. Присваивание

- Научиться заучивать наизусть отрывки из речей и официальных документов.
- Уметь понимать и объяснять основные концепты тематических полей на трёх языках.
- Научиться составлять аннотации газетных и журнальных статей, слушать и пересказывать телепрограммы BBC, CNN и местного телевидения и обсуждать их.

3. Применение

- Применять скопос-теорию, т.е. адаптировать перевод к целевой аудитории.
- Научиться работать с параллельными текстами для составления глоссариев по определённым тематическим полям.
- Научиться выполнять устный перевод в различных режимах (нашептывание, перевод с листа, перевод двустороннего диалога, последовательный перевод, синхронный перевод).

4. Анализ

- Вычленять возможные трудности в аудиофрагментах или докладах во время предварительного прослушивания и предлагать возможные решения.
- Анализировать предмет аудиофрагмента и его позицию в рамках фоновых знаний о тематическом поле.
- Узнавать вариант английского языка данного фрагмента и находить похожие образцы в YouTube.
- Научиться объяснять ключевые концепты аудиофрагмента.

5. Синтез

- Переводить как можно ближе к стандартам профессионального перевода в данном режиме.
- Адаптировать стиль и языковой регистр к целевой аудитории (переводческий продукт должен звучать стилистически гомогенно).
- Быть способным переводить без подготовки в заданном переводческом режиме.

6. Оценка

- Уметь критически высказываться по поводу выбора определённого словаря и регистра, используя соответствующий метаязык.
- Оценивать качество перевода согласно точным критериям оценки.
- Уметь оценивать переводческий продукт с точки зрения потенциального клиента и функциональности.

Поурочный план

1-й семестр (90 акад. ч. + 135 акад. ч. самоподготовки)

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
1	<p><i>Введение темы тренером:</i></p> <p>Введение в курс Основные положения теории и практики конференц-перевода Библиография Методы обучения (ознакомление со специальными упражнениями) Доступные аудиоресурсы Критерии оценки (передача смысла и презентация) Важность владения родным языком на высоком уровне для осуществления качественного перевода (ввод специальных упражнений для развития навыков владения родной речью)</p> <p>Студенты представляются на трёх языках (английский, украинский, русский) <i>Презентация:</i> Ролевая игра: пресс-конференция американской рок-звезды в Киеве, участники: англоговорящая рок-звезда, переводчик, работающий с тремя языками, журналисты Самооценка (обсуждение)</p>	1, 2	Лекция Семинар	Поурочный план WWW.AISC.NET http://aisc.net/page/pdf/56 www.youtube.com www.bbc.com Новости канала www.youtube.com Новости канала www.bbc.com CNN новости	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
1	<p><i>Введение темы тренером:</i> Мотивация в учебном процессе. Перевод как межкультурная коммуникация</p> <p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Стэнфордский университет, Стив Джобс, компании «Эпл» и «Пиксар»</p> <p>Вычленение трудных для перевода мест в аудиофрагменте: Документальный фильм ВВС — Стив Джобс: Хиппи-миллиардер (мин. 1—10)</p> <p>Последовательный перевод (направление перевода: английский — русский) (3 мин.—3 мин.—4 мин.)</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	<p>1, 2</p> <p>3, 4</p> <p>5</p> <p>6</p>	<p>Лекция/ Семинар/ Индивидуальная работа</p> <p>Работа в группе</p>	<p>YouTube: Документальный фильм ВВС — Стив Джобс: Хиппи-миллиардер (59 мин.)</p> <p>Домашнее задание: Наизусть: отрывок из речи политического деятеля 0,5 с.</p>	2
2	<p><i>Введение темы тренером:</i> Особенности следующих видов перевода: Последовательный/нащипывание/перевод с листа/синхронный</p> <p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Рабочие языки международных организаций список международных организаций на трёх языках</p> <p>Си-Эн-Эн студенческие новости — 20 мин. Слушать, считая по-русски до 100 и в обратном порядке</p> <p>Ролевая игра: Пресс-конференция министра образования, Канада, переводчик, журналисты</p> <p>Самооценка (обсуждение)</p>	<p>1,2</p> <p>3,4</p> <p>5</p> <p>6</p>	<p>Лекция</p> <p>Семинар</p> <p>Индивидуальная работа</p>	<p>Максімов, с. 28—37</p> <p>http://aic.net/page/pdf/56</p> <p>Домашнее задание: Наизусть: стихотворение на англ. 0,5 с.</p>	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
2	<p>Аннотирование: Документальный фильм ВВС — Стив Джобс: Хиппи-миллиардер (10–20 мин.) Последовательный перевод мотивационной речи Стива Джобса в Стэнфордском университете. Последовательный перевод на русский (10 мин: 2–2–2–2–2) и украинский (10 мин: по 1 мин.) без текста под запись Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	3,4 5 6	Работа в группе Индивидуальная работа Семинар	Текст речи Стива Джобса / Переводческий анализ Мирам, 2010 Речь Стива Джобса. Т. 6.1 Домашнее задание: Наизусть отрывок из речи общественного деятеля 0,5 с.	2
2	<p><i>Введение темы тренером:</i> Внутренняя речь переводчика. Понимание смысла. Ввод специальных упражнений для подготовки к синхронному переводу «теневой повтор» — повторение с отставанием 4 секунды, «остановка во времени» синхронный перевод в вольном темпе, перевод с чтением по готовому переводу Перевод с листа Синхронный перевод речи Стива Джобса Обсуждение Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1,2 3,4 5 6	Лекция Индивидуальная работа	Максимов, 2007, с. 52–56 Мирам, 2010 Речь Стива Джобса. Т. 6.1 Домашнее задание: Наизусть отрывок из публичной речи 0,5 с. Изучение документов: Европейские международные организации: Совет Европы, ПАСЕ, Европейский суд по правам человека, ОБСЕ	2

№ не-дели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
3	<p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Права человека и политика Игра: ассоциации, синонимы Видео об истории создания Совета Европы (Программа Би-Си) Теневой повтор. Обсуждение Быстро просмотреть текст «История Совета Европы». Резюмировать на английском, русском и украинском Ролевая игра: Пресс-конференция — член Европарламента, переводчик, журналисты Самооценка (обсуждение)</p>	1, 2 3, 4, 5 6	Работа в группе	<p>Комитет Министров Совета Европы (Брошюра опубликована Советом Европы) Поиск информации по международным организациям: www.coe.int www.aicc.net</p>	2
	<p><i>Введение темы тренером:</i> Текст, контекст, дискурс Типы контекстов Видео конференции Совета Европы Теневой повтор. Последовательный перевод на русский и украинский (15 мин.) без текста под запись (направление перевода: с английского на русский и с английского на украинский язык). Обсуждение Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1,2,3 3,4,5 6	Семинар Индивидуальная работа	<p>Максимов, 2007, с. 69—72 http://www.coe.kiev.ua/ Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: отрывок из поэтического произведения, 1 с. www.classicprojectload.com Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: стихотворение 1 с. Изучение документов по теме: Международные организации в Украине и России. Торговля льдами</p>	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
4	<p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Международные организации в Украине и России. Торговля людьми. Перевод с листа под запись Составление глоссария Украина и Европейская интеграция. Россия и мировая политика. Миссия ЕС по приграничной помощи Украине и Молдове. ОБСЕ Журнальная статья. Перевод с листа OSCE.org Глоссарий по выборам Ролевая игра: долгосрочный наблюдатель ОБСЕ, переводчик, журналисты Самооценка (обсуждение)</p>	1, 2, 3 4, 5 4, 5 6	Семинар/Индивидуальная работа	Изучение документов http://www.osce.org/what Теневой повтор на русском и украинском Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: отрывок из худ. произведения (проза) 1 с. Изучение документов по теме: Права человека в России и Украине	2
	<p><i>Введение темы треномер:</i> Семантическая структура устного сообщения и его компонентов <i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Права человека в Украине и России. Синхронный перевод с русского языка на английский (15 мин.) и с украинского на английский (15 мин.) под запись Обсуждение Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2 5 6	Лекция Индивидуальная работа	Максимов, 2007, с. 89—94 Пример глоссария http://www.youtube.com/watch?v=x58cmDcji-Yw (33 мин. пресс-конференция) Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: отрывок из худ. произведения (проза) 1 с. Изучение документов по теме: ООН — Структура центральной системы ООН. Международный суд	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
4	<p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> ООН — Структура центральной системы ООН. Международный суд. Выбор ключевых слов (20) путем сравнения страниц на английском и на русском Перевод с листа страниц сайта Документальный фильм Би-Би-Си об истории ООН (30 мин.) Теневой повтор. Обсуждение Ролевая игра: переводчик ООН (английский — китайский), переводчик, журналисты Самооценка (обсуждение)</p>	1, 2, 3 4, 5 4, 5 6	Индивидуальная работа Семинар Работа в группе	http://www.un.org/en/mainbodyes/index.shtml http://www.un.org/en/mainbodyes/index.shtml Поиск документов по Сирии	2
5	<p><i>Введение темы тренером:</i> Семантическая избыточность устных сообщений <i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Обсуждение Сирийского конфликта</p> <p>Последовательный перевод видео по Сирии с официального сайта ООН по записи (направление перевода: английский — русский и английский — украинский) Обсуждение Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2 3 4, 5 6	Лекция Семинар Индивидуальная работа	Максимов, 2007, с. 102—106 Изучение документов по теме www.un.org http://www.youtube.com/watch?v=WK6lUr-XaEY&feature=related (Сирийский конфликт) Теневой повтор http://www.youtube.com/watch?v=4FJq6QV6r_w перевод (Премьер-министр Сирии) Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятой дома) Наизусть: отрывок из публично-выступления (1 с.)	2

№ не-дели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
5	<p>Синхронный перевод видео по Сирии с официального сайта ООН по записи</p> <p>Обсуждение</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	4, 5, 6	Индивидуальная работа	<p>http://www.youtube.com/watch?v=4F1q6QBor_w</p> <p>перевод (Премьер-министр Сирии)</p> <p>Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома)</p> <p>Изучение документов по теме: Правительственные и силовые структуры в России и Украине</p>	2
6	<p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i></p> <p>Правительственные и силовые структуры в России и Украине.</p> <p>Видео с официальных сайтов для теневого повтора</p> <p>Ролевая игра: Юлия Тимошенко из тюрьмы, переводчик, члены Европейской Комиссии</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2, 3 5 6	Семинар/ работа в группе	<p>http://www.kmu.gov.ua/control/ru</p> <p>Изучение документов по теме — Украинское правительство в 2007 г.</p>	2
	<p><i>Введение темы тренером:</i></p> <p>Переводческая скоропись.</p> <p>Тренировочные упражнения</p> <p>Последовательный перевод (направление перевода: русский — английский и украинский — английский).</p> <p>Обсуждение.</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1,2 4, 5 6	Семинар Индивидуальная работа	<p>Максимов, 2007, с. 107—113</p> <p>Ребрій, 2006</p> <p>Максимов, 2007, т. 7.1, с. 156—161</p> <p>Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома)</p> <p>Наизусть: поэтическое произведение (1 с.)</p>	2

№ не-дели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
6	Синхронный перевод Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	4, 5 6	Индивидуальная работа	Максимов, 2007, т. 7.1, с. 156—161 Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: речь полит. деятеля (1 с.) Изучение документов по теме	2
7	<i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Банковское дело и финансы МВФ Составление глоссария по теме: глобальный кризис финансовой системы Специальное упражнение на разделение внимания (1 мин. новости) Ролевая игра: глава МВФ, переводчик, журналисты Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	1, 2 3 4, 5 6	Семинар Работа в группе	Изучение документов по теме, видео с официального сайта “Financial times”, сайт МВФ www.imf.org	2
	<i>Введение темы тренером:</i> Термины. Практическая транскрипция. Транслитерация. Заимствование. Описательный перевод. Идиомы и фразеологические обороты Последовательный перевод видео с официального сайта МВФ под запись на русский (15 мин.) и на украинский (15 мин.) Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	1, 2, 3 4, 5 6	Лекция Индивидуальная работа	Максимов, 2007, с. 126—132 Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: отрывок из худ. произведения (проза) (1 с.)	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
8	<p>Компании с частным уставным капиталом Составление глоссария</p> <p>Синхронный перевод на русский и украинский языки</p> <p>Обсуждение.</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2 4, 5 6	Семинар Индивидуальная работа	<p>Мирам, 2007, "Private Equity Firms", с. 59—61</p> <p>Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома)</p> <p>Наизусть: поэтическое произведение (1 с.). Изучение документов по теме Финансовые проблемы в Украине. Банковское дело. Евро 2012 и кредиты</p>	2
	<p><i>Введение темы тренером:</i></p> <p>Способы перевода прецизионной информации: числительные, имена собственные, и т.д.</p> <p>Перевод разноязычного диалога.</p> <p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i></p> <p>Финансовые проблемы в Украине.</p> <p>Банковское дело.</p> <p>Евро 2012 и кредиты (20 мин.)</p> <p>Перевод с листа</p> <p>Упражнение: краткое содержание на трёх языках</p> <p>Ролевая игра: министр финансов Украины, переводчик, зарубежные журналисты</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1—3	Работа в группе	<p>Максімов, 2007, с. 132—136</p> <p>Журнал «Тыждень»</p> <p>http://www.imf.org/external/np/sec/pn/2012/pn1272.htm</p>	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
8	<p><i>Круглый стол в Украине:</i> Последовательный перевод под запись (направление перевода: русский—английский и украинский—английский и в обратную сторону) Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	4, 5 6	Индивидуальная работа	<p>http://www.youtube.com/watch?v=Ij39_GxmySI Домашнее задание: поиск видео на английском (не менее чем 30 мин. для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: отрывок из публичного выступления (1 с.)</p>	2
9	<p><i>Презентация докладов студентами по теме: ВТО, структура и основные оговоры. Добро или зло для Украины? Дискуссия</i> 30 мин. теневой повтор с официального сайта ВТО. Видео о ВТО Ролевая игра: представитель ВТО, переводчик, российский и украинские журналисты Самооценка (обсуждение)</p>	1—3 4—6	Семинар Работа в группе	Изучение документов http://wto.in.ua/?lang=en	2
	<p><i>Введение темы тренером:</i> «Лакуны» в восприятии устного сообщения и способы их преодоления Круглый стол в Украине по ВТО. Последовательный перевод с английского языка на украинский язык (15 мин.) и на русский (15 мин.) под запись Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2, 3 4, 5 6	Лекция Семинар/Индивидуальная работа	<p>Максимов, 2007, с. 147—154 http://24tv.ua/home/showSingleNews.do?vstup_rosiyi_do_sot_zabezpechit_krayini_vvr_do_11&objectId=238001 Домашнее задание: поиск видео на украинском и русском (не менее чем 30 мин для теневого повтора для занятий дома) Наизусть: поэтическое произведение (1 с.). Изучение документов по теме «Россия и ВТО»</p>	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
10	<p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Россия и ВТО Составление глоссария 30 мин. теневой повтор видео по ВТО и России Ролевая игра: Министр финансов России, переводчик, журналы Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	<p>1, 2, 3 4, 5 6</p>	<p>Семинар Индивидуальная работа Работа в группе</p>	<p>2</p>	2
	<p>Последовательный перевод видео с официального сайта ВТО с русского на английский (20 мин.) под запись Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	4, 5, 6	Семинар/ Индивидуальная работа	<p>Изучение документов по теме Домашнее задание: поиск видео на английском (не менее чем 30 мин. для теневого повторения для занятий дома) Наизусть: отрывок из художественного произведения (проза) (1 с.)</p>	2
	<p><i>Введение темы тренером:</i> Профессиональный синхронный переводчик. Определение. «Правильные ораторы» и «правильные переводчики» Составление глоссария Подготовительное слушание и аннотирование на английском Синхронный перевод с русского на английский под запись Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	<p>1, 2 4, 5 6</p>	<p>Лекция Индивидуальная работа</p>	<p>Максимов, 2007, с. 171—176 Мирам, 2010 Речь Путина на встрече с представителями Союза российских предпринимателей, 6 февраля, 2007</p>	2

№ не-недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
11	<p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Здравоохранение ВОЗ, структура и ключевые договоры. Обсуждение Пленарное заседание: национальный приоритет — прекращение распространения рака груди 30 мин. теневой повтор с официального сайта ВОЗ. Видео о ВОЗ Английский перифраз Ролевая игра: представить ВОЗ, переводчик, журналисты Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2 3 4, 5 6	Семинар Индивидуальная работа Работа в группе	<p>http://www.who.int/countries/ukraine/ http://www.youtube.com/watch?v=Cqdaeb0FyDA Саммит по здравоохранению — David Redfern, GlaxoSmithKline http://www.youtube.com/watch?v=8_nmZ7pJGw0</p>	2
12	<p><i>Введение темы трениром:</i> Выполнение синхронного перевода. Вероятностное прогнозирование Синхронный перевод под запись (Направление перевода: английский—русский и английский—украинский) Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	5 6 4,5 6	Индивидуальная работа Индивидуальная работа	<p>Фирма Фарма http://www.youtube.com/watch?v=UO7tM-vJOb8&feature=relmfu Лекция по раку груди со слайдами http://www.youtube.com/watch?v=5_ueO4qcKIY&feature=relmfu</p>	2
	<p><i>Введение темы трениром:</i> Выполнение синхронного перевода. Вероятностное прогнозирование Синхронный перевод под запись (Направление перевода: английский—русский и английский—украинский) Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	4,5 6	Индивидуальная работа	<p>Максимов, 2007, с. 196—204 Лекция по раку груди http://www.youtube.com/watch?v=5_ueO4qcKIY&feature=relmfu</p>	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
12	<p><i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Проблемы здравоохранения в России и Украине Ролевая игра: министр здравоохранения Украины, переводчик, журналисты. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2, 3	Работа в группе	http://www.youtube.com/watch?v=Gkyu0U8Ml0o http://www.youtube.com/watch?v=ovia235nqRo	2
	<p><i>Введение темы тренером:</i> Компрессия и расширение в синхронном переводе Обуждение Синхронный перевод круглого стола с английского на украинский под запись Обуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	1, 2 3 5 6	Лекция Работа в группе Индивидуальная работа	Максимов, 2007, с. 216–223 http://www.youtube.com/watch?v=jNN1rqBKA4E&feature=relmfu http://www.youtube.com/watch?v=3H8Z_vs6RUI&feature=relmfu	2
13	<p>Презентация докладов студентами по теме: Ядерная энергетика. МАГАТЭ Обуждение глоссария Видео с официального сайта организации Воспоминание о Фукусиме Аннотирование: Фрагмент выступления главы МАГАТЭ (1–20 мин.) Обуждение. Самооценка</p>	1, 2, 3 5, 6	Семинар	http://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/IAEA_Safety_Glossary2007/Glossary_SafetyGlossary_2007r.pdf http://www.iaea.org/ http://www.iaea.org/newscenter/multimedia/videos/bog100912/actioplan/part1/index.html Leuren Moret о катастрофе на Фукусиме http://www.youtube.com/watch?v=htGD0v4-RNY&feature=relmfu	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
13	Синхронный перевод под запись (20–30 мин.) (направление перевода: английский—русский и английский—украинский) Обсуждение. Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	5, 6	Индивидуальная работа	http://www.iaea.org/newscenter/multimedia/videos/bog100912/actioiplan/part1/index.html	2
14	<i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Ядерная энергетика. Чернобыль. Составление глоссария по статьям на русском и украинском языках по теме. Изучение истории события Теневого повтор. Перевод с листа (направление перевода: русский—английский и украинский—английский). Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	1, 2, 3 5, 6	Семинар Работа в группе Индивидуальная работа	Изучение документов по теме http://www.youtube.com/watch?v=MKKz45ORPQQ Настоящая битва за Чернобыль (просмотр всего видео дома)	2
	<i>Введение темы трениром:</i> Грамматические проблемы в устном переводе. Решение проблем во время перевода Последовательный перевод (30 мин) перевод со сменной языков Самооценка Ролевая игра: доктор, живший в Чернобыльской зоне, переводчик, иностранные журналисты Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	1, 2 4, 5 5 6	Лекция Работа в группе	Максимов, 2007, с. 224—249 YouTube video Чернобыль — 25 лет спустя http://www.youtube.com/watch?v=e9Ts18dxuH0&feature=related	2

№ не-дели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
14	Синхронный перевод под запись Обучение Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	5, 6	Индивид. работа	Чернобыль — 25 лет спустя http://www.youtube.com/watch?v=e9Tsl8dxuH0&feature=related Домашнее задание: Изучение документов по теме дип. отношений между США и Россией. Современное положение вещей	2
15	<i>Введение темы трениром:</i> Особенности перевода со сменной исходящего языка английский—русский, русский—английский (диалог) <i>Презентация докладов студентами по теме:</i> Международные отношения. Российская Федерация и США в 2007 Прослушивание записи неофициальной встречи Путина с Бушем (30 мин.) Обучение Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)	1, 2, 3	Работа в группе	Мирам, 2010, т. 6.2.6 Неофициальная встреча Президента Путина с Президентом Бушем	2
	Последовательный перевод с последующим прослушиванием перевода, сделанного переводчиком, который присутствовал на встрече Сплошной синхронный перевод как английской, так и русской звучащей речи под запись	5, 6		Мирам, 2010, т. 6.2.6 Неофициальная встреча Президента Путина с Президентом Бушем	2

№ недели	Аудиторный вид работы	Метод таксономии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
16	<p>Введение темы тренером: Синхронный перевод в условиях сложной двуязычной коммуникативной среды, техника работы в сложной коммуникативной ситуации</p> <p>Анализ синхронного перевода господина Розетты на пленарном заседании ПАСЕ, 1999</p> <p>«Перевод с чужой кабинки» на украинский язык с английского перевода</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	<p>1,2</p> <p>3,4</p> <p>5</p> <p>6</p>	<p>Лекция</p> <p>Семинар</p> <p>Индивидуальная работа</p>	<p>Максимов, 2007, с. 268—273, т. 12.1</p>	
	<p>Перевод диалога. Учебный круглый стол на высшем уровне</p> <p>Подготовка ролевой игры: Путин, Обама, Янукович, 3 переводчика телеведущий, представители</p>	1—3	Работа в группе	Материалы из Интернета, найденные студентами и для подготовки к ролевой игре	2
	<p>Учебный круглый стол на высшем уровне</p> <p>Ролевая игра: Путин, Обама, Янукович, 3 переводчика, телеведущий, представители</p> <p>Самооценка, применяя профессиональные критерии (личный дневник)</p>	4—6	Работа в группе		2
17	<p>Подготовка к зачёту</p> <p>Повторение основных концепций из теории устного перевода.</p> <p>Повторение видов упражнений</p>	5, 6	Семинар	См. список литературы	2
	<p>Повторение ключевых понятий по темам, пройденных за семестр. Глоссарии</p> <p>Повторение техники перевода монологической и диалогической речи</p>	5, 6	Семинар	См. список литературы	2

№ не- дели	Аудиторный вид работы	Метод таксоно- мии	Метод обучения	Учебный материал	Кол-во часов
17	Зачёт. Последовательный перевод 3 мин.—3 мин.—3 мин. (монолог) (под запись) 15 мин. Синхронный перевод (диалог) (под запись) Комиссия прослушивает записи студентов, анализирует и оценивает качество переводов	5, 6	Индивид. работа Семинар	Тема и время для подготовки предоставляется студентам (1 ч)	6

Количество аудиторных часов: 90.

Количество часов на самостоятельную подготовку 135 часов: из них 80 часов на теневой повтор дома на трёх языках, 55 часов не зачитывание текстов.

Итого за семестр $90 + 135 = 225$ акад. часов, 7.5 зачётных единиц.

Список литературы

- Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский. М.: Р. Валент, 1999. 272 с.
- Виссон Л.* Аудиокурс к пособию «Синхронный перевод с русского на английский». Тексты для обработки навыков с комментариями и пояснениями. М.: Р. Валент, 2002.
- Корунець І.* Теорія і практика перекладу. Киев, 2000. 448 с.
- Максімов С.Є.* Усний двосторонній переклад (англійська та українська мови). Теорія та практика усного двостороннього перекладу для студентів факультету перекладачів та факультету заочного та вечірнього навчання (+2 компакт-диски): Навчальний посібник. Видання друге, виправлене та доповнене. К.: Ленвіт, 2007. 416 с.
- Миньяр-Белоручев Р.* Записи в последовательном переводе. М., 1997. 176 с.
- Мирам Г.Э.* Курс синхронного перевода (англо-русская языковая пара) / П.В. Амплеев, С.В. Иванова, Г.Э. Мирам. Киев: Ника-центр, 2007 (с аудиоприложением). 344 с.
- Мирам Г.Э.* Тренинг курс по синхронному переводу (с аудиоприложением) / П.В. Амплеев, В.В. Дайнеко, С.В. Иванова, Г.Э. Мирам. Киев: Арий, 2010. 192 с.
- Нестеренко Н.А.* Course in Interpreting and Translation. Посібник для студентів та викладачів вищих навчальних закладів / К. Лисенко, Н. Нестеренко. Вінниця: Нова Книга, 2006 (з аудіоматеріалами). 248 с.
- Ребрій О.В.* Основи перекладацького скоропису: Навч. посібник / За ред. Л.М. Черноватого, В.І. Карабана. Вінниця: Нова Книга, 2006. 152 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2004. 240 с.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
- Чужакин А.П.* Общая теория перевода и переводческой скорописи: Курс лекций. М.: Р. Валент, 2002. 160 с.
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. М.: Военное изд-во Мин. обороны СССР, 1979. 183 с.
- Jones R.* Conference Interpreting Explained. Manchester: St. Jerome Publishing, 1998. 152 p.
- Taylor-Bouladon Valerie.* Conference Interpreting — Principles and Practice. Adelaide: Crawford House Publishing, 2001. 290 p.
- Онлайн-ресурсы, онлайн-словари
<http://www.mutitran.ru/>
<http://www.lingvo.ru/>
<http://acronymfinder.com/>
<http://dic.academic.ru/>
<http://dictionary.cambridge.org/>
<http://thefreedictionary.com/>

***Официальные сайты организаций, новости онлайн,
справочные системы***

<http://www.coe.int/>
<http://www.coe.kiev.ua/>
<http://www.un.org/>
<http://www.port.odessa.ua/>
<http://www.imo.org/>
<http://www.youtube.com/>
<http://www.who.int/countries/ukr/en/>
<http://wto.in.ua/?lang=en>
<http://www.imf.org/external/np/sec/pn/2012/pn1272.htm>
<http://www.osce.org/what>
<http://www.ukraineinfo.gov.ua/>
<http://www.mfa.gov.ua/usa/>
<http://www.mfa.gov.ua/uk/>
<http://www.pravda.com.ua/>
<http://www.korrespondent.net/>
<http://www.ukrnow.com/>
<http://www.ap.org/>
<http://about/reuters.com/productinfo/>
<http://edition.cnn.com/>
<http://www.bbc.co.ua/>
<http://www.bbcworld.com/>
<http://www.aiic.net/>
<http://www.classicpoetryaloud.com/>

РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ, ОБЗОРЫ

В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов

ИНТЕГРАТИВНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ: ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ (к выходу книги Марии Поповой «Теория терминологии»)¹

В 2009 г. под эгидой Комиссии по терминоведению (*СлавТерм*) Международного комитета славистов и Российского терминологического общества (*РоссТерм*) стал выходить журнал «Славянское терминоведение». Было принято решение основать при журнале Международную библиотеку книг по терминоведению. В колонке главного редактора к первому номеру «Славянского терминоведения» было замечено: «Терминоведение как лингвоэпистемологическая научная отрасль уже не требует обоснования... Терминологи давно осознали факт, что

*кто владеет терминологией,
тот владеет цивилизацией*².

Очевидно, что активизация издания книг по терминоведению внесёт значительный вклад в подготовку и воспроизводство высококвалифицированных учёных-терминологов. При этом постепенно приходит осознание того, что терминологическая подготовленность нужна не только филологам, но и всем отраслевым специалистам.

Терминоведение выросло в такую научную дисциплину, которая способна заниматься изучением процессов становления, возвращения и образования научного мышления и научного сообщества, т.е. методами воспитания результативного научного работника. Терминоведение формирует у человека фундаментальные основы научного мышления и управляет процессами трансформации бытового мышления в мышление научное, т.е. охватывает своей креативностью и проблематикой все специальности и профессии.

Стоит вспомнить, что наиболее методологическая сфера научных процессов — философия науки, отстоящая от нас на 200 лет и заклю-

¹ В статье использован материал предыдущих публикаций авторов: *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Болгарское терминоведение: теоретические исследования и практическая терминология // Учитель, ученик, учебник: Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Л.А. Городецкая. М.: КДУ, 2011. Т. 1. С. 418—433; *Татаринов В.А.* Предисловие. Интегративная теория общего и болгарского терминоведения // Попова М. Теория на терминологията. Велико Търново: Знак'94, 2012. С. 17—20.

² *Татаринов В.А.* Діхї главного редактора // Славянское терминоведение. 2009. № 1. С. 3.

чѐнная, в частности, в трудах В. Уэвелля (1794—1866) и Дж.Ст. Милля (1806—1873), — начинала с тончайших наблюдений над терминологией. Определяя язык как универсальную среду бытия человека, философы науки смотрели и на профессиональную мысль как на субстанцию, формирующуюся в языке. Вот всего лишь одна цитата из Уэвелля: «Большая часть читателей, вероятно, держится того убеждения, что всякий писатель должен довольствоваться употреблением обыкновенных слов в их общепринятом значении, и чувствуют отвращение к техническим терминам и произвольным правилам фразеологии, как к педантизму и напрасной путанице. Однако кто только возьмѐтся за улучшение какого-нибудь отдела науки, тот сейчас же увидит, что без технических терминов и твѐрдых правил не может быть надежного или прогрессивного знания. Неопределѐнный и детский смысл обыкновенного языка не может обозначать предметов с твѐрдой точностью, необходимой при научном исследовании, и возводить их от одной ступени обобщения к другой. Для этой цели может служить только крепкий механизм научной фразеологии... Когда изучающий ботанику научится думать на ботаническом языке, то ему не покажется ненужным отличием, когда ему скажут, что *кисть* не есть *гроздь*, т.е. *thygus* отличен от *gasetus*; тогда он сам почувствует, что терминология ботаники есть полезное орудие, а не напрасное бремя».

Лейтмотивом основанной серии стала идея полипарадигмального формирования принципов и приёмов взращивания инновативно мыслящей личности в сфере профессионального творчества и цивилизационной технологии. Предполагается, что терминологи — авторы серии — смогут на современном уровне описать пути языковой объективации в профессиональной коммуникации достижений в духовной и материальной культуре, создаваемой профессионально думающими специалистами.

Отсюда жанровый диапазон серии может быть весьма протяжѐнным: от основополагающих монографий по терминоведению до терминологических словарей и терминоведческих дидактических пособий.

В серии хотелось бы уделить научное внимание также исследованиям по пограничным лексическим классам, таким, как спортивная лексика, публицистическая лексика, богословская терминология, термины цвета, термины родства и свойства и т.п.

Научная идея серии обогатилась бы и за сѐчёт работ интердисциплинарной направленности, исследований по взаимодействию терминоведения с другими науками, т.е. работ о росте мысли в результате сплава разнородных дисциплин или филиации глобальных подходов, происходящей в истории. Интерес представляли бы также работы о специфике терминологической номинации и её гносеологическом позиционировании в номинации общезыковой.

В качестве первого тома было решено опубликовать фундаментальное исследование известного болгарского терминоведа, члена-корреспондента БАН, доктора филологических наук, профессора Марии

Поповой «Теория терминологии», которое охватывает практически все заявленные темы основанной терминологической серии книг [Попова, 2012]. Автор книги поражает своей начитанностью в области терминоведения и знанием литературы вопроса в планетарном масштабе. От Марии Поповой, очевидно, не ускользнуло ни одного креативного достижения в мировом терминоведении. В то же время это позволило ученому создать поистине оригинальную концепцию науки о термине, которую мы определили бы как интегративное терминоведение, т.е. такое структурирование науки о термине, когда профессиональная мысль, объективированная в термине, изоморфно представлена на дисциплинарном уровне в максимально возможном объёме философско-герменевтических аспектов. Метафорически говоря, это новая “Politeia” терминоведения.

В первой части книги речь идёт о термине как сложном объекте терминоведения, сфокусировавшем в себе все элементы универсального инструмента гносеологического процесса, как центре кумуляции любого человеческого знания. Детализация проблем простирается от термина как знака естественного языка через аспектацию в сфере дефинитивности, структурного состава термина и терминологии, функциональную нагруженность терминологической единицы и заканчивается блестящим обзором традиций в изучении аспектов термина.

Многие традиционные проблемы в интерпретации М. Поповой находят весьма оригинальное разрешение. Так, вопрос соотношения термина и частей речи рассмотрен настолько нетрадиционно, что сам тип профессионального мышления человека оказывается в совершенно иной когнитивной плоскости, а именно: наделяя терминологическим статусом только имена существительные, автор тем самым восстанавливает субстантивный статус человеческого мышления, переводя прочие частеречные связи в профессиональном мышлении на уровень околосоубстантивной реляционной матрицы. Наша сегментация мира, тем самым, феноменологическая, точечная, сверхпредметная.

Второй раздел первой части посвящён дифференциации понятий «терминология» и «терминоведение», определению дисциплинарного места терминоведения, его взаимосвязи с другими науками, категориальному составу терминоведения, методам и подходам с преобладающим вниманием к лингвистическому методу.

Вторая часть книги включает исчерпывающий обзор мнений автора по проблемам терминологической номинации и терминообразования как континуального процесса в сфере профессиональной коммуникации. В третьей части содержится богатейший материал по системности и вариантности как естественным атрибутам терминологии, как нераздельного синергетического взаимодействия аналогии и лабильности.

Интегративный подход М. Поповой еще раз продемонстрировал, насколько серьёзной может быть терминоведение как метадисциплина о путях формирования научного мышления, как дисциплина, которая способна идентифицировать языковые инструменты научного освоения

мира и сделать тем самым максимально результативной любую познавательную деятельность.

Такая теоретическая результативность была достигнута М. Поповой, очевидно, её сверхактивной деятельностью в области практической терминографии и постоянной организацией работ по терминоведению в Болгарской академии наук, в которой имеется сектор терминоведения, возглавляемый М. Поповой. Её коллеги и соавторы по терминографическим изданиям значительно обогащают современное терминоведение.

Так, Дарина Геннадиева и Виктор Монеv в статье «Проблемы научной терминологии при составлении двуязычных специальных словарей (с учётом экономического немецкого языка)» обсуждают проблематику границ отраслевого языка и состава отраслевого терминологического словаря: через терминологические единицы должна быть адекватно представлена определенная область научного познания — это основа получения пользователем чётких ориентиров в плане понимания терминов и возможности их применения в коммуникации. Требования к современному словарю таковы, что он призван не только обеспечить расширение словарного запаса, но и предоставить возможности для развития языковой компетентности. Для решения этой задачи словарь должен содержать актуальные терминологические единицы и обеспечить манифестацию связей между ними в виде коллокаций. При этом современные компьютерные технологии (компьютерные словари, приложения с интернет-базированием) позволяют усилить удобство пользования словарём; тем же целям служит и функциональное полиграфическое оформление. Авторы рассматривают проблемы адекватности терминологических систем на материале «экономического немецкого языка и его передачи на болгарском языке» [Геннадиева, Монеv, 2008, с. 383].

Авторы подчёркивают, что двуязычный словарь предполагает как описание специфики культуры исходного языка, так и языка перевода. Такая методика обеспечивает полифункциональность словаря и его направленность не только на отечественного, но и на иностранного пользователя внутри страны (эта задача облегчается благодаря включению примеров коллокаций и устойчивых фразем). Отбор лексических единиц производится из современных толковых словарей исходного языка при применении статистических критериев частотности и распространённости по регионам. В качестве проблемы при составлении двуязычного немецко-болгарского экономического словаря авторы указывают на необходимость чёткого разграничения *сфер употребления экономического языка*.

В научных кругах распространено представление об экономическом языке как о коммуникативном средстве экономики; при этом общепринятое определение такого языка, его границ и состава, выработано не было. Авторы подчёркивают, что понятие *экономика* довольно неоднозначно, так как содержит не только науку экономику,

но и хозяйственную деятельность в её разнообразных социальных и междисциплинарных проявлениях. Исследователи считают, что принятое деление экономической науки (на основе исследований М. Хундта) на экономические дисциплины (занимающиеся исследованием экономических процессов, созданием экономических моделей и прогнозированием в экономике), экономические институты и хозяйственную жизнь как часть экономических процессов выдвигает на первый план прагматические аспекты. Экономика, составляющая ядро экономических наук, группирует вокруг себя право, политологию, психологию, историю, социологию, географию, математику, статистику, информатику и другие науки. Их взаимопроникновение порождает ряд междисциплинарных отраслей знаний. Авторы приводят немецкие термины и дают их болгарские соответствия (в связи с их аналогичностью терминам русского языка мы даём их в русском переводе): *Wirtschaftsgeschichte* — экономическая история, *Wirtschaftsgeografie* — экономическая география, *Ökonometrie* — эконометрия. Как отмечают авторы, целый ряд болгарских названий разделов экономической науки и терминов находится на этапе формирования их дефиниций. Так, соответствием термина *Wirtschaftsrecht* отчасти является термин *торговое право*, термин *Wirtschaftsinformatik* переводится как *экономическая информатика*, *Wirtschaftspolitik* — как *экономическая политика*, *Wirtschaftspsychologie* — как *экономическая психология*, *Wirtschaftssoziologie* — как *экономическая социология*, а *Wirtschaftsmathematik* — как *экономическая математика*. Обращается внимание на то, что термин *экономические науки* в немецкоязычных странах является собирательным гиперонимом в отношении терминов *макроэкономика* (*Volkswirtschaftslehre, VWL*) и *микроэкономика* (*Betriebswirtschaftslehre, BWL*).

При этом ряд болгарских терминов, пришедших из американского английского, может различаться по своему наполнению от соотносящихся с ними немецких терминов. Макроэкономика (*VWL*) занимается экономической теорией и экономической политикой и финансами (*Volkswirtschaftstheorie, Volkswirtschaftspolitik, Finanzwissenschaft*), а микроэкономика (*BWL*) подразделяется на общую (*Allgemeine BWL*) и специальную (*Spezielle BWL*) и занимается спецификой предприятий по отдельным секторам экономики и их функциональными признаками в отвлечении от конкретной сферы экономики (*Institutionenlehren: Industriebetriebslehre, Handelsbetriebslehre, Bankbetriebslehre, Versicherungsbetriebslehre, Verkehrsbetriebslehre; Funktionslehren: Organisationswirtschaft, Personalwirtschaft, Anlagenwirtschaft, Materialwirtschaft, Absatzwirtschaft, Controlling/Verwaltung, Datenverarbeitungswirtschaft*).

Авторы уверены, что при составлении словаря необходимо принимать во внимание многие частные науки, — и лишь таким образом может быть обеспечен оптимальный объём лексики с учётом её специфики.

Подчёркивается сложность отбора лексики в словарь в связи с многослойностью понятия *экономический немецкий язык* и большим

количеством его дефиниций в немецкой экономической литературе. Оно содержит как собственно экономические, так и понятия экономической политики, биржевые термины, лексику торговли и промышленности, нацеленную на потребителя. Гетерогенный характер отличает экономический подъязык от других языков для специальных целей. Этот язык призван обеспечить профессиональную коммуникацию между специалистами в разных стилевых разновидностях — в профессиональном жаргоне, разговорном языке, нейтральном и научном стилях.

Несмотря на многообразие функций и отраслевых приложений, авторы настаивают на существовании и общеэкономического языка, что продиктовано структурой высшего образования и изучением в вузах фундаментальных экономических дисциплин. В то же время имеется и подъязык немецкой экономики, обеспечивающий профессиональную коммуникацию между экономистами частных областей, таких, например, как финансы, страхование... Не вызывает сомнений и существование узкопрофильной сферы применения экономической терминологии, связанной, к примеру, с капиталовложениями.

С точки зрения отбора словника для двуязычного словаря проблемой является презентация лексики из смежных с экономикой областей: юриспруденции, информатики, коммуникации с клиентурой и др. Экономическая теория строится с учётом, в частности, европейского права: Торгового кодекса, Закона об акционерных обществах и др. Поэтому собственно экономическая часть должна быть дополнена целым рядом юридических терминов, а также лексическими единицами из сферы СМИ и коммуникации.

Рассматривая проблемы отбора и позиционирования терминов в двуязычном экономическом словаре, авторы останавливаются и на частных областях экономики, включаемых в словарь. В качестве надёжного, хотя и времязёмкого способа выявления терминологических единиц для такого словаря, они называют составление корпуса специальных текстов по данной отрасли и последовательный частотный анализ употребления терминов в текстах. Учёные подчёркивают, что новые СМИ и Интернет позволяют быстро проверить частотность употребления данных терминов путём ускоренного поиска через ссылки на данные термины в Интернете или в части сети. Полноту регистрации имеющихся экономических терминов обеспечивают одноязычные лексиконы и тезаурусы, содержащие реестр терминов данной области с их толкованием; наличие термина в таком источнике означает его экономическую релевантность и является основанием для включения его в словарь. Авторы указывают на специфику современного болгарского языка с точки зрения взаимоналожения политических и экономических терминов, связанных с интеграцией Болгарии в Евросоюз. Большой трудностью является переводное освоение этих лексических единиц болгарским языком. Применяется также перевод слов и фраз через заимствование и описательный перевод.

При составлении двуязычного словаря экономического немецкого языка проблемой является массовая инвазия английских слов в немецком языке, получившая название “Denglish”, когда замещение немецкого термина английским связано не с отсутствием немецкого термина, но лишь с увлечением английским языком как лингва-франка современного мира в эпоху глобализации. Авторы полагают, что английский вариант следует использовать лишь в случае его принятия специалистами или отсутствия его немецкого соответствия. В словарь включаются также английские и немецкие термины-синонимы, а также термины, развившие со временем другие значения.

Важной частью своей словарной работы терминографы считают презентацию в словаре связей между терминами. Они полагают, что «современный словарь не может и не должен иметь ограничения в количестве лексических единиц и их соответствий» [Генадиева, Монеv, 2008, с. 388], так как среди целей его создания во главу угла ставится развитие коммуникативной компетенции его пользователей. В качестве средства более полной презентации лексических значений авторами словаря применяется метод отсылок к другим единицам словаря. В самой структуре словаря закладывается маркирование ассоциативных и иерархических отношений между терминами. Эти реляции могут устанавливаться с помощью разных типов анализа — текстоориентированного, статистического, контекстуального. В любом случае в качестве ведущего авторами выбран метод указания реляций между лексическими единицами, отсылки на их способность вступать друг с другом в определённые комбинации и участвовать во фразеологических оборотах. Именно система перекрестных ссылок обеспечивает возможность взаимокомбинирования единиц словаря и приближает его к языку современной науки и практики.

Авторы останавливаются на СМИ нового типа как удобном средстве презентации словаря: компьютерные технологии позволяют производить вставки в электронный документ, с их помощью облегчаются ссылки от одной лексемы к другой. Издание словаря на электронных носителях позволяет подключить дополнительные функции, такие, как самообучение, заучивание новых слов, составление собственного словаря из терминов с наибольшей встречаемостью и самым частым применением.

Важным применением электронных средств является создание в Интернете электронных массивов на благо группы специализированных потребителей. Такого рода массивы, например LEXIS, GRAMMIS, формируются в Институте немецкого языка в Мангейме как результат коллективного труда по сбору данных. Начало формирования такого массива по болгарскому языку заложено в систему VulTreeBank.

Авторы полагают, что современный словарь должен быть максимально близок употреблению лексических единиц в современном языке в его дискурсивной фактуре: «Современные технологии предоставляют богатые возможности для обработки языковых данных, а их примене-

ние предоставляет бесспорные преимущества для развития лексикологии» [там же, с. 389].

В статье Цветанки Аврамовой «Проблемы представления названий растений в словарях (на основе сопоставительного материала)» анализируются дефиниции толковых словарей — многотомных и однотомных, болгарских и чешских — с точки зрения лексикографического описания названий растений. При этом подчёркивается терминологичность системы названий растений, рассматриваемых по традиции как группа лексики, переходная между терминами и нетерминами. Автор тестирует толковые словари как раз с точки зрения представленности в них «наряду с общепринятым и специализированного, терминологического, значения» [Аврамова, 2008, с. 373]. Она обращает внимание на то, что акценты в словарях расставляются в зависимости от преобладания в них наивной или научной картины мира. Что касается лексического состава толковых словарей, то они, как и энциклопедические, «содержат имена нарицательные не только из области быта и культуры, но и названия животных и растений <...>, их сложно идентифицировать лишь на основе дефиниции толкового словаря, поэтому в целях идентификации к ним добавляется латинское наименование, а в энциклопедическом типе словаря для их распознавания — еще и рисунок (фотография)» [там же]. Ц. Аврамова указывает, что в Универсальном энциклопедическом словаре при болгарских названиях растений и животных приводятся и образные типы значений. Такие исходные положения легли в основу работы над многотомным Словарем болгарского языка. В нём, в частности, реализован такой принцип, при котором «названия растений и животных толкуются с помощью описательной дефиниции, в которую могут включаться термины ботанической и зоологической классификации, но лишь самые распространенные из них, чтобы избежать узкоспециальных терминов» [там же, с. 374]. По аналогичному принципу (но без строгой последовательности) строится и однотомный толковый словарь болгарского языка.

Ц. Аврамова полагает, что в словарной статье наивное и научное познание должны соединяться как два типа познания; при этом применение естественного языка в качестве метаязыка описания представляется автору недостаточным, тем более, что в ряде словарей характерные признаки каких-либо растений могут даваться не вполне корректно. Об этом говорят исследования, предпринятые Секцией сопоставительного исследования болгарского языка с другими языками в Институте болгарского языка БАН. Так, в рамках разрабатываемого проекта «Фрагменты языковой картины мира через призму вторичных номинаций (на основе материала болгарского, русского, чешского, французского, английского, сербского языков и иврита)» (автором методики исследования и руководителем проекта является П. Легурска) был подготовлен сопоставительный корпус названий чешского и болгарского языков.

В качестве целей исследования отмечается «проведение анализа способов вторичного названия и вторичной номинации как единиц словарного состава языка с семасиологической и ономасиологической точек зрения в области определенной семантической группы имён». И далее: «Исследовательская задача проекта состоит в конструировании языковой картины мира вторичной номинации в перечисленных языках в интегральной, компактной и эффективной форме научного выражения, каковой является словарь с определённым типом корпуса» (П. Легурска — цит. по: [Аврамова, 2008, с. 376]).

Ц. Аврамова подчёркивает, что основополагающим лексикографическим принципом является унифицированное толкование значений лексических единиц одной тематической или лексико-семантической группы. По результатам анализа чешских и болгарских одно- и много-томных толковых словарей (в том числе словарей иностранных слов) были выделены примеры взаимонесоответствий в характере упорядочения лексических значений в названиях растений, что непосредственно связано с выделением основных и неосновных значений. Эти несоответствия наблюдаются как между толковыми словарями одного языка, так и между чешскими и болгарскими толковыми словарями. Несоответствия между чешскими и болгарскими словарями охватывают такие названия растений, как *баклажан*, *маслины*, *картофель* и др., и побуждают в очередной раз вернуться к вопросу о критериях выделения основных и неосновных значений.

В случае названий растений несоответствия нередко сводятся к тому, какое из них считать основным — само растение (возможно, дерево, кустарник...) или его плод/семена. Ц. Аврамова подчеркивает, что в современной лексикографии основным принято считать самое частотное значение или же то, которое является первой ассоциацией, возникающей в сознании носителя языка при произнесении данного слова. Представления, будучи результатом знаний и опыта, неодинаковы у всех членов общества. Так, для городского жителя сельскохозяйственные растения вызывают ассоциации в первую очередь с плодами и семенами, соответственно лексикографу в иерархии значений на первое место следовало бы поставить значение *плод/семена*. Возможно, что, сообразуясь с представлениями сельского жителя, на первое место следовало бы поставить значение *растение*.

Что же касается экзотических растений, особенно тех, которые появились на рынке недавно, очевидно, что релевантным является только одно значение — *плод*. Однако составители словарей такой логикой не руководствуются. В болгарских словарях первое место обычно занимает значение *растение/дерево/кустарник* (а уже потом *плод, семена...*). В чешских словарях картина менее последовательна: так, при названиях таких растений, как *морковь*, *горох*, *огурцы*, *репа*, *слива*, *фасоль*, *тыква* и др., в качестве первого значения дается *растение*; а что касается названий экзотических растений, единого подхода при упорядочении значений здесь не наблюдается.

На основе выявления инвариантной семантической структуры слов тематической группы *растения* Сектором была создана модель и своего рода эталон сопоставления данной группы в двух и более языках; значения упорядочиваются следующим образом:

1. определённое растение;
2. метонимия: 2.1. плод растения, 2.2. блюдо из растения, 2.3. семя растения / растение как приправа, 2.4. промышленный продукт из растения, 2.5. питание животных растением, 2.5. участок земли, засеянный данным растением;
3. образная метафора: человек/предмет, характеризующийся по свойствам, приписываемым растению;
4. номинативная метафора: часть предмета, по внешним или функциональным свойствам напоминающая данное растение.

Таким образом, в группе растения под номером 1 должно идти значение *растение*, а значения *плод*, *семена* рассматриваются как метонимические и вторичные. Такой порядок презентации значений предлагается сохранять в многотомных толковых словарях. В то же время в одготомных словарях нет необходимости фиксировать все значения: близкие значения могут быть объединены в одно.

На основе модели инвариантной семантической структуры слов тематической группы *растения* предлагается решать также другие лексикографические проблемы, в частности установления границ между полисемией и омонимией.

Сия Колковска в статье «Модели концептуально-семантического отношения часть — целое в специальных текстах (из области химии)» обращается к проблеме автоматического распознавания концептуально-семантических отношений партитивности и рассматривает модели таких отношений иерархического характера на материале химических текстов. Подчёркивается важность такого исследования с точки зрения формирования системы научных понятий в разных областях знаний. Предполагается, что его результаты найдут применение в лексикографии и терминографии, в частности для устранения неточностей и пропусков в уже созданных словарях.

В специальных текстах отношения *часть — целое* формируются на базе типовых лексем и словосочетаний (*маркеров*) с предсказуемым языковым обликом, что делает принципиально возможным создание моделей таких отношений с целью их автоматического поиска на основе лингвистических методов. Наряду с маркерами соответствующие модели содержат термины (от одного и более), обозначаемые как X и Y, отношения между которыми соотносятся как *часть — целое* (например, *озон состоит из водорода; вода состоит из кислорода и водорода*).

Автор раскрывает сущность партитивных отношений: «отношения между двумя понятиями, относящимися к объектам, один из которых является частью другого, т.е. первый объект включает второй, а второй является его частью...» [Колковска, 2008, с. 416]. Эти отношения

могут быть представлены двумя разными способами в зависимости от точки отсчета. С точки зрения включающего понятия (холонима) партиитивность выражается глаголом *включать*, а с точки зрения понятия-части (меронима) эти отношения выражают конструкции типа *является частью чего-л.* Эти отношения конструируются на базе болгарского языка с помощью двух типов моделей: **X включава Y** ‘X включает Y’ и **X е част на Y** ‘X является частью Y’. Эти модели представляют собой основу для других производных от них синонимических моделей партиитивных отношений, в которых представленные выше маркеры заменяются их синонимами, такими, как *включвам* ‘включать’, *съдържа* ‘содержать’ и *състоя се* ‘состоять’. Автор указывает, что варианты, в частности, связанные с различиями порядка слов, имеются у большинства моделей, которые вместе с вариантами образуют отдельные группы. Всего на базе партиитивных отношений выделено 25 таких групп, при этом для одних точкой отсчёта послужил холоним, а для других — мероним.

С. Колковска подчёркивает, что разработка модели партиитивных отношений является частью общей задачи, связанной с обработкой языка в компьютерной лингвистике. Ведь «автоматическое распознавание концептуально-семантических отношений представляет собой идентификацию выражающих их лексем или словосочетаний в текстах с помощью различных методов без применения предварительного анализа этих текстов. <...> При совпадении модели и определённых элементов текста эти элементы извлекаются как возможные представители искомым лексических единиц» [там же, с. 417]. Лексические модели в данном случае применяются в отношении электронных химических текстов, в том числе и для выявления в них терминов, связанных концептуально-семантическими отношениями, в данном случае — партиитивными, как в нижеследующих примерах.

А. *Естественният каучук се съдържа в латекса (растителен сок на каучуконосните тропически растения)* ‘Естественный каучук содержится в латексе (растительном соке каучуконосных тропических растений)’. *Латекс* является здесь термином, называющим целое, а *каучук* есть термин, обозначающий его часть.

Б. *В аспири се съдържа салицилова киселина* ‘В аспирине содержится салициловая кислота’. *Аспирин* представляет собой термин, обозначающий целое, а *салициловая кислота* — его часть.

Автор подчёркивает перспективность и важность автоматического распознавания концептуально-семантических отношений в компьютерной лингвистике, в частности в терминологической сфере и в целом в компьютерной обработке знаний — knowledge engineering. Ведь системы научных понятий, вся терминологическая сфера, организованы именно на основе таких отношений. Такой подход применяется и в деле создания терминосистем и терминологических баз данных, и в пределах таковых — в частности, для установления иерархических отношений между терминами. Он плодотворен в лексикографии

и терминографии. Распознавание концептуально-семантических отношений «позволяет автоматически извлекать из текстов иерархически связанные лексические единицы» [там же, с. 419], что в свою очередь позволяет создавать и улучшать тезаурусы, повышать системность в словарях и семантических сетях, полноту и точность таких сетей, выявлять и устранять в системных отношениях непоследовательности и пропуски, автоматически выявлять группы гипонимов и гиперонимов, а также облегчить и усовершенствовать лексикографическую деятельность в целом и дефинирование терминов в частности.

Среди применений метода называется совершенствование учебников по химии в плане презентации в них партитивных отношений. Терминологический словарь по естественным наукам, выполненный коллективом авторов во главе с Марией Поповой, в разделе *Химия* является плодом иерархизации системных, в том числе — партитивных отношений по указанному методу. С. Колковска подробно останавливается на данном разделе указанного Терминологического словаря, чтобы наглядно показать на примерах, каким образом совершенствовались в нём системные связи терминов. В результате метод способствовал снятию вопросов в случае сомнений в плане установления отношений партитивности между терминами, для уточнения связей между терминами в случае разных мнений в источниках относительно составных частей химических соединений, для выявления отсутствующих групп терминов, связанных партитивными отношениями.

Эффективность применения метода измеряется на основе критерия эффективности, в свою очередь содержащего показатели *точности* и *полноты*: «С помощью критерия полноты определяется, какая часть от всех слов и словосочетаний текста, относящихся к искомому лексическим единицам, распознана с помощью соответствующего метода. С помощью критерия точности определяется, сколько из выявленных соответствующим методом слов и словосочетаний действительно относятся к искомому лексическим единицам» [Колковска, 2008, с. 419—420]. Автор подчёркивает, что целостная оценка данного метода является пока делом будущих наблюдений. Она утверждает, что описанный метод применим и для исследования родовидовых отношений, являющихся важным типом концептуально-семантических отношений и неотъемлемой частью специальных текстов.

Терминоведческие и терминографические исследования, осуществляемые болгарской академической наукой, проецируются в изучение языка для специальных целей, в частности в практику создания школьных терминологических словарей по разным отраслям знаний. Среди таких словарей — «Терминологический словарь по естественным наукам. Основные термины: астрономия, биология, география, физика, химия» [Попова, Колковска, Димитрова, Христова, Петкова, 2006]. Данный словарь содержит термины по астрономии, биологии, географии, физике и химии. Это словарь смешанного, толково-энциклопедического типа «для любознательного читателя», для широ-

ких кругов общественности. В предисловии авторы указывают, что объективным критерием включения термина в словарь послужило его наличие в учебниках (на основе полной инвентаризации употреблённых в них терминов) для общеобразовательных школ с 4 по 12 класс за период с 1989 г. по настоящее время. В качестве дополнительных источников пополнения словника рассматривались учебники за предыдущие годы, энциклопедии, словари более общего характера и специализированные словари болгарского и иностранных языков, учебники для вузов и консультации специалистов представленных в Словаре областей знаний.

Толкование терминов (слов или словосочетаний) осуществляется в словаре двуступенчато — на основе их значения и содержания. Содержание термина «понимается как вся совокупность знаний об объекте, обозначенном с помощью термина» [там же, 8], описываемая в учебниках, энциклопедиях, научных статьях и монографиях, а под значением термина имеется в виду «та малая часть его содержания, т.е. знаний об объекте, которые необходимы и достаточны для его идентификации или же распознавания и понимания» [там же], которая отражается в его дефиниции. Однако при некоторых терминах с целью более чёткого их объяснения приводятся и признаки, связанные с их содержанием (они даются за дефиницией с помощью специального значка — зачёрченного квадрата). В ряде случаев это позволяет учесть специфику проявления свойств объектов или явлений на территории Болгарии или просто привести любопытные факты.

Толкование терминов в Словаре представляет собой закрытую систему в том плане, что оно осуществляется на базе общеупотребительной лексики. Термины даются в алфавитном порядке, однако те из них, которые начинаются с греческих букв, даются уже в конце корпуса, после болгарской буквы *я*. В случае синонимичных и полностью взаимозаменяемых терминов дефиниция придается лишь одному из них, а другие синонимы получают её путём отсылки. Если какой-либо термин выступает в разных областях знаний с одним и тем же значением, обозначает один и тот же объект или одно и то же явление, то он описывается в пределах одной словарной статьи и общей дефиниции, а области применения термина (например, *Хим.*, *Биол.*) перечисляются после заголовочного слова. Если один и тот же термин обозначает один и тот же объект в разных областях знаний, но в каждой из этих областей акцентируются разные его аспекты, то его описание осуществляется по принципу описания многозначного слова, т.е. с помощью отличающихся друг от друга дефиниций, которые следуют после пронумерованных областей применения.

Термины получают в словаре грамматическую характеристику. Если более частотной формой существования термина является форма множественного числа, то заголовочное слово выступает именно в таковой. Если термин имеет только форму множественного числа или только форму единственного числа, это фиксируется с помощью соответствующих помет.

Системные связи терминов отражены в словаре путём отсылки от родового термина к видовому через помету **В: вж.** ‘см.’, означающую *Видовые термины: см. на соответствующем месте алфавита*. Специальными пометами фиксируются также межвидовые связи. Специальные знаки применяются как сигналы антонимов. После корпуса словаря следует ряд приложений, среди которых Список химических элементов, Список знаков (символов) химических элементов, Списки международных и болгарских единиц измерения, а также Список величин и их единиц измерения, представленных в Словаре.

Способы описания терминов в словаре подводят к мысли о представленном в нём симбиозе многих, в том числе новаторских, методов терминографического описания. Данный словарь является первым в замечательной серии болгарских школьных терминологических словарей.

Следующими словарями, созданными в аналогичном концептуальном ключе, стали «Терминологичен речник по хуманитарни науки. Основните термини от: български език, литература, философия, логика, психология, изобразително изкуство, музика» [Попова, Попов, Петкова, Симеонова, Христова, 2007] и «Терминологично-енциклопедичен речник по обществено-политически науки: история на България, обща история, политика, евроинтеграция, право, етика» [Попова, Христова, Попов, Петкова, Симеонова, Симеонова, Колковска, 2012]. Словари ещё раз продемонстрировали, насколько трудным является установление границ между отдельными отраслями гуманитарного знания. Демаркация отраслевого знания в настоящее время осложнилась ещё и тем, что в одной хронологической точке встретились пересекающиеся в своей семантике метатермины *гуманитарный, социальный, общественный, общественно-политический, относящийся к наукам о духе, духовный, духовно-исторический* и др.

Авторы рецензируемых работ, видимо на интуитивном уровне, к гуманитарным наукам отнесли дисциплины, которые в большей мере тяготеют к словесности, а к общественным наукам — те, которые «ангажированы» политически.

Болгарские терминологи и терминографы запланировали издание ещё целого ряда терминологических словарей: математического, компьютерного, спортивного и др. Составление таких словарей Секция терминологии и терминографии Института болгарского языка Болгарской академии наук считает своей важнейшей прикладной задачей. Предназначение таких словарей — максимально служить читателю, быть его повседневым другом и советчиком, а потому — предполагаемый широкий круг пользователей, по нашему убеждению, обязательно станет реальностью.

Словарные проекты для средней школы типа рассмотренных выше хотя и необходимы, к сожалению, не реализуются полностью, так как весьма трудозатратны. Нам известно всего несколько отечественных незавершенных проектов [Гумаров, 1981; Пакулова, 1990; Рождественский, 2002а, б].

При этом болгарские терминологи и терминографы оперативно реагируют и на важнейшие российские терминографические инициативы (см., например, рецензию известнейшего болгарского терминоведа и терминографа Марии Поповой на «Общее терминоведение: Энциклопедический словарь» В.А. Татарина [Попова, 2009]).

Таким образом, болгарское интегративное терминоведение, находясь в русле мировых трендов в современной науке о термине, вносит значительный вклад как в актуализацию терминоведческой проблематики, так и в поддержание высокого научного статуса терминоведения и его особой роли в развитии науки и образования.

Список литературы

- Аврамова Ц.* Проблеми на представяване на названия на растения в речници (върху сопоставителен материал) // Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография (в памет на проф. д.ф.н. Кети Анкова-Гичева). София: Проф. Марин Дринов, 2008.
- Генадиева Д., Монеv В.* Проблеми научной терминологии при составлении двуязычных специальных словарей (с учётом экономического немецкого языка) // Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография (в памет на проф. д.ф.н. Кети Анкова-Гичева). София: Проф. Марин Дринов, 2008.
- Гумаров В.З.* Русско-башкирский словарь по анатомии и физиологии человека. Уфа, 1981. 132 с.
- Колковска С.* Модели на концептуално-семантичните отношения част—цяло в специални текстове (от областта на химията) // Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография (в памет на проф. д.ф.н. Кети Анкова-Гичева). София: Проф. Марин Дринов, 2008.
- Кульпина В.Г., Татаринoв В.А.* Болгарское терминоведение: теоретические исследования и практическая терминография // Учитель, ученик, учебник: Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Л.А. Гордеевская. М.: КДУ, 2011. Т. 1.
- Пакулова В.М.* Работа с терминами на уроках биологии. М.: Просвещение, 1990. 95 с.
- Попова М.* [Рец. на кн.:] *Татаринoв В.А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, [Библиотека журнала «Русский Филологический Вестник», т. 44], 2006. 526 с. // Съпоставително езикознание. 2009. № 3.
- Попова М.* Теория на терминологията. Велико Търново: Знак'94, 2012. 687 с. (Сер. Международная библиотека журнала «Славянское терминоведение». Т. 1).
- Попова М., Колковска С., Димитрова Г., Христова А., Петкова Е.* Терминологичен речник по природни науки / Българска академия за науките, Институт на български език. София: Наука и изкуство, 2006. 463 с.
- Попова М., Попов Б., Петкова Е., Симеонова К., Христова А.* Терминологичен речник по хуманитарни науки / Българска академия за науките, Институт на български език. София: Наука и изкуство, 2007. 498 с.

- Попова М., Христова А., Попов Б., Петкова Е., Симеонова К., Симеонова М., Колковска С.* Терминологично-енциклопедичен речник по общество-но-политически науки / Българска академия за науките, Институт на български език. София: Наука и изкуство, 2012. 526 с.
- Рождественский Ю.В.* Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус). Мораль. Нравственность. Этика. М.: Флинта; Наука, 2002а. 88 с.
- Рождественский Ю.В.* Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус). Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование. М.: Флинта; Наука, 2002б. 112 с.
- Татаринов В.А.* Діхї главногo редактора // Славянское терминоведение. 2009. № 1.
- Татаринов В.А.* Предисловие. Интегративная теория общего и болгарского терминоведения // Попова М. Теория на терминологията. Велико Търново: Знак'94, 2012.